

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.com

октябрь 2009
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

Человек в экстремале П. ТАСКАЕВ	Осенний Екатеринбург ..... 2 пол. обл.
Путешествие У. МАРКОСЯН	Путешествие по Качканару.....2
Экспедиция В. ЮКЧУБАЕВ	Сплав по Народе (продолжение) 8
Экипировка В. ПРИМЕРОВ	Дороги без конца и начала..... 14
Путешествие по Уралу А. СЛЕПУХИН	Снаряжение скалолаза 21
Человек в экстремале Р. КИРШИН	Лица исчезающего лесного народа 24
Путешествие по Уралу А. МУРЗИН	Уральские геокэшеры.....28
Школа экологического воспитания И. КУЗНЕЦОВА	Барсучий колок..... 30
Заповедные земли Б. ПОПОВ	Прекрасные места, в которые не хочется возвращаться..... 35
АЭЛИТА	Записки факторщика (окончание)..... 36
Координаты чудес В. КЕТАТ	Пройди мимо своего шанса 44
Законы Вселенной А. СЫРЦОВА	Точка отсчёта 48
Законы Вселенной Г. ЕСКЕВИЧ	Тринадцатая платформа 52
РЕКА ВРЕМЕНИ	
Тропой поиска Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России (продолжение) 51
Клуб собирателей В. ПУРОНЕН	Американская афера 56
Мемуары В. ЧЕКАН	Фрагменты биографии (продолжение) 58
Далекое–близкое А. ПИЧУГИН	Ушковская канава..... 63
В мире прекрасного О. КОРЯКИНА	«Секретный» подряд Геннадия Мосина..... 66
Литературное краеведение А. КОНДОР	Сокровище Тамурии (начало) 68
Краеведческая копилка А. КОЗЫРЕВ	Ученый без противогАЗа 76
Камни Урала В. АВДОНИН	Гранаты - ветераны минерального царства..... 77
Человек и природа М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН	Обитатель мелководий ..... 3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго
Ответственный секретарь – Е. Пахомова
Худ. редактор, верстка – М. Ю. Шафикова
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки – П. Таскаев

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель – ООО «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России,
• Семен Спектор, заслуженный врач России,
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, вы-
дано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускает только письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

• ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37

• ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40

• ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73

• ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43

• ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81

• ул. Победы, 38, тел. 330-16-82

• пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21

• ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46

• ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №10 подписан к печати 15.09.2009 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

на обложке:

Фотограф П. Таскаев

«Уральский следопыт», №10 (628), 2009. Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Скала верблюд полностью вошла в кадр сверхширокоугольного объектива!

ПАВЕЛ ТАСКАЕВ

Фото предоставлены автором

Путешествие по Качканару

Гора Качканар – одна из высоток горного массива, расположенного в центре хребта Среднего Урала. Гора удивительна сложностью геологического строения и своей неповторимой красотой. Чем и привлекает к себе многочисленные паломничества туристов со всей области независимо от того, что во многом уступает своим братьям и сёстрам по высоте!

Первый день похода.

От вершины к вершине.

Стою на вокзале, жду прибытия электропоезда «Нижний Тагил-Качканар», в котором должна приехать моя подруга Ирина Азовская со своими друзьями: Машей и Наташей Вахрушевыми, Наташей Лакеевой, Серёгой Пигаревым, Серёжей Ксенофонтовым и Олей Левиной

из нижнетагильского турклуба «Азимут». За спиной тяжеленный рюкзак, хотя почти ничего весомого с собой я не взял, впереди рюкзачок поменьше, в нем фотоаппарат и куча приборбасов к нему. Так что стою ровно, баланс уравновешен!

Наконец, прибыл долгожданный поезд, ищу нужный мне вагон. Двери не торопливо откры-

лись, и вот вижу - выскакивают ребята, одетые подобно мне и тоже с громадными рюкзаками. Понял: это те, кого я жду. Среди вновь прибывших, смотрю, мелькает знакомое личико. Это Ирина, идёт и приветливо улыбается мне. Эта первая наша встреча вживую, до этого момента мы общались только по интернету. Сразу, на месте, со всеми познакомились,

ребята оказались очень весёлые, это хорошо! Записали на вокзале расписание поездов на обратную дорогу, несколько раз сфотографировались (знаменательный момент, прибыли в Качканар) и потопали в город. По дороге зашли к одному местному товарищу, свериться информацией о проложенном маршруте. С погодой нам повезло, солнышко светит, из города видно гору, ребята в восторге, а нам еще идти и идти! Ближе, у подножия, запаслись и распределили воду, настрой у всех боевой. Перед подъёмом решили искупаться, вода в пруду оказалась еще теплой. Кстати, пруд в Качканаре называют еще «Качканарским морем»!

И вот, наконец, подъём! Дорога вверх оказалась сложнее, чем предполагали. Первые 150-200 метров пути были почти вертикальной стеной, примерно 60 градусов. Дабы не растерять все силы до конца, решили устроить завтрак, хотя

по времени уже давно пора было обедать, но у нас, как всегда, завтрак начался в 12 часов.

Вообще, гора Качканар имеет две вершины «Полуденный Рог» (южная) и «Северный Рог» (северная), более высокой вершиной является северная, её высота составляет 878 метров над уровнем моря. Мы решили начать свой путь с южной вершины, её высота - 874 метра над уровнем моря. Так как эта вершина находится ближе к городу, подъём на нее от подножия занял у нас около 4 часов, считая все остановки на привалы, покорения и изучение попутных скал. Общее же расстояние нашего подъёма составило 6,5 километров с учётом всех поворотов и крюков. Подъём на гору Качканар, на обе её вершины, а так же спуск не предполагают больших лесных препятствий. Зимой гора становится горнолыжным курортом, и поэтому к обеим вершинам ведут горнолыжные трассы, естествен-

но летом это довольно хорошие дороги для горных условий! Но с другой стороны, этих трасс так много, что можно легко свернуть с пути и уйти совсем в другую сторону.

Ура! Вот и долгожданная южная вершина, после десятков литров пролитого пота, мы покорили часть горы! «Полуденный Рог» известен своими скалами, такими как скалы Высоцкого, Визбора, Пугачевой, Палласа, «Остановись мгновение», «Астероид», «Штольня Ободовского», «Шуваловская грань», «Формула счастья» и своим прекраснейшим видом, открывающим потрясающую панораму города и обоих близ лежащих городских прудов, Верхневыйског и Нижневыйског. Так же с этой части горы хорошо видны Утяновские озёра, названные так из-за впадающей в них маленькой речки Утянка. Мы решили пообедать, по времени уже было около 17 часов. Обед пришёлся кстати!

У ракеты вдали Косья.

Вся гора Качканар имеет памятные именные скалы, названные в честь великих людей и событий связанных с ними. Когда-то давно, в 1979 году, энтузиаст Иван Соболев начал устанавливать на скалах памятные плиты-барельефы. Но, к сожалению, нашлись люди, которые по иному оценили эти памятники природы, и в 2000-ом году практически все барельефы были за несколько дней целенаправленно уничтожены вандалами. Всего

на горе было установлено 10 барельефов, не считая различных указателей.

После непродолжительного обеда, изучения и фотографирования скал южной вершины мы двинулись дальше - напрямую по хребту к северной вершине. Расстояние между обеими вершинами составляет 2 километра по меридиану. Хотя зимние трассы идут только по склонам горы, между вершинами по хребту есть туристические тропы, по ко-

торым мы и шли, и особых препятствий не было. Но проблема заключалась в том, что в некоторых местах между камнями тропу так плохо видно, что её легко потерять из виду, это с нами часто и случалось. По времени весь переход занял примерно 2 часа, что весьма неплохо с нашими-то рюкзаками.

И снова во весь голос: «Ура!» Неужели мы дошли до неё, до самой высокой точки горы Качканар!

Ребята любуются окружающим видом с горбов верблюда.

Мы прибыли на «Северный Рог», и счастливей лиц я ещё не видел. Именно на этом месте и принято считать полное покорение горы, как на Эвересте, добраться до самой высокой точки! Скала северной вершины, которая является самой высокой точкой горы, носит неофициальное название Лентяевка, названная из-за белой надписи на скале в честь одной из деревень, расположенной у северного подножия горы. Вид, открывающийся с северной вершины, ни чуть не хуже южного. Хотя сам город и не видно, зато видно деревню Косья и, если хорошо присмотреться, то в ясную погоду можно разгля-

деть гору Конжаковский камень, по меридиану до неё 90 километров! На этом месте наш путь ещё не закончен. Ночевку решили устроить около памятной стелы, посвящённой первому человеку, покорившему космос Ю.А. Гагарину. Памятник имеет вид ракеты и сварен из листового железа, высота памятника - примерно 3 метра. Расположен он на одной из скал в западной части горы, от северной вершины где-то 500 метров. Один из сохранившихся памятников на горе!

Там мы и проводили закат. На этом первый день путешествия по Качканару закончен, но спать мы легли ещё не скоро!

***

Второй день похода.

Место практики и дела.

Утро началось неожиданно, со звонком будильника в 8 часов утра. Я встал третьим, кто-то уже умылся и занимался разными делами, я проверил фотоаппарат, всё в порядке, можно двигаться дальше. А вот вторая палатка решила устроить бунт! Они проспали подъем на полчаса. После плотненького завтрака, наш путь лежал на скалу Верблюд и в буддийский монастырь «Шад Тчуп Линг».

«Шад Тчуп Линг» - буддийский монастырь, расположившийся на восточном склоне,

Ой, а кто это там в низу!

Панорама горы и города

приблизительно 500 метров от северной вершины Качканара. В переводе с санскрита на русский язык Шад Тчуп Линг означает место практики и дела. И действительно, люди, живущие в храме, активно занимаются строительством монастыря, держат домашнюю скотину и выращивают гусей.

Увидев нас, человек, местный монах, доброжелательно провёл для нас экскурсию по монастырю и местным святыням. После чего, вежливо пригласил на чашечку чая, и мы, с удовольствием, согласились. Разговаривали много, из разговора мы узнали, что центр цивилизации находится именно в этом храме, более того, монастырь движется впе-

реди цивилизации! Вот так вот... Далее речь пошла о защите и спасении храма от местной горнодобывающей компании. В связи с внесением в план по разработке горы участка, на котором расположен храм, людей, живущих в монастыре, настоятельно просят покинуть гору! Гора Качканар богата титаномагнетитовыми рудами, в состав которых входит редчайший металл химической таблицы Ванадий. Кстати, горнодобывающий комбинат так и называется КГОК "Ванадий"!

После приятного чаепития с обитателями храма молодой человек, общавшийся с нами, предложил помочь в строительстве монастыря. Мы охотно согласились,

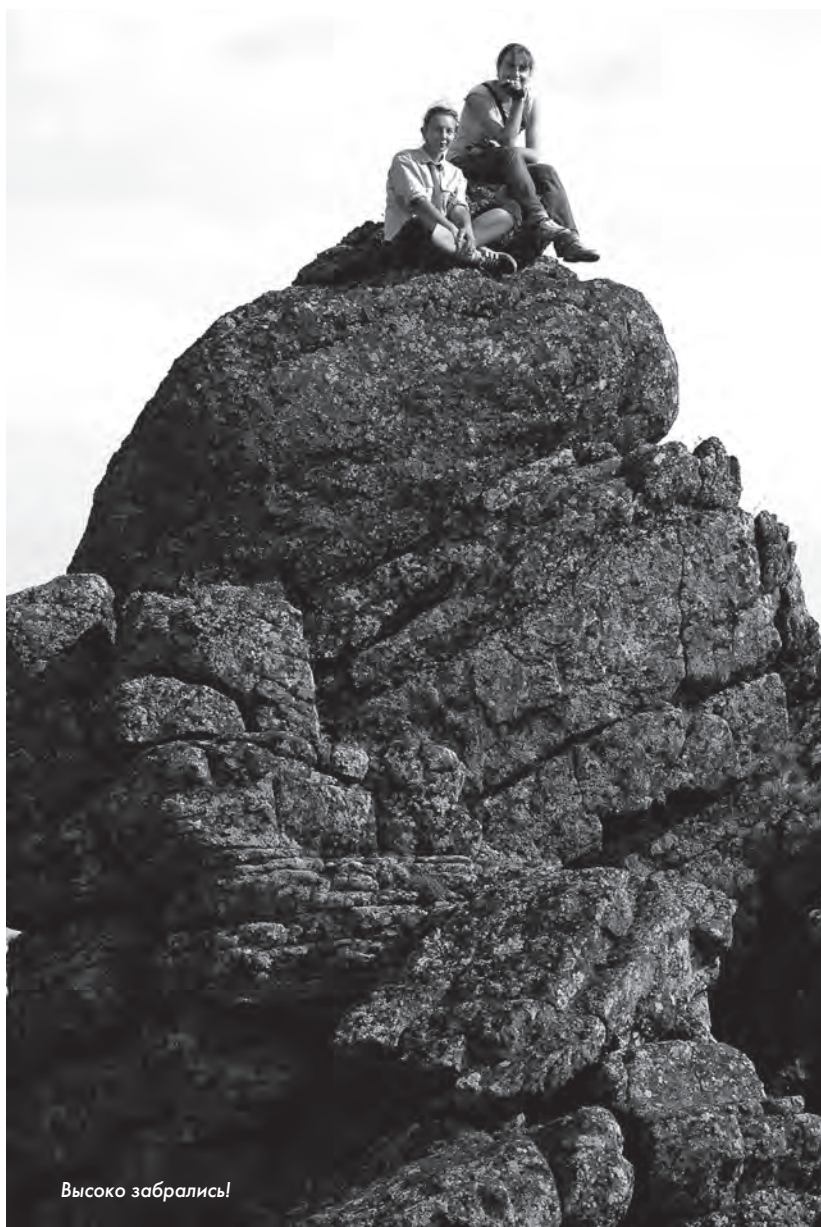
в итоге нам пришлось каждому на себе тащить по мешку с песком в гору, на расстояние почти в 300 метров! Теперь мы, привилегированные гости, внесли свой вклад в историю! На этом мы вежливо распрощались и пошли дальше. Вниз по склону горы есть небольшое озеро, его ещё называют каменное озеро, по сути, это небольшое затопленный карьерчик, но приятней считать его горным озером! Всё оставшееся время, а было 14 часов, мы провели на озере. Погода с вечера стала хмуриться, гору поглотил туман, видимость - 3 метра, от силы. Тут мы и заночевали.

***

Третий день похода. Фотодуэли.

Будильник запел в 6 часов утра, вставать крайне не хотелось, вдобавок снаружи было холодно и мокро, но ничего не поделать. В этот раз я встал первым. Сразу принялся за костёр, за ночь дрова отсырели, и огонь никак не хотел разгораться. В конце концов, что-то удалось развести, ребята уже встали, начали готовить завтрак, по-быстрому сварили лапшу с тушенкой, поели и стали собираться в дорогу домой. Спуск занял примерно один час, еще успели заскокочить на смотровую площадку западного карьера, пофотографировались и пошли дальше.

Мы много фотографировали и фотографировались. Моя подруга Ирина, так же как и я, увлекается фотографией. Конечно, кроме нас были еще фотографы, снимающие

Высоко забрались!

Большая ступа Будды монастыря Шад Тчуп Линг

на цифровые мыльницы, но у меня и у Иришки серьезные цифровые зеркальные фотокамеры. И поэтому, почти на каждом шагу, у нас случались фотодуэли, которые проходили на протяжении всего похода! Даже успели покреативить! В первую же ночь воспользовались штативом,

который я взял с собой. Мы рисовали светом от фонариков, перед объективом фотоаппарата, получилось весьма интересно. Вообще, я считаю, что при любом путешествии фотоаппарат просто незаменимая вещь, фотографии с любого мероприятия, с того же похода, в будущем приятно напомнят о весело проведенном времени!

Ближе к городу дождь всё сильнее и сильнее нас подгонял. На лужи

уже ни кто не обращал внимания, было бессмысленно их обходить. Решили зайти в один из городских магазинов, там же и попросились, ребята крепко обняли меня и пообещали, что ещё увидимся. Поход длился 3 дня и всем очень понравился. На этом и закончилось наше увлекательное путешествие по Качканару, я пошёл домой, шагая по лужам. Ребята пошли на электричку, покоряя реки на качканарских улицах!

САЛЮТ
база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть
Тел.: (34374) 25-420, 25-634,
(343) 359-93-89. www.salutupz.ru

На пути домой заскочили на карьер

Веселые ребята, нам любые горы по плечу!

В пути

Фото Ирины Азовской

На западном карьере

Гора Качканар, я (Павел Таскаев) на фоне города Качканар!

Фото Ирины Азовской

Усик МАРКОСЯН

Фото предоставленно автором

Сплав по Народе

Не прошло и часа, как на месте нашего лагеря был наведен порядок. Остатки огня были потушены, мусор убран. Все участники сплава и груз лежали на берегу.

- Боже мой, ну очень много груза, - не сдержался я от вида горы вещей на катамаранах. Мешки, гофромяшки и коробки; пластиковые и металлические 20-ти, 30-ти и 50-тилитровые канистры, заполненные бензином; пластмассовые баки с большими крышками, заполненные продуктами; туристические коврики, спальники; три лодочных мотора и многое другое.

Один мотор я брал для того, чтобы на тихом течении реки с его помощью сделать из катамарана «скоростное самоходное судно», а два мотора друзья привезли с собой для своих лодок, и почему-то один из них оказался с нашим грузом. Наш катамаран от отсутствия пря-

мых солнечных лучей, в тени, находясь в воде уже вторые сутки, еще в яме в начале погрузки начал тонуть. В срочном порядке мы добавили в баллоны катамарана горного воздуха, на всякий случай с запасом. Благо, накачка катамаранов у нас давно автоматизирована: в роли воздухозаправщиков выступают Максим с Николаем, таская на себе киловаттный японский генератор и подключенный к нему воздушный насос на 220 вольт. Пока шла заправка, я обратил внимание на то, что в одну резиновую лодку совсем ничего не загружено, а в другую немного больше, чем «совсем ничего».

- Мужики! А это чей мотор? - не скрывая недовольства, возмущаясь я, понимаю, что мне его перевозить, а потом еще несколько километров тащить на себе.

- У обеих лодок днища пошоркались. Андрей и Женя боят-

ся, что защита дна не выдержит и порвется, поэтому мотор Женя на твой катамаран погрузил, - ответил Максим, переводя шланг насоса с одной пипетки баллона на другую.

- На сплав надо катамараны с собой брать, а не лодки резиновые, хоть и импортные, - не успокаивался я. После длинной паузы, понимая сложившуюся ситуацию, я предложил:

- Женя у тебя лодка совсем пустая, давай к тебе хоть коврики положим, они-то без веса, а у нас место занимают.

- Да ты что, Усик, у меня и так на днище лодки за вчерашний день порезы появились, а проплыли всего-то пять километров. Такие камни в реке. Мне же потом на тихом течении катамараны надо будет буксировать. Понима-а-аешь!!! - растянул он.

Продолжение. Начало в № 6,7

- Женя, давай твою лодку положим на наш катамаран, а сам садись на мое плечо, – иронично поддержал меня Макс.

- Понял, Женя, понял, - ответил я, а про себя подумал: - «Я с тобой никогда в лес грибы собирать не пойду. А вдруг мы там медведя встретим».

- Усик, наш катамаран новый: потянет и этот груз, - успокоил меня Паша и закрепил между мешками флаг нашей флотилии. Он, шелковый, черного цвета с пиратским логотипом, гордо развевался на березовой веточке.

Ну, вот и наш катамаран накачен и загружен так, что места для экипажа нет. Я понимаю, что это уже неважно, потому что вода на реке убавилась, и нам не сидеть надо, а перетаскивать судно по камням, тем более осталось максимум пять часов сплава, а потом отдых. Здесь, в горах, хоть и не быстро темнеет, но мы все равно остановимся рано. Потому что в сумерках появляется желание посидеть возле долгожданного костра. Костер для нас – это свет, сушка, тепло, уют, еда и бесконечно вкусный чай; курсы самоуспокоения,

отдых и приятное многочасовое общение и веселье. Одним словом, одна из самых приятных составляющих сплава по реке, за чем многие сюда и приехали.

- Ну, что, братцы, поплыли? – крикнул кто-то, а кто-то ответил: – Поплыли! Вперед!

- Проверка рации: я первый, второй ... пятый, как слышите меня, прием, - звучит важный голос Александра.

Перегруженная флотилия, похожая на цыганский табор, шумно и весело двинулась вниз по течению. Два члена экипажа нашего судна прыгнули на верх катамарана, старательно подготавливая себе места для дальнего плавания.

- Держитесь крепко! - иронично предупредил я. Как будто не видят, что на двадцать метров ниже ямы стоит остров с каменной косой, по которому с одного берега реки на другой, не промолив ботинок, переходили сами в течение дня несколько раз. Демонстративно толкнул катамаран от берега на глубину ямы, держа в руке «вожжу» катамарана, потом, чуток потягивая к себе, пошел пешком по берегу и потащил его за собой вниз по течению. Чувствую,

что вес катамарана вместе с командой ближе к тонне. Через минуту наш катамаран сел на мель.

- Уважаемые, мы приехали. Надо толкать и тащить.

Впереди сплавляющиеся лодки и катамараны, чуть-чуть отталкиваясь и гребя, проплыли вдаль за поворот. Наш, как не трудно было догадаться, был перегружен. Команда неохотно и медлительно еле пошевеливалась. Паша посмотрел вниз в мою сторону с видом важным и недовольным, как будто я виноват в том, что наш корабль остановился, а потом в сторону уплывающих за поворот остальных команд, держа ладонь впереди лица, создав себе имидж крутого исторического пирата из сказки Пушкина. «Узнаем, времени у нас хватит на знакомства», - подумал я.

Вася, спокойно лежа на горе вещей, только мечтательно провожал взглядом счастливых друзей, уплывающих от нас. Он спаситель в нашей команде, и на него мы возлагаем все надежды в трудные моменты, когда придется таскать и толкать катамаран. У него под камуфляжным костюмом прячется много «лошадиных сил».

***

Он знаменитая и легендарная личность, многократный победитель, чемпион и рекордсмен российских и международных соревнований по пауэрлифтингу (штанга). Мы с ним раньше были немного знакомы. Через год после сплава мне пришлось переночевать у него дома. То, что я видел в квартире, полностью характеризовало суть этого человека. В разных углах лежали пачками, на различных языках, красочные, в рамках и без, грамоты, дипломы, сертификаты и прочее. Если бы все в одну стопку сложить, то она получилась бы в два раза выше потолка. Золотые и бронзовые медали, более десятка штук, небрежно лежали в коробке от принтера. А разные награды, значки, вымпелы, кубки и другие награды лежали, как будто собранный после евроремонта строительный мусор на выброс. И это в наши дни, когда в России появилась мода украшать грамотами офисы и кабинеты, получать

и дарить. На высших, а тем более на местных, уровнях администрации на любые незначительные праздники тысячами экземпляров раздаривают грамоты, лапшу на уши народу вешают, покупая тем самым голоса. Таким маневром они отвлекают население от серьезных проблем и хищений, нерешенных вопросов и т.д. Не многие понимают, что все эти похвалы и грамоты не что иное, как фантики от шоколадки. Шоколадки сами едят, а блестящие бумажки народу отдают.

- Вася, ну как же так? Когда чиновники оклеили всю Россию липовыми фантиками, ты свои честно заработанные награды никому не показываешь, наверное, даже твой сосед по лестнице не знает, кто ты такой, - не сдержался я.

А он тихо и спокойно бронзовой статуэткой, полученной за очередную победу, которая весит более килограмма, колет орешки.

- Ладно, Усик, хватит, угощайся, для тебя орешки наколот, - без

капли возмущения успокоил меня Василий.

***

В общем, Василий у нас скромный, тихий, медлительный и упертый. В мирной жизни он работает в университете, преподает сопромат. Это я сейчас про него все знаю, а тогда он был просто Вася, или Василий.

Но, к сожалению, он у нас сегодня «инвалид». В первый день прилета Василий решил искупаться в верховьях реки Народа, поскользнулся и ударился коленом о камень и, видно, крепко повредил его, отчего оно сильно распухло. Но он держался, как настоящий герой в патриотических фильмах, который не показывает свою боль и изо всех сил старается помочь. Но долго он не выдержит, может стать хуже.

Задумываюсь о здоровье членов наших команд, и в голову приходит умная мысль: «состояние здоровья каждого участника в походах или

подобных совместных авантюрах – это дело общее». Каждый должен беречь его не только для себя, но обязан сохранить и для других. Вот, пожалуйста, нога его, а мы должны страдать. Вот еще пример: губа моя разбухла, а разберешься, оказывается, что страдают и другие. Какой аппетит у друзей может быть, когда смотрят на меня и еще пьют из одной кружки со мной. Я, конечно, стараюсь скрыть мою красавицу от публики, но такой явный факт от общества не утаишь. Вот и вывод: все-таки здоровье одного – это дело общее.

- Усик, ну у тебя губу и разбарабанило, - не мог не заметить Паша.

- Да достала она меня. В самое неподходящее время она постоянно появляется. Если бы ты знал, сколько раз она меня подводила, когда важная деловая встреча ожидается, или с девушкой договорился, или как сейчас, такая уникальная возможность появилась побыть здесь на Народе и не могу понырять в ее прозрачную воду. Сейчас смотрю на вас и от зависти трескаюсь.

- Вася, Паша, спускайтесь, надо катамаран толкать, я один не смогу, тем более вы на нем.

- Будет сделано, - ответил по-военному Паша и аккуратно устроился рядом с задним краем катамарана, а пока Вася собирался спускаться, он тренировался, стараясь выработать опыт толкания и удержания себя возле катамарана.

- Сейчас, - сказал Василий и тихо, не торопясь, но уверенно через пару минут тоже спустился, и, освобождая под ногами место для упора, резко приподнял левый борт катамарана одним рывком выше своих плеч.

- Вася, тихо, береги силы, они нам пригодятся. Чуть приподнимаем, придерживаемся за катамаран, толкая вперед, и сами идем рядом с ним. Когда вода станет больше,

катамаран начнет плыть, тогда мы прыгнем на него.

- И долго мы так будем идти? А есть другие варианты? - спросил Паша через тридцать метров.

- Паша, на реке воды нет, и я здесь ни при чем. Так что надо толкать до порогов, а до них 5-8 км. Или подождать, когда вода на реке начнет подниматься, но это не вариант. Давайте сегодня толкать до того места, где ночь нас застанет.

- Фу, наконец, пошел, милый, пошел, ох-ты, ах-ты. Хорошо плывем! - комментировал радостно Василий.

Катамаран рвался вперед со скоростью течения реки, иногда скользя на камнях по дну реки, издавая странные и знакомые нам звуки, от которых сердце под мокрой одеждой подпрыгивало. У нас на лицах появились нескрываемые детские улыбки. Вода, делая свои «бульки», несла на себе наш кораблик. За какие-то пять минут проплыли в десять раз больше, чем толкали в течение часа.

- Вася, гребь, Паша, придержи, тормози не ногой, а веслом. Да не так. Уже поздно.

Наш катамаран задевает дно уже не один раз, и, потеряв управ-

ление, по диагонали реки, издавая уже нам знакомый звук, похожий на девятую струну гитары, залез на камень передним идущим баллоном больше чем на метр. Задняя часть под напором течения вынужденно проплыла на метр вперед и задним баллоном тоже поднялась и по инерции спустилась с камня, оставляя его под собой. Катамаран встал поперек в самой водоточной части реки и перекрыл русло. Вода, не находя себе дороги, зашумела и разлилась. Одна ее часть пошла под катамаран, другая - над ним,

затопляя наше судно, а третья, основная, часть воды, не подозревая о нашем присутствии, весело журча, проходила мимо, не обращая на нас внимания. Состояние нашего судна – это классический результат и пример безответственности, несогласованности, как бывает между ведомствами в Российском государстве. Крылов, когда писал свою известную басню, наверное, имел в виду именно нас. Мы сегодня персонажи его басни «Лебедь, щука и рак»

- Давайте, вместе столкнем с камней. Надо было раньше усиленной гребти и притормозить, он пошел бы по инерции. Когда теряется инерция, и управлять становится труднее, - в очередной раз выступил я в надежде донести до неко-

торых знание вождения катамарана. А сам подумал: «И он преподаватель сопротивления материалов, а сам на практике хуже двоечника».

- Природа здесь неповторимая. Я удивляюсь, какая чистая вода. Вы только смотрите. Слеза. Какая вкусная, я сегодня уже больше трех литров выпил, - сам попил и мне тянет кружку с водой. – На, попей, успокойся, Усик.

- Спасибо, Вася, у меня черпаки свои, - и показываю, как надо пить ладонями воду из реки, когда стоишь по пояс в воде.

Павел сидит на краю катамарана, задумчиво смотрит вниз и

одной рукой держится, чтобы не упасть, а ногами, одетыми в костюм для подводной охоты, играет в воде.

- Чего ты так грустно сидишь, Павел?

- Я еще хариуса не добыл. Почему-то не попадаю на них.

- Не переживай, еще впереди много красивых ям, успеешь, научишься, надоест, - уже как профессионал по добыче хариусов посоветовал я.

- Я и не переживаю, я таких рыб стреляю, что ты даже не представляешь. У меня дом строится на берегу моря в Черногории. Я по несколько раз в год туда прилетаю на недельку отдохнуть. Часто по утрам, пока на море тихо, я ныряю в море прямо от ступенек моего дома. Вода теплая, прозрачная, чистая, но не питьевая. За час стреляю рыбу в таком количестве, столько за эти дни вы все вместе не добыли. Сами семьей едим, и прислуга со строителями ест всю неделю.

- Но тогда зачем тебе наш хариус, его и так мало, - заревновал я.

- Да я вообще зря сюда приехал. Меня Фикрат уговорил, с

толку сбил, там, в горах Приполярного Урала, хорошо, много рыбы, сплавляться будем, вода нас понесет, ты только лежи на катамаране. А сейчас то толкай, то таскай. И это называется, по-вашему, отдых.

- Павел, разве это трудности? Ну, немного перетащим, день-два, потом легче станет. Зато потом сколько хороших впечатлений, воспоминаний. Раньше не было возможности у людей в Черногорию летать на уикенд. Байдарочники, катамаранисты неделями шли по этим местам, весь груз на себе таскали, чтобы неделю сплавляться. А мы в течение нескольких часов прилетели на самую вершину Уральских гор, и даже так тебе сплав не нравится. Уверен, в конце сплава ты по-другому запоешь.

- Нет, Усик, не нравятся мне твои края.

Прямое и тихое перекатное водное течение между камнями, ударяясь об один, потом о другой, переворачивается, сливается и, торопясь, идет вниз. У воды нет того количества и мощи, чтобы наш катамаран попутно нести с собой. Она течет сама по себе, мы стоим в воде, а наше судно сидит на пузе. Шири-

на реки доходит местами до сотни метров. С двух сторон вдоль реки ее сопровождают длинные хребты гор. Солнце вот-вот спрячется за гору Народа. С ее вершины солнечные лучи, грея наши спинки, в последние минуты растягивают в воде созданную ими тень от наших тел и, прощаясь с нами, покидают нас. Еще несколько минут, и северный альпийский холод даст о себе знать.

- Я вижу дым, ура-а-а, - прозвучал радостный голос Паши.

Не более чем в километре по прямой, на правом берегу, причалили катамараны, а неподалеку от них в лесном массиве виден дым. Дымок от огня поднимается высоко, на сотни метров, потом, как лента у гимнастки, тихо и медленно витает в воздухе, растягивается (или раскручивается) по долине реки Народа в сторону высоких горных хребтов Приполярного Урала, теряя свой первоначальный цвет, растворяется в верхних слоях прохладного горного воздуха.

- Последний, последний, ответ первому, - доносится важный голос Фикрата по рации.

- Отвечаю. Но мы не последние, мы замыкающие.

- Замыкающие, вам помощь нужна?

Павел посмотрел вниз в сторону реки. Посмотрел на нас и застрявший между двумя огромными камнями катамаран, не ожидая подвоха со стороны Фикрата, радостно и с надеждой продолжил.

- Первый, первый, надо, а чем можете нам помочь?

- Советами, Павел, советами.

- Спасибо, не надо. обойдемся без вашей помощи, - и отключил рацию.

Сейчас, еще пару рывков и мы будем на месте, тем более запах дыма и воображение наше рисующее, что на костре кушать готовят, а нам давно есть охота, сыграли свою роль. Наконец, один из трудных, или хороших дней остался позади, и мы поплыли к лагерю. Разгруженные катамараны и лодки стоят на берегу реки выше на пятьдесят метров в небольшой по размеру, но глубокой яме. Макс на берегу торопливо одевается. Скоро он выдаст стопроцентный диагноз, есть в яме рыба или нет. Нам еще ставить палатку, заносить вещи, развесить возле костра мокрые одежды и обуть, а там дальше остается прият-

ный и долгожданный ужин. Народ в лагере кто чем занимается, одни палатки ставят, кто-то дрова несет, а Фикрат за костром с дуршлагом в руке хозяйничает. На костре в двух сковородках, заполненных выше краев, жарятся грибы, рядом стоят чайники. На походных столах лежат грубо нарезанные куски хлеба, несколько головок лука и чеснока, дежурные тюбики с горчицей, кетчупом и майонезом, пакеты с намоченными пряниками и печеньем, банка кофе и пачка грузинского чая, полунарезанные и полусгрызанные куски соленого хариуса и еще десяток кружек. Вокруг костра сушатся ботинки и болотники, чуть дальше на веревках висит одежда, в основном брючная часть.

- Саша, хорош охлаждать пятилитровку, вода в реке теплее, чем воздух, давай, тащи сюда, пора начинать. И зови Макса, хватит охотиться. Ужин готов, все собрались. Усик, Паша, давайте, быстрее, вы и так опоздали. Мы здесь успели грибы собрать и пожарить, сам собирал. Какие тут подберезовики, они такие красивые, яркие, крепкие, свежие.

Через пару минут, спотыкаясь, прибежал с реки к нам Александр.

- А где Макс, - переживал кто-то за Макса.

- Макс с подводным фонарем за хариусом гоняется. Говорит, в этой яме всего три штуки стоят, прямо в начале переката на течении. А вот и он.

- Макс, ты совсем замерз, сколько можно в воде. Давай переодевайся.

Максим освободился от мокрого костюма, надел сухую одежду.

На улице первые числа августа, начало золотого времени на Приполярном Урале, которое растянется до середины октября. Подброшенная кем-то свежая доза елового хвороста в костер добавила освещения лагерю, а из огня искры, как светящиеся тысячи точек, одновременно стреляя, быстро поднялись, как в трубе коллайдера, далеко вверх, в сторону настоящих звезд, из чего можно было сделать вывод: погода меняется к холоду. Будут заморозки по утрам. Нет, я сегодня в одежде залезу в спальник, только еще пять минут полежу возле костра и помечтаю.

(Продолжение цикла читайте в следующих номерах)

Рисунок А. Туманова

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Дороги без конца и начала

Хандра накатывала и накатывала, опутывая непонятной слабостью и руки и ноги. Какое-то дикое одиночество заполонило все окружающее пространство, хотя вроде и не один. В соседней палатке дружно о чем-то спорят молодые топографы, совсем еще дети – у них это первый полевой сезон, тем более они ждут вертолет – и на базу, а затем по домам, хандрить у них просто нет причин. Чуть в сторонке среди алеющего рябинника в низине укрылась двухместная палатка наших геологов Василька с Ленкой. Есть еще столовка и камералка, да палатка старшего геолога поисковика Митрофаныча, так что персонала у нас достаточно, вот только дождь, морозящий и до боли занудливый, кажется, беспредельный, укутал серой пеленой всю округу. Который день дождик без усталости поласкает и поласкает долину Щугора. Не видно на крутых

берегах ни могучих желтеющих лиственниц, ни золотистых стройных корабельных сосен, ничего.... Лишь серая тоска и печаль, да всегда хмурое небо, по которому без усталости тащатся и тащатся, прямо над самой головой клубы нескончаемых туч.

Не успокаивают заранее припасенные томики любимых классиков. Просто невозможно заставить себя прочесть несколько строк из некогда дорогих сердцу книг, тем более постоянно шипящий и кашляющий маленький радиоприемничек, вызывает своим скрипом бешенство. Вот и получается, что погода соответствует настроению, или наоборот.

Вторую неделю мы ждем вертолет. И все эта непогода, разогнавшая всех по своим палаткам. Работы никакой, поэтому никто и не заглядывает в мою палатку, а кому нужен начальник в сплошную безработицу? Вот и

съедает мою душу одиночество. Но нет! Вот кто-то шуршит у входа в палатку, кому же это я понадобился?

Полог палатки сдвинулся и появился ни кто иной, как Василек Кудряшов, слегка промокший, но вполне бодрый.

– Вот Михалыч, какие дела, с порога заявил Василь, – второй день уже не показываемся на буровой, хоть что там творится, кто знает. Вот я и пришел узнать, что там по сводкам? – разлохматил пятерней и без того заросшую лохматую шевелюру, – угостите хоть сигареткой, а то у нас уже, похоже, кончились. Леха с понятием – мудрец, быстренько бросил курить, а у меня не получается хоть убей.

– Проходи, присаживайся вон на пенек, – придвигаю поближе початую пачку “Шипки” – кури на здоровье, чем богаты, тем и рады. А буровая, что буровая?

Стоит – ремонт там, гидравлика полетела, это надолго. Так что отдышайте, пока там нечего делать. Курить, конечно, я дам, блока пока хватит тебе, а вертушка будет, привезут. Я заказал, правда, тоже “Шипку”.

–Когда ничего нет, это тоже вполне, дома будем курить финдиперсовые, а тут тайга, да вон Щугор рядом. Скоро семга пойдет, хоть бы одну поймать, а то все хариус и хариус. С прошлого года семужки не пробовали. А вот занепогодило, как на реку пойдешь, сам как семга через час будешь.

–Какая семга, Василь, а рыбнадзор, а милиция заметут за просто. Штрафы, знаешь какие, заловят, считай сезон, бесплатно отработал.

–Да, мы же только пару штук, попробовать, для себя же, а не на продажу. Каждый год помалехе ловили, как–то обходилось.

–Раз на раз, Вась не приходится, можно и на харьюшке прожить, тоже неплохая рыба. А может ты и прав, на реке считай жить и рыбки не попробовать, как–то не справедливо получается. В городах живут, есть денежки, любую могут позволить себе и семужку, и осетринку, пожалуйста, нельму и за рыбу не считают, нувориши русские.

–Вот и ладно, Михалыч, значит, негласное согласие на это дело есть, будем ждать хорошей погоды. А что топографы улетают? Вон, какие довольные все им ни почем.

–Закончили они всю разбивку профилей, больше нет для них работы, а у нас с вами впереди еще целый месяц, если погода позволит, а то и задержимся.

–Месяц срок невелик, переживем, спасибо, Михалыч за чай, кофе, особенно за сигареты ввек не забуду, –нахлобучив прорезиненный плащ, двинул к выходу.

–Ладно, не паясничай–отдыхайте.

И снова одиночество..., и та же серая мгла за брезентом палатки. Забежал Василек, потренделит немного и то чуть легче стало.

Самому идти никуда не хочется, скоро ужин, в столовой и увижу всех ребят, а пока сигарету в зубы и на койку.

Так и пролежал еще целых три дня. Проснулся утром от нестерпимого грохота двигателей вертолета и хлопанья вращающихся лопастей. МИ–8 описав круг, плавно заходил на посадку.

Неужели прилетел в такую рань, глянул на часы, а время то уже девять, проспал все на свете, правда, вчера засиделся за отчетом почти до рассвета, вот и результат! Наскоро оделся и прочь на улицу, а там утро–то прямо чудесное. Куда делась вся эта хмарь и дождливые сизые тучи? Тепло и мягко светит солнышко, легкий ветерок наскоро выгоняет остатки сырости из ягельников и голубичников. Как–то даже приободрились, теряя осыпающуюся хвою золотистые могучие лиственницы. Помолодели белоствольные березки, взбодрились и еще ярче запольхали алыми кострами в распадках ольховники и рябины, будто забыв, что скоро осень и таких теплых и ласковых утренников будет все меньше и меньше, что на носу жгучие морозы, холода, да буйные метели и снегопады.

Вертушка, слегка зависнув над землей, плавно скользнула вниз и присела посреди чистой, заранее подготовленной поляны. Прилетевший вертолет плотно обступили все полевики в ожидании долгожданной почты – писем и свежих газет. И я, конечно, поспешил к притихшей на миг машине. Дверка скользнула вбок и из салона вертолета быстро из рук в руки пошли ящики с тушенкой, макаронами и прочими необходимыми в тайге продуктами, и только в самом конце пилоты выдали долгожданную почту. Так же наскоро грузились топографы, передавая в “бездонное” нутро вертолета какие–то ящики, печки, палатки свои хитрые приборы, и другое необходимое снаряжение. Ребята, помахав на прощание руками, забрались следом. Все быстрее и быстрее раскручивались лопасти, звук двигателей

перешел в сплошной гул, и слегка качнувшись, вертолет, оторвался от земли, заложив крутой вираж с набором высоты “растворился” в безбрежной голубизне неба, только эхом долго еще раздавался звук его двигателей, пока не затих где–то вдалеке.

Наконец–то после первых охов и ахов все разошлись по своим палаткам с письмами и пачками газет в руках, и на какое–то время в палаточном лагере незримо нависла тишина.

Получив свою порцию газет и как всегда ни единого письма, я тоже притих в своей палатке, перелистывая почти свежие газеты–двухнедельной давности. А письма, письма мне просто некому писать, после того как мы расстались с Иришкой, надолго и всерьез, а может и навсегда, письма перестали появляться в моей корреспонденции.

Как всегда не вовремя зашуршал полог брезента палатки, только в этот раз на пороге палатки появился не кто иной, как сам уважаемый Вениамин Митрофанович Покровский.

Геолог от бога, как говорят, опыту не занимать, Урал почитай прошел вдоль и поперек, больше правда россыпным золотом занимался, научных статей несколько напечатал, про золото знает почти все. А все конечно знать невозможно, как невозможно объять необъятное.

Сейчас, правда, попал Митрофаныч совсем не на золото. Мы ищем ювелирный и оптический горный хрусталь, тоже вещь можно сказать редкая, и довольно ценная. Но Митрофаныч и здесь чувствует себя на своем месте, тут кварц и золото в кварце, что–то есть общее, может, поэтому он особенно и не переживает.

–Проходи, Веня не топчись у входа, кофе или может чайку тебе налить?

–Пожалуй, кофе, только покрепче и без сахара, с сахаром вкуса никакого.

–Ишь ты, гурман, какой, присаживайся, давай, будет тебе кофе и без сахара,–подаю ему

банку растворимого кофе и еще горячий чайник воды,—сыпь сам, сколько надумаешь, а чайник вот недавно вскипел. Давай не стесняйся.

Венька, долго не раздумывая, устроился на моей раскладушке, заварил себе крепкого кофе и, между прочим, протянул мне свернутый рулончик ватмана. — Вот посмотри Михалыч, пока непогода набросал я тут кое-какие мыслишки на бумагу. Может и пригодится, а то что-то бьемся последнее время и все впустую.

—Давай, давай Митрофаныч, что ты там надумал,—развернул ватман поближе к лампе, как я и ожидал, все тщательно и детально отрисовано с точностью достойной старой школы и подписано—то каллиграфическим почерком, одно загляденье. Вот она и гора Ярута, где сейчас стоит наша буровая, на плане вся гора исчерчена кварцевыми жилами как паутиной. Вот в этой паутине мы и разбираемся уже третий полевой сезон. Два сезона—два прошедших года, полных надежд и радужных ожиданий, пролетели совсем незаметно и особых результатов не принесли. Хрустальных точек открыли мы много, только качество хрусталя не очень, не тянет он на пьезокварц и все тут. Так на ювелирные изделия, конечно, пойдет, в колечки там разные и на брошки, а вот в электронику либо оптику, конечно, нет, качество не то, не позволяет.

—Интересные мыслишки Веня, ты же нащупал те самые загадочные узлы, где могут находиться так нам нужные пустоты и занорыши горного хрусталя и буровая то в самый раз совсем рядышком. Без проблем перебросим бригаду в этот район пусть там, и пробурят пару скважин. А вообще—то здорово было бы, напасть на пьезокварц, все же молодец Веня, как это ты додумался и вправду молодец.

—Хандра постепенно отпустила, или погода наладилась, или наметились какие-то сдвиги в работе, однако все пошло

своим чередом. — Так что Веня погода вроде пошла на лад, тьфу, тьфу..., не сглазить только, завтра берешь ребят и наметите перспективные точки под новые скважины. А я прям с утра на буровую, если уже подремонтировались надо готовиться к перевозке, а там, если ты не ошибся, будут и новые занорыши и гнезда горного хрусталя.

Венька довольный, что его идеи пригодились, быстренько исчез из палатки, даже не допив свое кофе.

Утро выдалось на редкость теплое и ясное. В столовой царило несвойственное оживление, хотя на завтрак как всегда макароны да тушенка, правда на обед ожидается, что-то новенькое привезли же продукты и повар грозиться приготовить сногшибательное блюдо, а пока приходится довольствоваться тем, что есть. Василек с Лехой уже управились с макаронами, допивают чай, только Митрофаныч слегка замешкался, значит и я, могу особо не торопиться успею.

—Всем салют! — бодро всех приветствую и присаживаюсь рядом с Вениамином,—значит, так ребята есть новые идеи и если расчеты Митрофаныча верны, то этот полевой сезон мы закончим вполне достойно. После завтрака быстрые сборы и с Вениамином Митрофанычем еще разок пройдется по старым точкам, прочешете всю площадь, слышите всю! Так что дерзайте, все в ваших руках. — Обрадовал ребят, а сам принялся за макароны.

—Понятно, Михалыч, с утра мы уже все обсудили, вопросов никаких, через час можем выходить,—Леха почесал затылок,—вот ведь только за день ну никак не успеть, площадь то вон, какая.

—Точно,—подтвердил и Вася, дня два, а то и все три понадобится, ну Митрофанычу виднее.

—Все обдуманно ребята, продукты главное есть, курево, сла-

ва богу, привезли, жить можно. Думаю дня на два—три можно спокойно выходить и погода нам так и шепчет, солнышко во всю шпарит. — Веня заметно приободрился, если его идея и задумки оправдаются, это будет так здорово, значит не зря он, совсем не зря пролазил с рюкзаком и геологическим молотком в руках все распадки и горы на территории этой хрустальной провинции.

—Ладно, значит, решено, многодневный маршрут и контрольный срок возвращения через три дня,—подвел я итог,—а я к буровикам, вернусь только завтра. Так что удачи вам.

На том мы и расстались, у себя в палатке не торопясь, уложил в полевую сумку компас, геологические карты, собрал рюкзак, вот готов в дорогу и я. Напоследок выкурил сигарету, уходя, застегнул вход в палатку, поднимется ветер и все раздует, пора и мне.

В нашем лагере тишина, ребята видно уже ушли, лишь слегка дымит затухающий костерок. Погода и в правду наладилась, небо отликает синевой, даже и не верится, что совсем недавно нескончаемой чередой над верхушками елей и дремучих кедров тянулись сизые налитые серостью тучи. Щугор еще пенится и бурлит от прошедших дождей, дня два, три будет гнать мутную воду гневиться и нести в неудержимом потоке подмытые и поваленные лесины. Перейти в такую пору Щугор чистое безумие, сходу собьет течением и швырнет на торчащие тут и там из кипящей пены обломки скал или в завалы нагроможденных искореженных стволов деревьев. Нас спасает только то, что вся площадь наших работ находится на одной стороне реки и ходить туда сюда нет надобности.

Вот и сейчас моя тропа уходит все дальше и дальше от реки, давно уже не слышно бурлящего Щугора, только запах отсыревшего мха и несмолкае-

мый звон настырных комаров сопровождает меня в притихшей осенней тайге. До Яруты не так и далеко, километров пять с половиной, но пока обойдешь вокругую все болота да буреломы непроходимые чашебы, все десять накрутишь. Вот и планируй придти к десяти, а придешь к обеду, как и сейчас, время идет к двум, хотя топаю без перекура, и думал, подойду к двенадцати. К подножью Яруты добрался только к трем часам и то ладно. Лагерь буровиков примостился на полянке, на берегу небольшого ручейка, у самого подножья горы. На самой горе лагерь устраивать несподручно, нет рядом ни дров, ни воды сплошная головная боль, а здесь удобно и валежника для костра вдосталь и вода вот она всего два шага. Не дымит костер, в лагере тишина, никого..., хочешь, не хочешь, придется забираться в гору на буровую, все там, утром по рации, Равиль передал, мол ремонт закончили в ночь, а сегодня добуривают последнюю скважину.

В тепляке на буровой собралась вся бригада, у пульта управления как обычно стоял Равиль, управляя проходкой скважины, как никак добуривались последние метры, тем более после ремонта бурового станка. Увидев меня Равиль, передал управление своему помощнику и выскочил из буровой.

- Все начальник, заканчиваем –сдернув с головы каску, довольно щурясь от яркого солнца, выпалил буровик, –как и обещал к этому сроку и добуриваем, правда, все это впустую, одни сланцы, даже кварцевую жилу не поймали.

–Вот смотри, – достаю из сумки карту и расстилаю тут же на траве, –эту карту составил Митрофаныч пока непогодило, он и надумал. Если все это так как Веня предполагает, то мы и ищем то в стороне от основных жильных тел, откуда

же тут взяться хрусталу. Сейчас Равиль добуривайте и начинайте перевозку вот в эту точку. Сегодня ребята туда ушли и поставят репер, где будет скважина, там чистое место, найдете. Я пока пойду, посмотрю керн, что набурили, а вы заканчивайте, начинайте демонтаж буровой и вперед.

–Хорошо, Михалыч, у нас работы осталось самое большее на пару часов, а завтра к вечеру будем на новом месте.

Музагитов Равиль хоть и молодой, но знающий и опытный парень, дважды объяснять не приходится, все на лету схватывает, тут то я спокоен, с бурением никаких проблем нет. Ремонт, он и есть ремонт, железо всегда где-то должно ломаться, иначе не бывает. А вечером завтра бу-

ровая установка будет на месте, если мастер сказал, то так оно и будет. Пока Равиль еще не подводил, в лепешку разобьется, а от своего не отступится.

Посмотрел пробуренную породу и правда кварца не видно, сплошь идет один сланец, хрусталем и не пахнет.

Хрусталь тут пытались отыскать давным-давно, еще, когда был московский главк кварц-самоцветы, серьезная контора, слов нет. Конечно, находили и брали то, что тогда было нужно. После москвичей остались полусыпанные обрушенные шурфы и канавы, да небольшие штольни. Вот, пожалуй, и все, а материалы – извините, все под грифом секретно и простому смертному к ним не подступиться. Иногда порой за-

Рисунок А. Туманова

Рисунок А. Туманова

думываешься, как это у них все так ловко получалось, не было в ту пору не геофизики, ничего, а штоленки били точно там, где были хорошие занорыши хрусталя. Прямо, будто кто им пальцем указывал, мол, копайте тут. И всегда в точку! А сейчас – то и такая геофизика, и аэрогеофизика, чего только нет, почитай все недра насквозь просматриваются, а толку? Бьемся, бьемся и все впустую.

Не впустую конечно, найдем мы, этот чертов пьезокварц, только ужас, сколько времени пройдет и сколько километров маршрутов будет пройдено. С такими невеселыми мыслями я и отправился к себе в лагерь.

В лагере стояла полная тишина только невдалеке шумел еще не утихомиривший Щугор. Не торопясь, развел костер, благо сухих дров заготовили вдосталь, принес свежей водички на чай, прихватил немного сухариков и устроился рядышком с костерком. Мысли в голове кружатся и путаются, нет никакой определенности. Полевой сезон через пару недель придется заканчивать, по рации еще на той неделе было слышно, что почти все полевые отряды и партии свернули свои работы и вернулись в Саранпауль на базу экспедиции. Лишь геолог-съёмочная партия Севастьянова Гены, пожалуй, самая отдаленная, где-то в районе Грубе-ю, еще продолжает свои работы и то через неделю собирается вылетать, уже заказали вертолет. Все бы ничего, терпимо, но по прогнозам метеорологов ожидается волна холодов с Арктики, и у нас просто нет выбора.

Обидно если придется возвращаться с пустыми руками, хотя и говорят, что отрицательный результат, это тоже результат. Но все же в душе еще есть какая-то надежда, а вдруг у Митрофанюча получится? Тогда и не стыдно будет выходить с отчетом перед комиссией по приемке полевых материалов.

Чайник прервал все мои благие размышления, зашипел и начал плевать во все стороны паром и кипятком, мигом взвихрилась туча пепла и золы над костром, и все кругом усыпалось сизым пеплом, даже на мои сухари и то изрядно попало. Заварил покруче чаю, выдул аж две кружки, до одури накурился и решил, что на сегодня вполне хватит, пора и в палатку, устраиваться на ночлег, где вот только мои ребята с Митрофанючем? где они развели свой костерок, где заночевали? Хотя Венька и старый бродяга, да и парнишки не первый сезон в тайге беспокорство не отпускают. Завтра должны вернуться, завтра буду их ждать. А пока в спальник и больше ни о чем не думать, иначе до утра проворочаешься в спальном мешке, а утром встанешь с головной болью.

Снилась как обычно всякая ерунда, почему-то чаще снятся разные города, где я никогда и не был, которые и есть навер-

но только в моих снах. Брожу всегда потерянный по каким-то улицам и дворам. И всегда ищу дорогу на железнодорожный вокзал, с которого мне нужно куда-то уезжать. Но никогда на тех вокзалах я не был, и на свой поезд не попадал, а может и в жизни так – я никогда не попадал на свой поезд? Но главное приснилось под утро, от чего я и проснулся! Будто на яву, зашевелился полог у входа, и в палатку пригнувшись вошел весь белый от седины дедок. На плечах какая-то шубейка, в кисах, есть такая обувка – из оленьих шкур шьется, росточка невысокого, заросший весь, а во рту дымящаяся вересковая трубочка, но что я первый раз его вижу это точно, и странный он какой-то. Устроился за столом, налил себе кружку чая, мелко прихлебывая и нахваливая мой чай начал вести разговор.

– Чай, однако, вкусный, крепкий, люблю такой. Хорошо – свежий совсем, недавно видно заварил, уважаешь старых людей. А много ли нужно старому человеку? Немного вкусный чай, трубочку табака выкурить, да немного уважения, чтоб слушали его, а старый человек плохого не подскажет. – Так потягивая свою трубочку и прихлебывая чаек, на меня хитро поглядывает, а дыма – то из трубочки совсем и нету. – Так вот начальник, сопсем не ведаю, что по тайге бродите, но не там тропу прокладываете. Мысли твои начальник блудят, тропы не видят, давно уже за вами смотрю, без толку ходите. Жаль, мне вас стало вроде не плохие люди. Зверя не бьете, рыбу не переводите в тайге не пакостите помочь вам хочу. На версту вниз от переправы пойдешь, там над обрывом кедра старая стоит, дупло там еще есть, не перепутаешь, там копай, с этими словами и исчез странный дед.

То ли сон, то ли явь до сих пор не пойму. Только окончательно проснувшись, понял, что все же это был сон. На столе никакого

чаю нету и быть не могло, с вечера чайник остался у кострища, и заваривал—то я его вчера, присниться же такое, чего никогда и в мыслях не было. Наспех оделся и выбрался из палатки.

Осеннее солнышко с трудом выкарабкалось из—за вершин вековых елей и кедров, осень она и есть осень, желтеет и осыпается листва, трава под ногами хрустит от выпавшего под утро инея, совсем не жарко, но ничего поднимется повыше солнце и вмиг все оттает и оживет. Красота, ни одного комарика, только чистый таежный свежий воздух и несмолкаемый рокот Щугора. Сейчас быстренько костер, заварить, что—то покушать, а может, просто открыть банку консервов и чаю. Нет, так не пойдет, убеждаю себя, придут из маршрута ребята, а накормить их будет нечем. Хочешь, не хочешь, а придется готовить обед по полной программе. Привычно на прогоревшем кострище укладываю несколько лоскутков бересты, затем сверху мелкие сухие веточки, вот, а сейчас можно дровишки и покрупнее и все, остается только поджечь, что я и делаю. Костер занимается медленно, не спеша, береста скручиваясь от нарастающего жара, сначала чернеет а затем постреливая в разные стороны синеватыми искрами вспыхивает и маленькие язычки пламени побежали — заструились по мелким сухим сосновым веточкам перескакивая все выше и выше, пора на таганок пристраивать кастрюлю под варево, да неизменный чайник со вчерашним чаем.

Вот и все, приготовления закончены, конечно, неплохо бы свежей рыбки, и сварить ушицу, но просто лень, которую так трудно перебороть, нет, лучше просто сварю борщ, благо все есть и все в банках, раз два и готово.

День тянулся в ожидании ребят и известий с буровой, правда по радиации утром Равиль сообщил, что уже начали перевозку, и как обещал к вечеру, все будет на месте.

Наконец где—то после обеда со спиннингом в руках возле костра появился Василек.

—Пламенный привет, начальник,—изрек Василь, скидывая полупустой рюкзак с плеч,—ну и накрутили мы с Митрофанычем километров, никак не меньше сотни, замотал он всех напрочь. Еле ноги принес.

— А где остальные,—прервал разглагольствования Василька,— сначала садись, попей чайку, пока борщ подогреется.

—Остальные ползут сзади, Леха как всегда со спиннингом еще пытается выловить семгу, а Митрофаныч все простукивает скалы на берегу, вот—вот подойдет. — Закончил свою речь Василь, уже с кружкой чая, приткнувшись на краешке стола. — А как у вас дела, буровая то где? Поди, все ремонтируется, им то что, над головой не каплет и в тепле.

—Успокойся, давай и допивай чай, вон борщ уже согрелся. А работа она у каждого своя, кто, за что боролся на то и напоролся, так кажется, говорят. Подойдет Алексей, чуток передохнете и на новую скважину нужно сгонять, буровую выставить точно в указанном месте, где Веня наметил, усвоил?

—Все ясно, еле ноги притащили и снова вперед.

—Нужно Василий, нужно. Мы с Вениамином пойдем в другое место, одна идея появилась и надо бы ее проверить. Отдыхать будем дома.

Часа через полтора все были вновь готовы к выходу. К вечеру должны были успеть и до темноты вернуться в лагерь. Ребята, конечно, устали, но другого выхода просто не было. Венке я вкратце все объяснил, особо не вдаваясь в подробности,

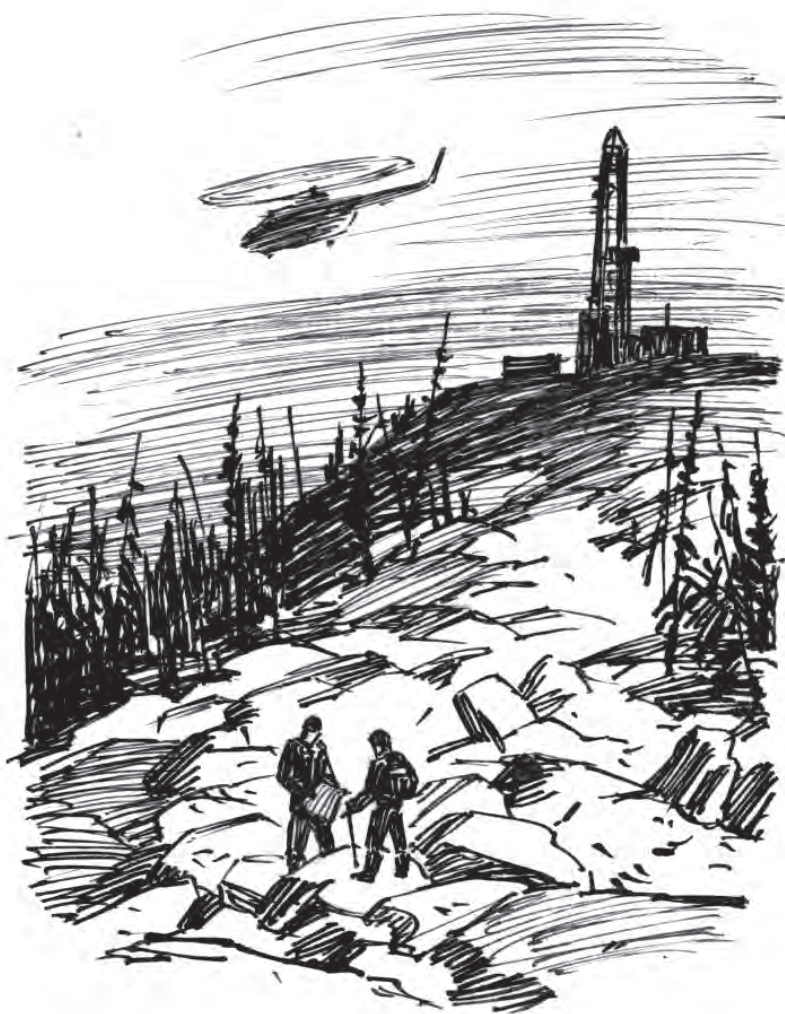

Рисунок А. Туманова

зачем ему знать про какие-то “вещие” сны, подумает еще, что свихнулся.

Уходили все налегке, а нам тем более предстояло пройти пару километров и мы на месте. Я даже помню, где эта скала торчит, прям у длинного переката, где из воды то тут, то там торчат острые здоровенные глыбы кварцита. Туда я и привел Веньку, – вот смотри, по разговору с тем старцем где-то здесь и должно быть гнездо, давай посмотрим еще раз.

– Был я здесь еще в позапрошлом году, вроде все простучали и описание есть. Даже зарисовки Михалыч есть.

– И все же давай еще разок пройдем, – стал карабкаться на самый верх, – а ты Веня пройдишь понизу, да смотри осторожнее, я камни буду спускать вниз.

Долго же мы копались, переворошили всю скалу, и было, уж собрались уходить, как у Веньки геологический молоток провалился в пустоту, – что-то есть, чуть слышно прошептал Веня, что-то там точно есть, – и еще не веря себе с остервенением начал расширять зияющий провал. – Точно гнездо, Михалыч напали! Веришь, нет, напали на гнездо, видишь из под молотка хрусталь сыплется, да какой! Просто чудо.

– Стой! Черт подери не круши хрусталь, сейчас подойду, – осторожно стал слазить с крутого обрыва, – стой чертяка, ты так все гнездо изничтожишь.

То что я увидел поразило как гром среди ясного неба, в лучах заходящего солнца в глубине открывшегося грота всеми цветами радуги сверкали кристаллы горного хрусталя. Чистейшей воды кристаллы от махоньких до полуметра высотой, друзья мориона и цитрина – лимонно – желтой окраски хрусталя, перемежались с фиолетовым аметистом, которые в свою очередь были усыпаны кристалликами золотистого пирита. Просто разбегались глаза

от чистоты друз и кристаллов, красота просто неопишуемая. С трудом оторвался от этого чуда.

– А ты Венька говорил, что все здесь пролазили, не все значит. Видал ты, чтонибудь подобное, я например, с таким чудом впервые сталкиваюсь. И вот что давай все прикроем, запрячем это гнездо, упаси бог, увидят охотники или туристы считай, под чистую все выметут, ничего для них нет святого, даже красоту такую не пожалеют.

– Сейчас Михалыч, дай только еще разок гляну и все заделаем в лучшем виде.

В лагерь вернулись уже темно, Алешка с Васей у костра о чем-то спорили, усиленно жестикулируя, пытаюсь друг-другу что-то доказать. Когда подошли поближе, стало понятно, конечно речь шла о рыбалке, пока нас не было, ребята строили грандиозные планы похода за семгой и как всегда, один тянул вверх реки, а другой убеждал, что именно сейчас вся рыба еще внизу и непременно им нужно отправиться только вниз Щугора. Увидев нас спор мгновенно стих. А когда услышали наш рассказ о гнезде и увидели принесенные образцы хрусталя, подержав в руках и аметисты и даже кристаллы хрусталя проросшие рутилом или как еще его называют волосатик или “волосы Венеры”, мгновенно забыли и о рыбалке, и о чае, кружки которого застыли у них в руках.

– Что-то невероятное, весь сезон ничего и нате вам, просто чудо, – в который раз подошел к выложенным образцам Лешка, – такие-то и в музее не грех выставлять.

– Вот ведь фортуна, все время задом, а тут надо же и лицом повернулась, – все восхищался Васек, теребя свою прогоревшую энцефалитку. – Под конец сезона надо же, как повезло, кто поверит? А с бурением, что теперь, как быть?

– Ничего, как наместили, так и пойдет. Сколько скважин у тебя в наметке Митрофаныч?

– Пока три, это точно, а потом нужно еще раз пересмотреть все материалы, наверняка появятся еще.

– Тогда я вот что хочу предложить, – придвинулся поближе к огоньку. Все же вечера уже холодные, чувствуется приближение скорой зимы. – На днях сворачиваемся и все вылетаем на базу, а недельки через две на буровую залетит Василий, потом через месяц его заменит Алексей, ну а мы с Митрофанычем по мере надобности будем у вас залетать, так сказать в гости. Ну как устраивает такой расклад?

– Нет, так не пойдет, – взвился Леха, – первым залетаю я! Ваську без разницы когда, а сейчас будет самая рыбалка, а через месяц и река встанет, Василь подтверди ведь я прав?

– Я не против, Михалыч, лишний месяц побуду в экспедиции, глядишь, и материалы для кандидатской начну собирать.

– Тогда считай, предварительная договоренность у нас есть, а точнее решим все на базе, утром сделаю заявку на счет вертолета, и если погода не подведет, скоро будем дома. А сейчас отдыхать и укладывать свои вещички.

Погода тьфу-тьфу не подвела, и вертолет прилетел, как и заказывали, через два дня, загрузились в вертолет быстро и, только взвихрилась пыль, и успевшие опасть листья еще долго кружились в воздухе даже после того как стих вдали гул вертолета.

Вот закончился еще один полевой сезон, для нашего маленького коллектива геологов, а, сколько еще их впереди, сколько непройденных дорог и маршрутов по нехоженой тайге, сколько ждет удач и разочарований.

Дороги без конца и начала. Дороги длиною в жизнь, которые мы сами выбрали и с которых нам не свернуть.

Виталий Примеров,
фото предоставлено автором

Снаряжение скалолаза

Для того чтобы лазать по скалам (по естественному рельефу), используется снаряжение, отличное от снаряжения для лазания по оборудованному тренажеру (по искусственному рельефу). Отличие в том, что на скале, на оборудованной трассе, есть только так называемые крючья, на самом деле это кольца-проушины, которые специальным образом закреплены в скале. Для того чтобы пролезть трассу, из снаряжения нужно иметь веревку для страховки. Она должна быть динамической (специально изготовленная для скалолазов сертифицированная веревка), для верхней страховки используется статическая веревка. Динамика веревки состоит в том, что при срыве под действием тяжести она пружинит, растягивается, как резина. Благодаря свойствам верев-

ки гасится рывок, на страхующего приходится меньшая сила рывка. Вербка выдерживает рывок около 2000 кг, этого вполне достаточно, для того чтобы с большим запасом прочности компенсировать срыв и вес человека. Очень важно, чтобы при нагрузках веревка не скручивалась, была эластичной и мягкой. Но можно организовывать и другую страховку - с помощью точек, которые находятся на вершине трассы. Опытный человек заранее проходит по легкому пути и готовит страховочную веревку. Когда скалолаз начинает подъем на скалу, веревка привязана к нему, и он лезет, используя только те зацепки, которые есть на скале.

Если он лезет с нижней страховкой, т.е. по оборудованной трассе, тогда он должен организовывать себе страховку сам. Для

этого ему нужны оттяжки - это капроновые ленты, соединенные двумя карабинами - стальными или дюралевыми кольцами, которые размыкаются и соединяются. Дюралевые карабины легче, и если трасса на 30 оттяжек, на тебе висит 60 стальных карабинов, в этом случае передвигаться достаточно тяжело. Есть карабины никелированные, с разными защелками, есть карабины, которые хорошо крепятся на капроновой ленте за счет специальной резинки. По мере подъема, через каждые 2-3 метра, в местах, где находятся точки страховки, скалолаз должен щелкнуть оттяжку в кольцо, закрепленное на скале, а в другой конец оттяжки прощелкнуть свою веревку. Таким образом, если скалолаз сорвется, он пролетит расстояние до этой

оттяжки и ниже, но страховщик ему все равно не даст упасть на землю.

Существует множество производителей веревок, в том числе и российских, но чем дороже веревка, тем она качественнее. Из зарубежных фирм славятся французские и итальянские, немецкие и чешские. В зависимости от маршрутов определяется длина веревки, нужно, чтобы ее хватило от старта до финиша и обратно к страховщику, т.е. длина веревки должна быть хотя бы в 2,5 раза длиннее маршрута. Для прохождения трасс на скалах применяются веревки от 9 до 12 мм диаметром, веревки тоньше являются вспомогательными и не используются для страховки.

Одним из элементов страховочного снаряжения является страховочная система, которая закрепляется на ногах и поясе скалолаза. Система нужна для того, чтобы при срыве или при спуске на веревке

спортсмен чувствовал себя комфортно, чтобы его не перевернуло, чтобы нагрузка распределялась равномерно и на поясницу, и на ноги. Система состоит из двух колец, сшитых из капроновой ленты, куда вставляются ноги, и кольца со специальной пряжкой, которое одевается на пояс. Начинающим скалолазам надо обращать внимание на то, чтобы пояс был в пряжке заправлен так, как нужно, для того чтобы система не расстегнулась при лазании, при срыве или при спуске. Пояс должен быть продернут в пряжку 3 раза. Система, как правило, выдерживает 400-500 кг, т.е. с запасом. Системы бывают разных конструкций, разного исполнения, разной степени комфортности и расцветки. Систему можно при покупке проверить, ее нужно одеть, почувствовать ощущения при рывке. Есть двойные пояса для комфортности, есть узкие – спортивные пояса, когда важна легкость. Для детей реко-

мендуют брать систему с точкой закрепления на груди, где не нужно особых усилий, чтобы не перевернуться.

Еще в страховочное снаряжение входит спусковое устройство, которое позволяет скомпенсировать рывок на страхующего во время срыва скалолаза и во время спуска дает ему возможность комфортно спустить своего напарника. Это может быть восьмерка с карабином, которая крепится на страховочной системе страхующего. Есть разработанное французскими и итальянскими конструкторами устройство – «гри-гри», которое позволяет выбирать веревку по мере подъема скалолаза, даже если он срывается, а страховщик потерял контроль над веревкой, это устройство зажимает, схватывает веревку. Когда используется восьмерка с карабином, все зависит от реакции и внимательности страховщика.

Очень важный элемент снаряжения скалолазов – это скальные туфли - специальная обувь с кожа-

ной основой, на которую наклеена резиновая подошва, носок и пятка. Эта обувь обеспечивает хорошее сцепление с рельефом. Существует множество моделей, поэтому каждый скалолаз может подобрать себе туфли индивидуально. Они бывают разной формы, с разными застежками (липучка, шнуровка, резинка). Начинать тренироваться желательно сразу в скальных туфлях, потому что в противном случае потом придется переучиваться. Для начинающих я советую приобретать обувь размер в размер, чтобы им было комфортно. Разрядники для плотного облегания стопы используют обувь на 1-2 размера меньше. Со временем туфли растягиваются, поэтому я не советую новичкам брать с застежками-резинками. Для начала лучше выбирать туфли среднего класса, например, фирмы «Rock Pillars». Желательно туфли не стирать агрессивными реагентами и не сушить на батарее, пересушен-

ная жесткая кожа натирает, лучше их протирать и проветривать. Резина на подошвах бывает тоже разная, раньше больше всего ценилась фирма «Vibra», а сейчас появились и другие хорошие производители, когда вы сдаете туфли в ремонт, вас обязательно спросят, какую резину ставить. Без туфель скалолаз как без рук, именно туфли помогают лазать.

При лазании на естественных скалах используют каски, они должны быть легкие, прочные и комфортные. Они тоже бывают разные. То, что мы видим снаружи – это оболочка, а то, что соприкасается с головой – парашютная система. Между ними есть определенное расстояние, чтобы при ударе была амортизация. Детям каски нужны обязательно, а взрослые почищеным уральским монолитным скалам, в основном, лазают без них. У скалолазных касок уши остаются открытыми, поэтому на слышимость их толщина не влияет.

Еще скалолаз, который лезет, пользуется магниезией, по мере подъема, чтобы руки не скользили, хранится она в специальном мешочке, который крепится на спине. Магниезия может быть сухой, а может быть жидкой. В России больше пользуются сухой: она дешевле, мы к ней больше привыкли и по времени ее доставать быстрее. Магниезия не только сушит кожу на руках, она придает больше уверенности.

В Шамани (Франция), где зародился альпинизм, есть лаборатория Международной федерации альпинизма, в которой тестируется и сертифицируется снаряжение. Каждый производитель заинтересован в том, чтобы на его продукции стояло клеймо лаборатории, потому что весь лазающий мир знает, что лейбл УЕА – это бренд, этому снаряжению можно доверять. Скалолазание – экстремальный вид спорта, и во многом от качества снаряжения зависит жизнь спортсмена.

**НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ
В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!**

СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН

МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «КАРАГАЙСКИЙ БОР»

СУТКИ от 1600 р.

«ЛЮКС» от 1800 р.

БАССЕЙН 25 м

САУНА

ТУРЕЦКАЯ БАНЯ

КОМИССИЯ ТУР-АГЕНТСТВАМ УВЕЛИЧЕНА!

ПУТЕВКИ на декабрь от 1000 р. в сутки

ПРОКАТ СПОРТ-ИНВЕНТАРЯ ТЮБИНГОВАЯ ТРАССА

скидки НА ДЕТЕЙ до 40%

принимаем с банкетом и без ШОУ-ПРОГРАММА каждый день

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(351) 260-25-87
г. Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

Мансийская изба

Алексей Слепухин
фото предоставлено автором

Лица исчезающего лесного народа

Начатая нами в конце 2003 года и продолжающаяся до сих пор исследовательская экспедиция «Манси – лесные люди» позволила нам узнать достаточно о загадочном народе Урала – манси, в прошлом вогулов. Мы побывали в сохранившихся паулях (родовые поселения) на реках Пелым (Урай-паль, Овунья-пауль, Ультем-урай-пауль), Лозьва (Тресколье), в покинутом Суйват-пауле, нашли замысловатые рисунки на деревьях – катпосы, разыскали мансийские святилища и общались со старожилками-манси. Большой фотоархив собирался по крупницам, позволяя проследить «историю народа в лицах». Проводимые исследования позволили нам организовать выставки и конференции об этом народе в Екатеринбурге. В связи с исчезновением и вымиранием народа нам долго не удавалось приблизиться к сокровенному – шаманизму и культуре богов. Экспедиции последних лет дали возможность соприкоснуться нам и с этой стороной жизни удивительного народа.

Отправляясь в январе 2007 года в очередную мансийскую экспедицию на Север Свердловской области, мы не подозревали, что может существовать связь между строителями советского поселка железнодорожников Пелым, венгерским ученым Анталом Регули, жившим в первой половине XIX века, и польским врачом Эмилием Сенкевичем, сосланным на Урал царскими властями в начале XX столетия.

Поводов для нашего визита на Север было два. Первый - по нашим сведениям, здесь должны были проживать несколько манси, с которыми мы планировали познакомиться, продолжая изучение исчезающего народа. Второй, чисто практический, выяснить возможность заброски вверх по Пелыму для дальнейшего сплава по таежной реке до поселка и поиски катера, на котором можно добраться до Пелымского Тумана – легендарного озера, с которым связано большое количество мансийских легенд и преданий.

О том, что в поселке проживают манси, знали единицы. Наш визит и привезенная фотовыставка, составленная по материалам предыдущих мансийских экспедиций, вызвали большой интерес у местного населения. Выяснилось, что на территории проживают несколько семей: Мульмины, Куземкины, Ураковы, Юпланковы (Векшины по отцу), Глюкановы (Самбиндаловы), Пеликовы. Очень разная судьба и история этих родов. Но несколько, а именно Юпланковы и Куземкины, жили на этой территории задолго до того, как в конце пятидесятих годов XX столетия здесь была проложена железная дорога и был построен рабочий поселок Пелым.

В десяти километрах севернее от поселка, на маленькой таежной речке Атымье стоит заброшенная деревня Вершина. Для пелымчан – это дачный поселок, место семейного отдыха. На окраине деревне – покосившаяся избушка умершей десять лет назад бабы Дарьи и амбарчик на «курьих ножках» - сумьях. В ста метрах от избушки – ров и огромный курган, покрытый вековыми соснами и кедрами. По местным преданиям – Ермаково городище. Следует сказать, что Ермака Тимофеевича на Урале любят и помнят. Нет реки, на которой бы не стояла скала с пещерой Ермака, и не ходили бы легенды, что именно здесь спрятал свои сокровища легендарный покоритель Сибири, пусть он и не бывал-то здесь никогда. Местные «черные археологи» давно копают курган, а найденные средневековые бронзовые украшения продают в соседние Пермскую и Тюменскую области. А пелымчане, перекапывая свои огороды, частенько натываются на наконечники стрел, осколки керамики. Исследования, проведенные екатеринбургскими археологами в 2007 году, позволяют предположить, что здесь находилось средневековое мансийское, укрепленное поселение – крепость. Раскопки ограничились одним сезоном – как всегда, по финансовым причинам. Таким образом, манси на этой территории проживают вот уже более десяти столетий.

Санквилтап

Избушка бабушки Дарьи перешла по наследству Дмитрию Денисовичу Мульмину – почетному гражданину поселка Пелым, коммунисту, строителю железной дороги и потомку княжеского мансийского рода, проживавшего некогда ниже по течению Пелыма в поселке Сальты. Мы встречались с ним неоднократно, но, как и большинство старых манси, он немного рассказал чужакам. Поведал несколько семейных преданий, сказал, что обрядов мансийских не помнит. А зря, хотя всё это объяснимо.

Дмитрий Денисович вообще часть истории пелымских манси. Даже в свой 81 год он всё прекрасно помнит, великолепно соображает и понимает. А потому часть этнографического материала нам удаётся узнать именно от него. Давайте разберёмся по порядку.

Род Мульминых довольно старый. Сам Дмитрий Денисович по происхождению князёк. Когда-то его владения располагались в нижнем течении Пелыма. По скудным рассказам деда Димы, нам удалось выяснить, что его предок переехал в деревню Сальты из Заречного, откуда Мульминым пришлось уехать, т.к. предок его не разрешил строить православную церковь на своём берегу Пелыма. И, видимо, ситуация зашла в нежелательное «русло» для Мульминых, отчего и пришлось уезжать из Заречного.

Но и в Сальтах по приезду князя Мульмина ждали неприятности. Местный колдун (шаман, видимо, хотя деда Дима ни разу не упоминал этого термина) невзлюбил Мульмина – начал чинить козни. Тогда из Заречного на помощь приехал свой колдун. Он нашёл в лесу разбитое молнией дерево, вытесал из него клин, забил его под девятое бревно дома колдуна. После чего местный колдун и умер.

Вот такая история.

Уже по возвращению в Екатеринбург мы смогли выяснить, что род Мульминых был переписан ещё в начале XX столетия в деревне Рекпаульской, но тогда фамилия звучала по другому – Мулькины!

Видимо, со временем всё меняется: люди, история, фамилии. И всё очень быстро исчезает...

Отец деда Димы Денис Мульмин, как оказалось, был последним носителем пельымского диалекта языка манси. С ним успел познакомиться и пообщаться известный исследователь мансийского языка и топонимии профессор Александр Константинович Матвеев, автор многих интересных книг о происхождении географических названий на Урале. Но про это деда Дима ничего не знает.

Дмитрий Денисович по родственным связям был близок почти со всеми мансийскими родами, проживавших некогда в Вершине и в нежилой ныне деревне Массавы. Но сейчас даже при очень усердном нашем исследовании генеалогии Юпланковых, Кузёмкиных, Ураковых, Шошкиных всех связей не удалось восстановить. В конце одной из наших последних встреч он разрешил нам посмотреть дом в Вершине и объяснил, где можно найти на чердаке старинные стрелы, решив взять с собой, что будет нужно.

Стрел мы не нашли, но, увидев сокровища, хранившиеся на пыльном чердаке, о них забыли. В глубине небольшого помещения стояли два открытых сундука. По полу разбросаны истлевшие

шкурки, выцветшие тряпки. При ближайшем рассмотрении – все это оказалось арсынами (ритуальными платками), ритуальными рубашками и шлемами, приносимыми некогда в дар духам реки Атымь и духам – покровителям рода. Кроме этого, нами была найдена удивительная пайва – берестяной короб с крышкой, к которой сухожилиями был привязан медвежий скальп (нос). Судя по всему, это было родовое святилище, заброшенное и разоренное. Пятна крови на одной из рубашек свидетельствуют о том, что вегетарианцами духи не были, и кто-то ещё совсем недавно (в течение последних 3-5 лет) проводил древний культ общения с мансийскими богами - пупынгамми. Попросив у них прощения, угостив спиртом и шоколадом, мы забрали приклады с собой. Судя по тому, что домой мы, добрались без приключений, против этого духи ничего не имели.

А дальше начались события удивительные. Из абсолютно разных источников нам стали поступать сведения о жителях Вершины. Начнем с того, что в местном краеведческом музее хранится ксерокопия газеты «Вести Севера», выпущенной в конце тридцатых годов прошлого века. В короткой заметке рассказывается о том, что в поселке Вершина не ведется агитационная работа, нет красного

Туес ритуальный

Сумьях

уголка, и большое влияние на население оказывает местный шаман Федор Юпланков, отказавшийся войти колхоз «Красный туземец».

Монеты, зашитые в ворот одной из рубашек и завязанные в уголки арсынов, относятся именно к этому периоду. Бабушка Дарья приходилась родственницей Юпланковым, Мульминым и Куземкиным. Таким образом, нам достались реликвии одного из последних шаманов манси.

Позднее, в Екатеринбурге нам посчастливилось разыскать перевод дневников Антала Регули, венгерского исследователя, путешествовавшего по Уралу в первой половине XIX века. В дневниках имеется упоминание о мансийском поселении Векшина (мы считаем, что позднее, в русском варианте - Вершина) на реке Пелым. Среди родов, живших здесь – Еплановы (нынешние Юпланковы). Регули, судя по всему, был в этих краях и встречался с местными манси.

Поиски архивных фотографий манси привели нас в Областной музей истории медицины. Здесь хранится часть архива Эмилия Сенкевича. Будучи сосланным на Урал в начале XX века, польский врач много путешествовал по Северному Уралу. Судя по всему, он интересовался антропологией. Среди фотографий – портреты местных жителей

с описанием характерных для данного народа черт лица и телосложения. Он посещал поселки, расположенные по берегам рек Пелыма и Оуса. Был и в Вершине. На пожелтевших снимках Куземкин Никита Андреевич и Юпланкова Мария Васильевна.

В настоящее время мы ничего не знаем об этих людях, не знаем, кем они приходились живущим в начале XXI века в Пелыме Юпланковым и Куземкиным. Архив Пелыма, в котором содержались сведения и о жителях Вершины, утерян. Но мы уверены, что дальнейшие исследования позволят нам разгадать и эту тайну.

Найденные нами сведения о пелымских манси дали нам возможность продолжить создание генеалогических древ родов манси севера Свердловской области, увеличить архив фотографий манси (с начала XX до начала XXI вв.), проследить историю края, а также используя культовый комплекс одного из самых сильных шаманов Пелыма и оставшихся после рода Юпланковых построек, включая сумьях, подготовить ещё один этнографический маршрут в рамках исследовательской экспедиции «Манси – лесные люди». Это и позволит нам показать путешественникам и туристам настоящую страну манси – Манси-ма.

ВЛАДИМИР АНТОНОВ,
РОМАН КИРШИН

Уральские геокэшеры

3 октября в рамках закрытия летнего велосезона - 2009 впервые в Екатеринбурге прошла игра «Кубок ПРИН-УРАЛа по геокэшингу», где участники продемонстрировали свои умения ориентироваться на местности при помощи GPS-навигатора и таланты кладоискателей.

Свершилось! Утром на поляне 67-го квартала (район станции «Северка») еще не облетевшие листья на деревьях беспокойно зашелестели: сквозь утренний туман тут и там стали появляться фигуры велосипедистов, быстро кативших по дороге к поляне. Один, два, три... пятьдесят... более двухсот! Вот пожилой мужчина, везущий на себе рюкзак вдвое больше него самого, вот семейная пара с малышом на заднем сиденье, вот группа хохочущих студентов... что же собрало всех этих людей вместе? Что заставило их проснуться-

ся до рассвета в выходной день, сесть на электричку, автомобиль или, добираясь на велосипеде, приехать на поляну?

Дело в том, что в этот день у велосипедистов Екатеринбурга и области праздник - закрытие летнего велосезона. Мероприятие, которое ни один любитель велосипедного спорта не мог позволить себе пропустить. Ведь это и традиционный веломарафон, и апхилл, и фотоконкурсы, не говоря уже о прекрасной компании друзей и щедрой на красоту уральской природе!

Но в этом году велосипедистов ждал еще один сюрприз: впервые на Урале проводилась игра «Кубок ПРИН-УРАЛа по геокэшингу».

Геокэшинг - это увлекательная игра с применением GPS-навигаторов, состоящая в нахождении тайников, спрятанных другими участниками игры. Тайник рекомендуется создавать только в месте, которое представляет природный, исторический, культурный, географический интерес. Поэтому каждая точка, отмеченная координатами, обладает особой притягательной силой не только для владельцев

Человек в экстремале

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

GPS, но и для людей, интересующихся историей родного края, географией и т.п.

История геокэшинга как современной игры началась в 2000 году в США одновременно с отменой ограничений по использованию GPS-приемников. Сегодня сообщество геокэшеров есть и в России. На данный момент на территории нашей страны существует более 5 тысяч тайников.

За «Кубок ПРИН-УРАЛа по геокэшингу» вызвались бороться сразу 6 команд. И вот – долгожданный момент – предварительный инструктаж, раздача маршрутов, оташка флагов и - СТАРТ!!!!

Команды, «заколотив» точки в навигаторы, с ходу набросав стратегию прохождения маршрута, умчались со старта.

Участникам предстояло найти тайники, руководствуясь GPS-координатами, характерными ориентирами и собственной смекалкой. Основную часть трассы ко-

манды преодолели на велосипеде, но кое-где пришлось тащить байк на себе, добираясь до наиболее ценных тайников или стремясь сократить путь.

Нелегко найти хорошо замаскированный тайник: для начала надо ввести координаты в GPS-навигатор, затем, следуя маршруту, пробираться по узким тропкам, взбираясь на крутые горки и наматывая километры пути, установить местонахождение тайника.

Вот и это самое место! Но обозначенный координатами район закладки тайника – это 10-20 квадратных метров. Как найти маленькую коробочку с заветным призом среди плотно растущих сосен или в заросшем кустарником овраге?

Тут необходимо сосредоточить свое внимание, сантиметр за сантиметром исследуя местность, сравнивая ее с фотографией в легенде тайника.

Наконец тайник обнаружен. Дружный крик « Ур-ра-а! Нашли!».

Долгожданные призы извлечены из коробочки, сделана запись в блокноте тайника о том, что из него было взято. Взамен каждый участник кладет в контейнер новый приз - для следующих посетителей тайника.

Команды справились с игровыми заданиями на «отлично». Усталые, но довольные, собрались на финише, весело обсуждая приключения на трассе. Положительные эмоции переполняли их. Игра удалась!

Результаты:

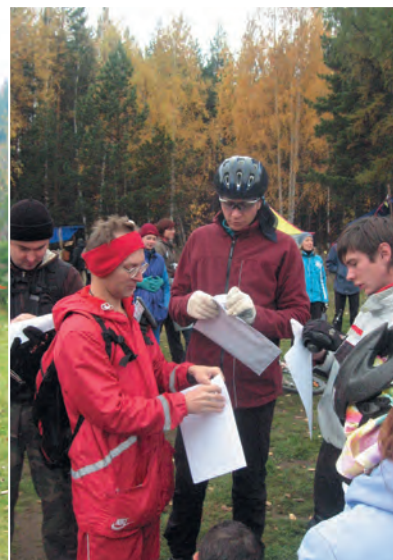
1 место. Команда «2x4». Время маршрута – 3 ч. 50 мин.

2 место. Команда «Велобелки-rrrrrrr». Время – 4 ч.

3 место. Команда «Экспромт». Время – 4 ч. 10 мин.

Победители были награждены призами от компании «ПРИН-УРАЛ», все участники получили памятные наклейки.

До новых встреч, геокэшеры!

ПРИН-УРАЛ (343)222-06-56

GPS- НАВИГАТОРЫ
радиостанции ЭХОЛОТЫ

г. Екатеринбург, ул. Крестинского 46 а, www.prinural.ru

Алексей МУРЗИН

Фото из архива «Уральского следопыта»

Барсучий колок

Бывают еще и сейчас в русских деревнях мужики особого склада – весельчаки, умельцы на все руки, битые жизнью, буйные в юности, и все такие же затейники, ставши в годах. И хоть помнят их норы, а уважают, а может, и наоборот, уважают, потому что помнят. Сашкин дядя Юра был как раз такой.

Нашло как-то на него романтическое настроение, оно ведь тоже не просто так находит. Горожане не поймут, посмеются: «Знаем мы их романтическое настроение!» Но это не то...

Вот, бывает, выберется старый-престарый дед на лавочку у ворот. Сидит. Весь день смотрит: на солнце, на зелень, опять же на людей. И чего он только за жизнь не видывал? Много уже прожито. Ну, может, какого-нибудь

там... заморского доллара, ну, или какого-нибудь технического ухищрения, так это все равно с лавочки не увидишь. Нет, однако, каждый день, как когда-то на работу, выбирается сюда и сидит, все сидит. Кажется, дремлет постариковски. А подойдешь тихонько, раз, и глаза уже тебя изучают. И внимательно так, и знают о тебе, кажется, то, что ты и сам не знал никогда или спрятал так далеко и старался не вспоминать, потому что стыдно... Да и мужики, те, которые помоложе, не только за рыбой, на покос или дрова рубить из дому выходят. Даже и мимоходом, а взглянут на широкий мир – простор и волю. Вот и на дядю Юру тоже в тот раз нашло. И не впервые, конечно.

Подъехал на своем ярко-зеленом мотоцикле к Сашкиному

дому. Где Сашка жил в то давнее время с отцом, матерью и двумя сестрами: старшей и младшей. Да как гаркнул с порога.

– Айдайте, что ли, хоть в поле. Грузди-то ишо не все измокли.

А надо сказать, уже неделю как устоялась матерая осень. Не та легкая-ранняя или поздняя, прозрачная, а самая срединная. Лес отяжелел листвой, будто на сносях, вот-вот сбросит ее, освободится – застроинеет даже вроде обрадуется. Ночи совсем длинные и такие сырые, что под листвой уже не сохнет за день. А днем леса палят этой сладковатой смесью дыхания прелых листьев и трав. Кое-где поля чернеют вывороченными комьями вспаханного чернозема.

Сашкины родители, зная, что Юрий, как всегда, настроен решительно, сразу отказались. Отцу

что-то нездоровилось, а мама и старшая сестра Нина обставились парящими банками, закладывая туда спелые белобокие яблоки, насыпали по мерке сахар. Закатывали крышки специальным приспособлением и вполголоса, шутя, перебранивались. Вот и вышло, что отправили за последними груздями Сашку.

— Эй, ты, отрок Александр, — позвала Нина, — поезжай, сколько можно этот, как его там у тебя, «Наутилус», что ли, слушать? Разомнись, хватит уже диван давить.

— Саша, и я с тобой, — подскочила младшая сестренка Оксанка.

Сашка нехотя оторвался от изучения разводов белой водоэмульсионной краски на потолке, грубо прервал песню про «Бриллиантовые дороги». Выключил магнитофон со старательно исправленным путем отцарапывания буквы «а» наименованием — «ЭЛЕКТРОНИК». Поднялся.

— Ты, Оксана, пока мафон покарауль, чтобы Нинка не включала, — громко, чтобы все слышали, поручил он сестренке. — Куда поедем-то, дядя Юра?

— Нук, бак-то полный, куда-нибудь да доедем, — дядя Юра стоял, загородив дверной проем в сени, в хромовых сапогах, синих спортивных штанах с лампасами и в танкистском шлеме, подбитом мехом, на голове.

Поехали. Где знакомыми путями, а где без пути по стерне среди рыхлых нетоптанных соломенных куч, исторгнутых жадными нетерпеливыми комбайнами, или подростшей отавой покоса. Дорога осенью может быть где угодно.

Краснокудрые зеленотелые осины еле заметно трепещут круглыми листиками. А листики эти с них стайками, кувыркаясь в воздухе, отлетают на сброшенные раньше, такие же красно-оранжевые. Заваливают потихоньку перезревшую костянку и чахлые травы.

— Чисто выбрано! — восхищается покосами дядя Юра. — Давно уж так-то края не окашивают. Экономно, как в стары годы.

— Давай останавливайся, — кричит, не слыша его, сзади Сашка, — тут поищем грузди-то.

— Да, ну их, эти осинники. Давай в Барсучий колок поедем.

Был там? — кричит, обернувшись, дядя Юра.

— Нет. А далеко?

— Да не пешком ить, — дядя Юра резко разворачивает мотоцикл и кричит снова: — Нигде такого не увидишь. А грузди? Что грузди, они и там такие же.

Дороги на жирном черноземе, как реки в песчаной пустыне, блуждают. Раздавят такую дорогу в осеннее ненастье или весной в беспутницу, после бурной затайки, по привычке еще какое-то время ездят по ней, маются. И как-то сам собой находится нетерпеливый водитель-холерик, который возьмет да и свернет, сочно ругаясь, на загадочную обочину, проедет по траве, и все, обочина уже не загадочная. За ним проедет еще кто-нибудь, не сразу конечно. А уже через пару дней готова новая дорога. Старая же за лето совсем зарастет, сначала травами-однолетками, потом пойдут сорняки посерьезней, и так, потихоньку, год за годом втянется дорога в луг или лес и будет жить уже не дорогой, а колеями.

Мотоцикл вместе с Сашкой кидает с боку на бок, это он пере-

езжает брошенные дороги под углом, стремясь добраться до живой, твердой как камень, разорванной сеткой тонких трещинок. Прошлогодня колея — последнее препятствие, безобразно чернеет между деревянистыми дудками крапивы, лебеды и конопли. Когда выехали, дядя Юра похрустел, переключая ногой передачи, чем-то в нутре мотоциклетного двигателя. Вскоре засвистел в ушах ветер. Сашка огляделся. Взор притягивало какое-то торжественное величие древнего, широкого как речная пойма, лога, с сетью болотца и все еще зелеными травами у ручьев, золотящегося местами усохшими тростниками и темнеющего буро-желтыми непроходимыми ивняками.

Дядя Юра свернул на обочину и, выдернув ключ зажигания, проворно спрыгнул на землю. Мотоцикл, потарахтев еще, будто на полуслове затих.

— Вон там козлики-то летовали, — показал он куда-то в лог, — озимые недалеко, вот и прикормились.

— А на той-то стороне погляди! — широко расставив руки, дядя Юра вертел головой, будто охватывая пейзаж в охапку. — Вот бы нарисовать или сфотографировать, как есть! Какая картина бы вышла, а!

Небо еще не отяжелело, высокое и прозрачное, хотя и не глубокое как летом. Воздух совсем не остыл за ночь. Греет его прокаленная за лето и тоже не остывшая еще земля. Блестят золотом соломенные копны, полыхают березняки.

— Давай, дядя Юра, грибы-то посмотрим, — стремится к лесу Сашка.

— Где? Здесь, что ли? Нет, дальше поедем. Тут негруженое место-то.

Дядя Юра уже заводит мотоцикл. Сашка едва успевает схватить поручень перед своим сиденьем, взрыкнув и выпустив сизый дымок, мотоцикл понесся краем леса.

— Вон, — показал рукой дядя Юра, — смотри, вырубка. Запоминай, малины-то там бывает!

Земляника тоже есть, можно и глубянку найти.

— Давай-ка, вишенье поглядим, — он неожиданно сворачивает влево.

Мотоцикл петляет по наторенной тяжелыми «зерновозами» дороге. День вовсе разгулялся, неподвижный воздух висит над сырыми опушками парным маревом. На вырубке за лето тронулись в рост молоденькие березки, и лист на них все еще зелен. Царствует, пока они малы, краснеющая листвою нарядная черемуха. А под нею и березками неоглядные дебри малины. Кусты кое-где измяты, трава с трудом поднимается на тропках и автомобильных колеях.

— Смотри-ка, людное место. Поездил сюда нынче кто-то, а я вот все еще не бывал. А ты запоминай. Тут всем хватит. Знаешь, сколько ее обвалилось-то? Центеры, — то оборачиваясь, чтобы было лучше слышно, то снова глядя на дорогу, говорит дядя Юра.

О железное днище коляски часто-часто застучали упоревшие травяные стебли, в лицо Сашке ударил ворох разлетающихся от ударов легких пушистых семян. Он закрыл глаза, собрался покрепче ухватиться за поручень. Но мотоцикл неожиданно для него остановился, и Сашка всем весом налетел на дядю Юру и чуть не сбил его, уже балансирующего на одной ноге.

— Ну.. Ты здоровый.. Лось, — дядя Юра едва удержался от падения.

— Все, айда дальше пешком, — он уже действительно шагнул куда-то в высокой траве.

Сашка пошел следом. Под раскидистой березой, старой и частью уже умершей, роскошные еще совсем недавно папоротниковые веера, все уже побуревшие, сморщились и обвисли. Под ними обнажились трубочки бересты, оставшиеся от упавших и перепревших когда-то березовых сучьев, а травы зеленеют, наслаждаются осенним солнцем, если летнего не видали под папоротниками, то и это в радость.

— Хе-хе! Не добрались до вишенья, — дядя Юра вдруг хохотнул и резко повернул вправо, внезапно хлестнув Сашку по лицу случайной веткой.

Промигавшись от боли, Сашка разглядел на низких кустиках, среди мелкой темной листвы, вишневые, до черноты налитые, плоды. Подошел. Попробовал.

— Как садовая! — вслух удивился он. — Я думал, в лесу она мелкая да кислая.

— Не дожидаются спелой-то, — дядя Юра тоже лакомится ягодами, — рвут, едва подкрасится. А не сорвешь, и этой не увидишь. В компот-то всякая сойдет. Да, спелую не в раз и найдешь.

— А когда же в Барсучий колокол-то? — добрав несчастные ягоды, отирая красные от сока пальцы, опять спросил Сашка.

— Сейчас поедем, давай хоть вон тот еще кустик оберем, — дядя Юра указал на украшенный, как новогодняя елка, невысокий вишневый куст.

Собрали и с него, и с того, что рядом, а потом еще с того, который «вон там».

— Ну не оставлять же. Вишенье да не побрать! Самая ленивая ягода — вишня-то, ну еще калина, пожалуй, такая же. Вся на виду, склоняться не надо. Стой на месте да бери. Не то что глубянка, за той поползаешь... — рассуждает, проворно обрывая налитые вишенки, дядя Юра.

— Ну, пойдём, давай, сколько уж ее брать-то? — резко заканчивает он, отворачиваясь от куста.

— А отсюда до Барсучьего колка далеко? — все заботится Сашка.

— Да это как ить поехать. Если уже сжато, то стерней с три километра, а по дороге, пожалуй, вдвое больше будет. Зимой на лыжах от дому дойдешь, да и обратно уж пора. В потемках только явишься. Как раз к «Новостям» по телевизору. Пока лыжи приберешь, собаку покормишь... — объяснял дядя Юра, когда они разворачивали мотоцикл вокруг коляски, чтобы ехать обратно тем же путем.

Осинники уже примелькались, на разбитой в страду до-

роге трясло, подкидывало на растоптанных гигантскими машинами полях. Места эти Сашка видел впервые, все казалось одинаковым. Он пытался представить, как все это могло выглядеть летом, не получалось. Леса казались какими-то неряшливыми. Листья с деревьев опадали как-то некрасиво, кучи соломы были какие-то слишком рыхлые и хохлатые, стерня неопрятной и местами неприлично зеленой от поднявшегося осота. Хотя, наверно, и там, в родных местах, все, в общем, было так же?..

— Держись, — не оборачиваясь, крикнул дядя Юра.

Мотоцикл особенно высоко подпрыгнул, глухо долбанул передний амортизатор. Заревел и задымил мотор. И они оказались на ровном и круглом, как монета, покосе.

— Вот и приехали, — убрав в карман выцветшей, скорее всего голубой когда-то, рубахи ключ, сказал дядя Юра, — сейчас иди за мной.

Лес, в который они вошли, показавшийся с опушки густым и дремучим, будто по волшебству

расступился, пропустил их. Дядя Юра все шел, Сашка, озираясь, поспевал за ним. Прикрывался рукой от хлестких ударов распрямляющихся ветвей и молодых стволиков. Среди сплошных зарослей, над землей, возникло какое-то пустое пространство, над головой же остались все те же переплетения буро-зеленых и красно-оранжевых древесных крон. А под ними открылся грязно-желтый осыпающийся холмик. Скорее, даже — курган.

— Вот их норища-то, — почти шепотом сообщил дядя Юра.

— Чьи, барсучьи, что ли? — удивился Сашка.

— Ну, а чьи же?

У подножья кургана Сашка действительно различил большую дыру.

— Пошли, тут у них целый дом многоквартирный, — дядя Юра пробирался куда-то левее норы.

Сашка, приклоняясь, поспешил за ним. Показалась еще одна нора, затем чуть выше еще. От некоторых отходили настоящие дороги, исчезавшие где-то среди осин и черемухи. Весь холм оказался изрыт норами, пошире или поуже. Одни

уходили в глубь земляной кучи под углом, другие, как колодец, вели почти вертикально вниз.

— Вот, смотри, — торжествовал дядя Юра, — точно такого-то еще не видал?

— Нет, не видал, — признался Сашка.

— Знай теперь, тут они и живут. Молодняк рядом строится. Сколько их тут никто не считал.

— А где они сейчас? — шепотом, почти на ухо дяде Юре, спросил Сашка, отступая от ближайшей дыры.

— А кто их знает? Днем спать должны, значит, там в норах и сидят. Ночью на смену пойдут жир нагуливать. Зимой-то, как медведи же, в спячке, надо жирку-то подкопить. А барсучье сало-то знаешь как ценится! В аптеке, в городе, больше сотни стоит, на той неделе сам видел. Всякие витамины в нем. От простуды хорошо. На рынке за большие деньги продают в баночках. А умельцы-то — жулики, собачий жир вместо него натакали продавать. Не разобрать, кто не знает дак. А говорят, и его берут. Заболеешь когда правда, дак за всякое зелье сохватаешься...

— А лиса их не трогает? — перебил Сашка, вспомнив, что барсук с лисой вроде бы не дружат.

— Может, где и споруются, только тут исконно их — барсуков земля. Сколько помню, всегда они тут жили, и мне еще дедушка показывал. Тоже, говорит, с детства знал. Не нами Барсучьим колком названо.

Дядя Юра все ходил и ходил от норы к норе. Все рассказывал о звере барсуке, о его повадках, случаях с разными охотниками, о мечте заветной завести собаку-норника, чтобы умела по норам лазить и не боялась барсучьих зубов и когтей.

— Он, барсук, так-то воловатый, а если прищучить его — зверь.

Кого хочешь задерет. Вот и собака должна быть злой, чтобы схватила и насмерть. В журналах пишут, бывали случаи, до того упластуются, схватит собака-то и не отпускает, а барсучина ее лупасит когтями, бывает, и до смерти. За ошейник, за поводок тихонько обоих вытаскивают из норы-то: мертвую собаку и барсука в зубах у нее, — рассказывает вполголоса дядя Юра. — Только вот где их, таких-то собачек, берут?

— Ладно, все, пошли тихонько. Им, поди, уж на работу пора, а мы мешаем. Топчемся тут, говорим. Может, вон из кустов за нами подглядывают: «Когда уж их леший унесет?». Груздей-то все еще не наискали.

Солнце, найдя оконце в сером, незаметно накотившем заслоне тяжелых туч, пробилось, обнаружив длинные тени деревьев, просвечивая казавшуюся плотной толпу берез и осин. Глаза, ощутив эту перемену, запротестовали. Отказались принимать резкие контрастные краски. Сашка долго щурился, привыкал.

— Эй, брат, дак пора уж и домой, — спохватился дядя Юра, взглянув на часы, — смотри-ка, и не заметили, как солнце повернулось. Сейчас уж все, никаких груздей не найти.

***

Сашка теперь совсем вырос, стал Александром Владимировичем. Сидит он в светлом офисе у компьютера и телефона. На прием к нему не всякий еще и попадет. Тяжела чиновничья ноша. Работа нервная, неблагодарная. Оттого и «авторитет» у Сашки растет не по годам, и щеки румяные со спины видать.

И все нормально вроде, и оклад и премии и прочее «по знакомству». А только, бывает, что-то потянет Сашку на родину. Проедет он по деревне на новеньком, личном авто. До леса съездит. А все не то... И понял однажды Сашка: «В Барсучий коллок надо. По нему тоска эта». Ружье дорогое «вертикалку» давно уже купил. Все думал: «Зачем? Который год в сейфе лежит». А, оказывается, для него, для Барсучьего колка все. И разузнал, что собака эта норная существует, и давно ему известна, и зовется она таксой. И даже купил щенка на радость жене и детям. «Лазили» с дочкой в Интернете. Нашли, как тренируют таких собак, рекомендации разные. Даже и научили кое-чему щенка.

Наконец, уже в октябре, поехали с другом на служебном УАЗе. Только как ни рыскали по брошенным заросшим полям, не нашли дорогу. И знатоков в деревне уже не осталось. Выпустили каждый с десяток патронов по березам да домой...

А может, и хорошо, что не нашли...

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото предоставлено автором

Прекрасные места, в которые не хочется возвращаться

Стоит ли говорить о красотах Северного Урала? Наверное, нет. Чем дальше, тем больше самой разной по своим формам информации появляется в последние годы: на сайтах туристических фирм, на телевизионных программах, в многочисленных печатных изданиях. И журнал «УС» неоднократно рассказывал о этих замечательных, еще недавно довольно-таки труднодоступных (а потому – очень заманчивых и привлекательных) местах.

Я с трудом могу назвать себя знатоком Северного Урала – просто в этих местах я на протяжении многих лет работаю, и именно по долгу службы своей вот уже почти 10 лет бываю в местах, которые сегодня становятся все более и более посещаемыми туристами. Я не берусь анализировать, кто и зачем стремится сегодня посетить уникальные, сохранившие свой первозданный облик, памятники природы. Прекрасно, что современный житель перегруженных городов стремится найти отдохновение от шума, скупенности, загазован-

ности не за тридевять земель, а у себя дома, в родной стране. Но вот только почему ему, этому среднестатистическому жителю, на выходные дни превратившемуся в туриста (туриста ли? быть может – в эдакого покорителя-первопроходца, до которого, как он считает, никто в местах его отдыха не бывал, и уж наверняка никто никогда тут не будет больше), совсем не жалко этой самой прекрасной, но такой беззащитной природы? Неужели не хочется, чтобы и дети его через пару десятков лет смогли полюбоваться могучими лесами, величественными вершинами, зеркальными озерами и искрящимися реками с играющими водопадами?

Я не буду говорить о том, что плохо и как нельзя, вообще-то все это прекрасно известно с самых детских лет, и уверяю – известно каждому. Просто – ряд фотографий: следы посещения.

Надолго ли останутся эти восхитительные красоты при таком самоутверждении могущества человека?

Река «Серебрянка»
Массив Конжаковского камня

Борис ПОПОВ

Фото А. Курочкина

Записки факторщика

Прощание с факторией

В один прекрасный день в посёлок пришёл вездеход «Урал» - вахтовка с бригадой строителей. Вместе с ними пришли бульдозер, автокран и машины со стройматериалами, жилыми вагончиками, электростанцией. Недалеко от магазина строители оборудовали свою жилую базу, подключили электростанцию и начали строительство. Бригада строителей состояла из десятка молодых ребят, все в возрасте около тридцати лет, и родом, как потом выяснилось, в основном, из западной Украины. Прорабом у них был пятидесятилетний квалифицированный строитель, матёрый мужик из средней полосы России, уже много лет проработавший на Севере. Строители были очень трудолюбивые и

весёлые ребята, всегда готовые помочь в любой работе, и потому они быстро завоевали симпатии у поселковых жителей. В общении они были добродушные и уважительные, напрочь лишённые националистической спеси, обычно приписываемой западноукраинцам – «бендерам». На Севере в полной мере царил пролетарский интернационализм, когда люди – труженики не делились на нации, а объединялись высокой целью, интересной и трудной работой и возможностью хорошо заработать.

Технология строительства на вечной мерзлоте была довольно рациональна и проста. Сначала строители бульдозером выровняли площадку, подсыпали на зем-

лю песка и щебня и выкладывали её бетонными дорожными плитами. На них ставили через промежуток фундаментные блоки, на которые уже монтировали готовые жилые блоки. Стандартные жилые блоки комбинировали в различные конструкции, в зависимости от предназначения дома. Продуваемый фундамент не давал оттаивать вечной мерзлоте и гарантировал надёжность, по крайней мере, одноэтажным строениям.

Наиболее яркое впечатление от пребывания строителей в посёлке оставили вечера – посиделки, изредка возникающие у них в вагончике – столовой в редкие выходные дни. Работали они по 10 -12 часов в день с одним выходным днём, в воскресенье. Да и в этот день они работали,

Окончание. Начало в №5-8, 2009

но только до обеда. В день отдыха обед готовился более изысканный, с каким-либо праздничным блюдом.

Зачастую это были рыбные пи-роги со щокуром. Повар, один из этих ребят, отличавшийся кули-нарными способностями, вели-колепно готовил разнообразные блюда украинской кухни, в частно-сти борщи. На столе, естественно, всегда было сало в разных видах и другие закуски. Мы с женой, всегда приглашаемые на эти обеды, при-носили оленьи языки, копченую и солёную рыбу, морошку в сахаре. Отчётливо проявлялась у этих ре-бят неудержимая тяга к пению, к сожалению, довольно редкая у со-временной молодёжи.

Тут из памяти приходят вос-поминания детства, когда мы с ро-дителями часто ходили в гости или принимали гостей у себя дома. Всегда эти вечера сопровождался задушевным пением русских ро-мансов и народных песен. Но что касается уже нашего поколения, то эта традиция была вытеснена различной звукозаписывающей техникой и вечеринки молодёжи проходили как шумные и безала-берные, под громкие звуки магни-тофонной попсовой музыки.

Тем более трогательна была тяга украинских ребят к пению. После того как застолье утоляло первый голод, и участники отмя-кали от сытной закуски, певучими молодыми голосами они заводили украинские лирические песни. Пе-лись популярные современные и старые народные песни. Особен-но мне запомнилась грустная не-скончаемая баллада о «небыщиках Григории и Павло». По-украински, «небыщик», это покойник. Речь в песне, насколько я помню, шла о коварных интригах каких-то зло-деев, погубивших невинных Гри-гория и Павла и о их похождениях на том свете. Тема определяла ин-тонации. Особенно проникновен-но звучало восторженное и одно-временно тоскливое восклицание: «О Боже, який гарний свит! Чому ты его покидає? О Боже, яка красо-та! ... и т.д.

В голосах певцов звучал такой восторг перед белым светом, и

такой трагизм перед неумолимой волей рока, заставляющего навсег-да покидать его, что у слушателей невольно наворачивались слёзы на глазах. Печальные песни чере-довались с шутивными. Репертуар всегда включал песню «Распрягай-те, хлопцы, коней», с её удалым припевом: «Маруся раз, два, три, калина чернивая, дивчина в саду ягоды рвала...», которая до сих пор в российской армии являет-ся строевой, и я, будучи в армии дивизионным запевалой не раз пронзительно затягивал её по ко-манде старшины. В общем, засто-лье перерастало в вечер украин-ской песни, через которую ребята, иные подолгу не бывшие на роди-не, выражали свою печаль о ней и о своих семьях. Всё это было очень проникновенно и заставляло со-переживать.

Как хорошо пели ребята, так и хорошо работали! И буквально через месяц в построенной ими новой пекарне мы справляли но-воселье. Старая пекарня хоть и выпекала прекрасный хлеб, излу-ряла нас с пекарем тяжёлыми за-месами теста вручную, работами по заготовке и подвозке большого количества дров и воды. В новой же пекарне был установлен но-вый военный хлебопекарный ком-плекс с электрическим приводом и тестомесом. Это было огромное облегчение в нашей работе, и по-зволяло нам обеспечивать всё возрастающую потребность в хле-бе. Однако полностью избежать хлопот не удалось и при новой пекарне. Дело в том, что пекарня работала от большой 30- кило-ваттной дизель-электростанции. Гонять её круглые сутки нам не хва-тало солярки, поэтому я заводил её только на дневные часы, когда планировались выпечки хлеба. За-пускать её летом не было проблем, но зимой, в сорокоградусный мо-роз, было делом чрезвычайной трудности. Поэтому зимой я вста-вал в четыре – пять часов утра и укутывал электростанцию дорни-том, такой синтетической тканью, используемой на строительстве железной дороги. Затем зажигал две паяльные лампы, подсовывал

их под поддон дизеля и грел стан-цию. Боясь сжечь электростанцию, я не оставлял её без присмотра, а укладывался в ватнике на полу га-ража, и дремля, вполглаза, наблю-дал за работой паяльных ламп, изредка подкачивая их. Греть при-ходилось около двух часов. После того как колёвал дизеля начинал проворачиваться, я заводил дви-гатель, заливал водой радиатор, и электростанция молотила до вече-ра. Но так было уже после отъезда из посёлка строителей, потому что пока они были в посёлке, станция была в их ведении.

Присутствие строителей спасло меня однажды от большой беды. Дело было жарким ветреным июльским днём. Жена была в Са-лехарде, а я что-то делал в своей квартире. Вдруг меня насторожил какой-то резкий трещащий звук, как при работающей электросвар-ке, раздававшийся, как мне по-казалось, надо мной на чердаке, что никак не могло быть. Выйдя из дома, я увидел, что фронтон дома, зашитый досками и обитый рубероидом, объят пламенем, раздуваемым сильным ветром. Я сразу понял, что это «коротнула» электрическая проводка, прохо-дящая по фронтону. Меня пронзил ужас происходящего. Ведь в своих домах факторщики, и я в том чис-ле, всегда хранят самое дорогое: большие суммы магазинной вы-ручки, меха, оружие, дорогостоя-щие товары, документы и пр. Кро-ме того, во второй половине дома жила ненка Ульяна, которая спала в то время со своими двумя малень-кими дочками. Решение пришло мгновенно. Поняв, что в одиночку мне не отстоять дом от пожара, я бросился будить Ульяну с детьми, а после того как они выскочили из дома, стал вытаскивать из своей квартиры оружие, меховой товар, документы. Так бы и сгореть дому напрочь, но тут примчались строи-тели, услышавшие начавший стре-лять от огня шифер на крыше, и заметившие клубы чёрного дыма. В сенях моего дома всегда стояли бочки с питьевой водой, которые в это время, к счастью, были запол-нены до верха. Встав цепочкой, мы

начали передавать вёдра с водой от бочек по лестнице, до горящей крыши и стали заливать огонь. Сверху на нас сыпались хлопья сажи от горевшего рубероида и горячие осколки от шифера, от дыма перехватывало дыхание, и опаляли метавшиеся на ветру языки пламени. Но сила коллектива сломила огненную стихию, и скоро мы погасили пожар. Обгорела только крыша с одной стороны. Закопчённые, мокрые и возбуждённые от борьбы с огнём, мы растеряно стояли у дома, так быстро и счастливо всё кончилось. Надо было снимать стресс. Естественно, с работой в этот день было покончено. Праздничный обед в этот день у строителей, конечно, был полностью за мой счёт. Жена прилетела из Салехарда как раз к вечеру украинской песни, в репертуаре которого в этот раз превалялись мажорные и маршевые песни.

После пекарни строители построили жилой двухквартирный дом. В одной половине получили двухкомнатную квартиру мы с женой, в другой половине – Анна Павловна. Хотя её владение квартирой было чисто номинальным, потому что она оставалась жить со своим мужем в чуме в тундре, и в свои редкие приезды в посёлок на день – два, она останавливалась у своих родственников. Это происходило потому, что дом отапливался обычными дровяными печами, и чтоб жить в нём постоянно, надо было расходовать целую прорву дров, которые в условиях тундры стоили очень дорого. Если за меня за дрова платило предприятие, то простым людям дрова были неподъёмным бременем. Да и с экологической точки зрения это было недопустимо, т.к. привело бы к быстрому уничтожению редких лиственных лесов. В чумах расход дров был несравненно меньше, да и использовались в основном ивовые дрова. Для домов вопрос решался бы централизованным теплоснабжением от газовой котельной, ведь свой ямальский газ был дешевле некуда. Но не был решён вопрос с подводкой газа, связанный с большими затратами.

Кому были нужны в тундре холодные, продуваемые насквозь дома без дров или без центрального отопления. Поэтому, построив ещё один жилой дом, который также никто не стал заселять, строители свернули работы и отбыли на другие объекты строящейся железной дороги. Прощание с «хохлами» было очень трогательное, и в дальнейшем они частенько заезжали к нам, как к своим.

Лето – это время отпусков. И хотя формально факторщикам отпуск не полагался, потому что магазин должен работать круглогодично без перерывов, но, пользуясь тем, что летом работы меньше всего, супруги-продавцы, подменяя друг друга, по одному могли навестить свои семьи на «Большой земле». Вот и моя супруга уехала к семье в Свердловск на пару недель. Обратная она, к моей радости, прилетела с моим другом по предыдущей работе Володей Уфимцевым. С ним приехали два его друга, незнакомые мне. После восторженных взаимных приветствий, небольшой экскурсии по посёлку, и обеда с традиционным мы не в силах выразить радостный восторг от встречи, затеяли игру в футбол двое на двое на поляне перед домом.

Азарт явно превышал мастерство. Мы бестолково бегали друг за другом, сокрушительно сталкиваясь в борьбе за мяч. В один из таких моментов, кто-то применил против Володи силовой приём, наступив ему на ногу, после чего он упал, и схватился за ступню. Вначале мы не придали этому большого значения, думая, что это простой ушиб. Но по сильно побледневшему лицу Володи и вырывающиеся сквозь зубы стоны, мы поняли, что дело серьёзней. Хотя тут же нашёл какой-то знаток – костоправ, уверенно заявивший, что это просто вывих сустава. С энтузиазмом восприняв этот диагноз, мы стали энергично «вправлять» сустав, дёргая и вращая ногу. Тут Володя громко застонал, и, откинувшись навзничь, потерял сознание. Это нас озадачило и ввергло в сомнения в правильности диагноза. Так

как нашатырного спирта у нас не было, мы дали больному понюхать простого спирта, что сразу привело его в чувство. После этого, мы дали спирта ему уже внутрь, для анестезии, туго замотали ему ногу бинтом, и оставили до утра, полагая, что «утро вечера мудреней».

Утром стали держать совет что делать. Нога у Володи болела и стала опухать. Мы уже вдумчиво и тщательно обследовали ногу, с привлечением поселкового фельдшера, и сошлись во мнении, что у него трещина стопы, очевидно, без смещения кости. Конечно, следовало бы вызывать санитарный рейс, и отправлять больного в Салехард в больницу, на чём настаивала фельдшер. Но даже у самого пострадавшего это вызывало бурный протест. Ему было очень досадно так бездарно прерывать свой отпуск в самом начале, лишь только краешком взглянув на северную красоту. Поэтому он решил остаться в посёлке, хотя бы на неделю. Чтобы он мог ходить, мы взяли у строителей алебастр, и, используя его вместо гипса, загипсовали (а точнее, заалебастрили) ему стопу, зафиксировав кость от возможного смещения. Потом мы сколотили ему костыли, и он вполне сносно мог ковылять по посёлку и участвовать в наших экскурсиях. Экскурсии эти были связаны, как правило, с рыбалкой. Мы ездили по реке на моторке, и в понравившихся местах, в протоках и сорах, закидывали и тянули небольшой мой неводок. По озёрам, в окрестностях посёлка мы ездили на Воронке, погрузив на телегу лодку. В межсезонье уловы были небольшие, сугубо любительские. Но ребятам интересно было самим половить северной рыбки и привезти её домой, да и сами они её ели во всех видах «от пуза». Кстати, наше самодеятельное лечение ноги Володи оказалось вполне квалифицированным. Прилетев после отпуска в Екатеринбург, естественно, он показал ногу врачам. Сделанный рентген показал, что стопа всё-таки была сломана, но гипс был так удачно наложен, что кость не была смещена, и они не

стали заменять гипс, а сняли его после того, как срослась кость. Всё прошло без осложнений.

Вообще, в условиях тундры часто приходилось заниматься самолечением. Помимо заушных простуд, которые лечились традиционными народными методами, вспоминаю, как однажды зимой меня стала доставать зубная боль. Несколько дней я терпел, а потом пошёл к фельдшеру Ирине Салиндер, с просьбой удалить болевший коренной зуб. Но она категорически отказалась это делать, из-за боязни осложнений, и настаивала на вызове санитарного рейса. Я прекрасно понимал её опасения, ведь у меня у самого умер брат от заражения крови, после непрофессионального удаления зуба. Но вызывать санрейс из-за зуба, я посчитал унижительным для себя. Тем более, как можно было оставить

жену одну в пик каслания, когда и вдвоём приходилось работать круглосуточно. Поэтому когда боль стала невыносимой, я, дождав-шись, когда жена ушла в магазин, выпил стакан водки, прополоскал в спирте взятые у фельдшера щипцы и принялся за операцию. Сложность была в том, что зуб был самый дальний, и его было сложно надёжно зажать щипцами. Но когда это удалось, порвав губу и десну, я буквально с треском выдрал больной зуб с двумя корнями. И что интересно, боль тут же пошла на убыль. Когда жена пришла из магазина, я сидел с блаженным видом, с окровавленным ртом и справлял тризну по первому потерянному зубу.

Жизнь не стояла на месте. Неожиданно возник спрос на олени рога. За границей они использо-вались как сырьё для изготовле-

ния какого-то шлифовального порошка. Спрос был большой. А у нас рога никак не использовались, только в декоративных целях. На забойках скопились огромные многолетние горы рогов. Поэтому начальство дало нам задание заготавливать рога, установило цены и планы. Вместе с тем частные заготовители, в основном чеченцы, предлагали заготавливать рога для них, установив цену в несколько раз более высокую. Это был реальный заработок, сверх установленного оклада. Работа закипела. Многолетние отходы рогов на забойках быстро исчезли. Оленеводы тоже скоро сообразили свои выгоды от продажи рогов, ведь по цене рога сравнялись с ценой на мясо, но для их продажи не надо было забивать животное. Достаточно было рога спилить, продать, и дожидаться когда отрастут но-

вые. Это новая продукция животноводства вызвала ажиотажный спрос и реальную конкуренцию. Все факторщики и совхозные заготовители включились в погоню за рогами. Конечно, мы сначала выполняли по рогам установленный нашей системой план, а потом гнали рога частникам. И все, начиная от тундровиков, неплохо заработали. Хотя, конечно, они заработали на рогах меньше всех. Ведь на каждой перепродаже цены возрастали, и какая максимальная была цена, знало только наше начальство. Так что классики советской юмористики проявили гениальное предвидение в плане перспективности фирмы «Рога и копыта», правда, только в первой её части, так как спроса на копыта, к сожалению, не обнаружилось.

Шло время. Притуплялась острота восприятия экзотики. Работа стала привычной и обыденной. Люди знакомы и предсказуемы. Но северная природа не переставала удивлять, в иные моменты вызывая ощущения ирреальности происходящего. Наиболее ярко это проявлялось во время полярной ночи, когда разыгрывалось северное сияние. Не раз описанное в художественной литературе это явление общеизвестно. Фантастич-

ность и грандиозность этой игры света завораживают наблюдателя, заставляя его ощущать восторг перед творческими способностями природы.

Но кроме северного сияния, один раз мне пришлось наблюдать во время полярной ночи полёт неопознанного летающего объекта. Первый раз в жизни НЛО мне пришлось наблюдать, когда я служил в армии и стоял на посту в лесу около технической позиции недалеко от Свердловска. Была ясная и тихая ночь. Мороз был около минус 45 градусов. Вдруг в черноте неба я увидел, как мне сначала показалось, ярко освещённое продолговатое облачко. Но потому что оно очень быстро двигалось, я понял, что это не облако, а неопознанный летающий объект, о которых я много слышал. НЛО был в виде тускло мерцающего овала, с ярким пучком света в виде прожектора, направленным из центра овала вниз. Двигался он совершенно бесшумно с юга на север. Ощущались большие высота и скорость его полёта. Наблюдал я его не больше пяти минут. Потом объект рассеялся в темноте ночи. Сменившись с поста, я обменялся своими впечатлениями с сослуживцами, некоторые из которых были также

свидетелями этого явления. В итоге мы сошлись во мнении, что это может быть какой-то секретный и неизвестный нам рукотворный воздухоплавательный объект. Ведь мы служили в ракетной противовоздушной обороне и знали, насколько изошёнными могут быть военные воздушные технические средства. Вот и в Лаборовой, ровно через двадцать лет, я наблюдал похожий объект также тихой морозной ясной ночью. Только в отличие от прежнего, вместо одного яркого пучка света направленного вниз из центра объекта, у него было несколько ярко светящихся точек, расположенных по центру овала. Объект вполне воспринимался как дирижабль со слабо серебрившимся корпусом и светящимися иллюминаторами. Поражала бесшумность, высота и скорость полёта НЛО. Чувствовалась сверхъестественность и таинственность этого явления, от которых мурашки побежали по спине. Через одну – две минуты НЛО также растворился в воздухе. «Глубокая философия на мелких местах» поневоле навевалась наблюдением объяснимого явления природы.

Нельзя не сказать и о печальных событиях постигших меня во время жизни на севере. Так од-

нажды в апреле, во время радио-сеанса связи, радист из Салехарда сказал, что на моё имя пришла телеграмма из Свердловска от матери, в которой говорилось о том, что мой отец в тяжёлом состоянии находится в больнице. Зная, что матушка не будет по пустякам поднимать тревогу, я сразу понял, что дело серьёзное и решил съездить домой. Попросив радиста заказать для меня билет на самолёт, я с ближайшим попутным вертолётном вылетел в Салехард.

Прилетев в Свердловск, я тут же пошёл в больницу. Матушка была у отца в больнице всё время. Отца я застал уже в полубессознательном состоянии. Он не мог двигаться, смотреть и говорить. Однако он ещё понимал обращённые к нему слова, и реагировал на них движениями рук и головы. Он сильно похудел и был абсолютно беспомощен. Было ясно, что развязка близка. С глубокой печалью я смотрел на своего, некогда несокрушимого отца. Сев рядом с ним, и взяв его худую, но всё ещё сильную руку, я стал говорить ему слова прощания. Он понял, что это я, и изредка сильно пожимал мне руку в знак того, что понимает меня. Невозможно было сдерживать слёзы, это было настоящее горе. Но всё равно я благодарен судьбе, что застал его живым, и смог проститься с ним. Через день он умер. Похоронив его, и проведя поминки девятого дня, я улетел в Салехард.

После трёх лет работы на фактории, по окончании контракта жена уволилась и уехала домой. Я же остался дожидаться новой смены продавцов, чтобы сдать товарный подотчёт. Ждать пришлось долго, месяца четыре, до сентября. Всё это время я работал один, торгуя в магазине и занимаясь рыбалкой. Наконец подобралась семейная пара армян, с которыми был заключён контракт. На передачу магазина жена приехала мне на помощь. Но всё равно, сама передача как всегда заняла дней десять и закончилась в середине октября. После сдачи Лаборовой директор Казанцева попросила меня про-

вести забойку оленей на самой северной фактории Тамбей. Это относилось с моими планами, так как после забойки я планировал провести охоту на лосей в Лаборовой. Поэтому в середине октября я простился с женой в Салехарде, посадил её на свердловский самолёт, а сам остался готовиться к поездке в Тамбей. На Тамбее всегда была самая большая торговля и проводились самые большие забойки оленей. В то время на Тамбее работала знакомая мне семейная пара Быковых, родом из Калуги. Моя задача была помочь Быковым организовать забойку, нанять и контролировать работу ненцев – забойщиков, принимать мясо, рога, шкуры.

Наконец подошёл срок вылета. С утра целая бригада грузчиков загрузила огромный вертолёт МИ-6, «шайтан», как мы его называли. Нагруженный под завязку водкой, маслом, сахаром и другими дефицитными продуктами, вертолёт пошёл на взлёт с разбега как самолёт, и натужно грохоча двигателями, с крутым прогибом лопастей винтов, наконец-то оторвался от земли. Со мной летел мой начальник Володя Телушкин.

Прилетели мы в полной темноте. Разгрузились, и пошли ужинать к Быковым. За ужином обговорили все детали взаимодействия по проведению забойки, согласовали тарифы оплаты, условия найма рабочих и приёма продукции. Жить мне Быковы предложили у них в доме, в комнате с отдельным входом. Кормиться они также предложили мне «из общего котла»; в свою очередь, я им предложил оплачивать своё питание. Так и договорились. Володя Телушкин улетел обратно в Салехард, а я остался налаживать дело. Стада оленей ещё не подошли к Тамбею, поэтому было время подготовить кораль и склады, наладить наружное электроосвещение забойного пункта, чем я и занялся.

Стада подошли в середине ноября и началась страда. Забойку проводили сами пастухи – ненцы, нанятые нами по договору подряда. Что и говорить, картина за-

бойки малоэстетична, если вообще можно говорить о какой-либо эстетике. Уверенно можно говорить только о виртуозности работы забойщиков. Годами отточенное мастерство зловещего убойного ремесла диктовалось необходимостью этой работы для жизни человека, тем более человека тундры и потому не требовало оправдания. «Небось картошку так все мы уважаем, когда с салцом её намать» – пел когда-то Высоцкий.

В условиях полярной ночи, работа проходила при скудном электрическом освещении. Целыми днями я находился на забойке, организовывая работу. Другая моя задача заключалась в заготовке рогов. По началу на этой почве у меня с ненцами происходили постоянные стычки. Выше я уже говорил о ценности рогов. Но раньше их бросали, и ненцы привыкли относиться к ним как к своей добыче. Наиболее красивые рога они выгодно продавали строителям и газовикам, и не хотели терять свой дополнительный приработок. Приходилось объяснять им, что потребсоюз покупает у совхоза оленя целиком со всеми его атрибутами, и рога это уже собственность заготовителя, и на них для меня установлен план. Демонстрируя непоколебимую начальственную волю, свидетельствующую о законности действий, я без разговоров забирал найденные, спрятанные в разных углах забойки рога и, разрубив их на части, складывал в свой мешок. Препятствовать мне не решались. Но вскоре я стал замечать, что следующие стада стали приходить из тундры к коралю всё более безрогие. Так ненцы, со свойственной им мудростью избегая открытого противодействия, решали в свою пользу этот конфликт, отпиливая рога у оленей ещё в тундре. Тут я был бессилён что либо сделать, да особенно и не пытался. «Не пойман, не вор». Тундровики мне в глубине души всегда были близки, а свой служебный долг я вполне честно отработывал на забойке.

Север есть север. То налетал буран, и работа прекращалась на пару-тройку дней. Я целыми дня-

ми валялся на постели в своей комнатухе и под завывания ветра читал. Когда устанавливалась тихая погода, иногда долго приходилось ждать подгона следующего стада, и мы снова простаивали. В целом, со всеми проволочками, забойка продолжалась около полутора месяцев, практически до Нового года. С приближением окончания декабря интенсивность работ увеличилась, так как всем хотелось быстрее разделаться с работой и встречать Новый год в родных чумах и квартирах в кругу семьи. Наконец 26 декабря ненцы получили окончательный расчёт. В конторе я за день отчитался за денежный и товарный подотчёт и по выполнению плана заготовок, получил зарплату, премию и 29 декабря вылетел в Свердловск на праздники. Вернуться обратно в Салехард, я планировал числа десятого января, чтобы провести промысел лосей.

Что и говорить, приятно после долгой разлуки, встретиться с родной семьёй. Тем более приятно возвращаться после выполнения большой и ответственной работы с чувством выполненного долга и с большими деньгами. Чувствуешь себя настоящим добытчиком и кормильцем. Дома меня встречали жена, обе дочери и матушка. Все, слава Богу, были здоровы. Даже матушка хоть и не совсем уверенно, но всё-таки сама ходила. В её глазах, помимо тихой радости, я видел огромную усталость и облегчение. Начались предпраздничные хлопоты. Первого января матушка несколько раз вставала и разговаривала с нами. Вечером я позвал её к ужину. Она вышла из своей комнаты и с трудом прошла на кухню, придерживаясь за стенку. Отчётливо помню чувство острой жалости к ней, которое вдруг кольнуло меня. Мне вдруг стало видно, какая она уже старая и немощная. Если при нашей встрече радостное возбуждение придавало ей силы, то сейчас она разом сникла. Безысходность и тяжёлое предчувствие чего-то рокового, что должно скоро произойти, наполнили меня. Пройдя к столу,

матушка села на стул, замерла, закрыла глаза, и вдруг, с громким стоном, стала медленно валиться со стула. Я подхватил её, и понял, что всё кончено. Я перенёс её на диван и стал вызывать «скорую помощь». Вскоро приехавшие врачи констатировали смерть, как потом оказалось, от обширного инфаркта миокарда.

И тогда, и сейчас, вспоминая матушкину кончину, я поражаюсь её силе воли, которая была всегда ей свойственна в жизни и так мощно проявилась в её конце. Исключительно силой воли она выполнила всё, к чему стремилась. Она дождалась меня, она позволила нам радостно встретиться и встретить Новый год. Со свойственной ей деликатностью не причинять собой хлопот никому в жизни, она не позволила и своей смертью омрачить праздники. Однако, зная, что скоро я снова должен был уезжать, она как бы сама запрограммировала дату своей смерти, чтобы умереть пока я не уехал и мы все вместе. Это было наивысшее проявление всемогущества таинственного духа, способного диктовать свою волю физическому телу. Можно только представить, сколько душевных и физических страданий стоило ей поддержание своей жизни, чтобы до конца выполнить поставленную перед собой задачу и совершить свой последний материнский подвиг. Царствие ей небесное!

Так же как и в случае с отцом, я похоронил её, и, проведя 9-ти дневные поминки, числа 10-го января вылетел в Салехард.

Приехав в контору, я узнал, что лицензий на лосей пока не было, надо было подождать. Стал потихоньку готовиться к промыслу. В первую очередь надо было получить новый снегоход, специально оставленный для меня на базе в Лабитнангах. Печально было возвращаться на родную фабрику, которая уже стала не твоя. Мой последователь, новый заготовитель рассказал, как он поймал воришек, повадившихся лазить в склад, выдернув гвозди из одной доски стены. Это были подростки

из ближних чумов. Воровать они начали ещё у меня, но летом они не оставляли следов. Брали они помалу, из разных ящиков и мешков, чтобы недостача не бросалась сразу в глаза. Я изредка обращал внимание на нехватку кое-каких продуктов и водки, но относил это на салехардских грузчиков. Хорошо, что мне хватило толку не подымать шуму, и не обидеть невинных людей. Воришки попались потому, что оставили на снегу следы. Догадавшийся продавец устроил в складе засаду и взял воров с поличным. Следствие было долгим, в результате пацанам дали условный срок без материального возмещения за похищенное.

На фактории я застал обеспокоенных продавцов, которым по рации сообщили о внезапной денежной реформе, затеянной правительством. Это сулило большие денежные потери, тем, кто имел накопления, поэтому народ заволновался. Но кроме этого меня ждало другое разочарование. Телушкин по рации сообщил, что обещанные нашему предприятию лицензии на лосей, вдруг куда-то исчезли. Возможно, их отдали каким-нибудь начальникам или они ушли за валюту иностранным охотничьим туристам, но факт тот, что они нам не достались. Промысел был сорван. Мы с Володей были удручены. Моё пребывание в Лаборовой теряло смысл. Поэтому я продал «Буран» своему сменщику и уехал в Салехард. Там в течение дня уволился, провёл прощальную вечеринку и улетел домой. Так закончилась моя северная одиссея. Послесловие

Через некоторое время после отъезда с севера я узнал о гибели своего бывшего начальника Володи Телушкина. Зимой они втроём поехали на гусеничном вездеходе на фабрику Ярано, расположенную у Байдарацкой губы. По дороге в тундре у них сломался двигатель, и началась метель. Местность была безлюдной, и им пришлось ночевать в тесном кузове вездехода. Чтобы не замёрзнуть, они обогривались паяльной лампой и все задохнулись угарным газом. Так и

нашли их замороженные тела в кузове. Как это могло случиться, ведь все они были бывалые полярники, хорошо знающие все северные опасности. Наверное, опять не обошлось без традиционной российской причины, ведь север не прощает небрежности и ежегодно собирает дань обильными человеческими жертвами. Тем не менее, ребят, а особенно Володю, оставившего вдову и двух малолетних сыновей – погодков, очень жалко.

Начались экономические реформы, государство перестало сдерживать цены на товары и они взлетели на фантастическую высоту, сразу обесценив у людей все денежные накопления, которые остались после денежной реформы. Вот и у нас с женой все деньги, заработанные на севере, в одноча-

сье превратились в прах. Но нас с женой это мало расстроило. У нас никогда не было много денег, мы умели довольствоваться малым, и свалившиеся на нас северное «богатство» только досаждало нам возможностью его потери и необходимостью поиска его лучшего применения и сохранения. И когда деньги обесценились, лично я испытал своеобразное облегчение, потому что жизнь опять приобрела привычный смысл. Надо было снова впрягаться, чтобы кормить семью, надо было снова искать новых заработков, надо было бороться за выживание. Но северная эпопея не прошла даром. Она стала самым ярким впечатлением всей нашей жизни. Знакомство с необычными людьми, их самобытная жизнь, северная грандиозная

природа, необычайные приключения, навсегда запечатлелись в нашей памяти. Всё это в полной мере воплощало романтические представления, полученные из книг наших отечественных писателей-путешественников, и наполняло сердце восхищением и любовью к нашей многообразной и неисчерпаемой Родине - России. Вместе с тем это было серьёзное жизненное испытание, проверка на стойкость. Пройдя это испытание, мы с женой поняли, кто чего стоит, прониклись друг к другу взаимным уважением и не о чем не жалели. Я считаю, что у каждого поколения, у каждой семьи, у каждого человека должен быть свой Север, чтобы они знали цену и себе, и людям, знали цену тяжкому труду и маленьким радостям жизни.

Пройди мимо своего шанса

Если бы заголовок был другим, скажем, «НЕ пройди мимо своего шанса», я бы точно прошел мимо.

В объявлении было:

Тебе есть, что мне рассказать?

Приходи, я послушаю.

Малая морская 7, кондитерская «Буше», дальний столик у окна.

С двух до четырех каждый день, кроме воскресенья и понедельника.

А. Похлебин

P.S. Если мне понравится, я подарю тебе свою книгу.

P.P.S. Для девушек ограничение по времени.

Я сорвал листок со стены и, не складывая, сунул в карман куртки. Оглядел обе стороны пустого коридора. Подумал: «Вот так вот, наверное, и воруют». Посмотрел на часы - 14 часов 22 минуты ленинградского времени. Подумал: «От института до метро пять минут, от «Техноложки» до «Гостиного двора» - десять, еще минут пятнадцать на маршрутке, так что, если повезет, в кондитерской «Буше» я буду к трем...» и побежал.

***

14 часов 31 минута. Я стоял на одной ноге в плотно набитом вагоне метро. Кто-то тяжелый и длинный навалился сзади, я выбрался из-под него и протиснулся к дверям. В голове замигала красная лампочка: «Что я ему расскажу? Я расскажу Похлебину что?»

Я вспомнил, как в последний раз был в Москве, и на станции метро «Арбатская» мне встретился Курехин. Самый настоящий, живой, Сергей Курехин в кожаной куртке с меховым воротником. Я тут же развернулся и пошел за ним, но возле самого эскалатора остановился и подумал: «Зачем это все? Что я скажу ему? Попрошу автограф? Пожму руку? Спрошу, как мне жить дальше?» Я стоял и смотрел, как кожаная куртка с меховым воротником медленно уплывает вверх, потом меня пихнули в спину, я обернулся, а когда снова я посмотрел на эскалатор, Курехина там уже не было.

«Теперь все будет не так..., - думал я, - это шанс, увидеть, поговорить с великим..., нет, пусть не с великим, но уж с известным человеком-то точно, моим кумиром... И я его, этот шанс, использую, какого бы стыда мне это ни стоило... Но, все-таки, что я ему расскажу?»

14 часов 46 минут. К моменту моего выхода на поверхность этот вопрос от многократного повторения потерял всякий смысл, но ответа на него все равно не было. Не-бы-ло.

«Я просто посмотрю на него. - Подумал я малодушно. - Из окна посмотрю и все. Или зайду внутрь, возьму «американо» и какой-нибудь торт, сяду у окна ближе к выходу...»

В маршрутке мест не было, и я ехал стоя, для устойчивости упираясь холкой в потолок. Полная гражданка, которую я нечаянно задел тубусом, обозвала меня Годзиллой.

- У кондитерской «Буше», - крикнул я водителю и не узнал свой голос.

15 часов 04 минуты. Маршрутка остановилась прямо напротив дверей кондитерской. Я вылез, посмотрел на окна и в самом крайнем увидел его.

Он был в надвинутой на одну бровь шляпе и с трубкой в зубах. Ровно таким он смотрел на меня с оборота любой из его книг.

Я вошел внутрь и двинулся к стойке. Некая чудовищная сила стремилась повернуть мою голову направо, к его столику. Но я справился. Дошел до стойки, не взглянув туда.

- Пожалуйста, «американо» и чизкейк, - сказал я девушке за стойкой.

Девушка постучала пальчиками по клавиатуре кассового аппарата.

- С вас пятьдесят четыре семьдесят.

Я протянул ей полтинник и пять рублей мелочью.

- Присаживайтесь, я вас позову, - сказала девушка и отвернулась.

Теперь я имел полное право посмотреть. Медленно повернул голову и на секунду встретился с ним взглядом. «Хорошо, что у меня в руках не было подноса, - подумал я, - а то бы обязательно выронил».

Кетат Владислав Владимирович.

Родился 22 ноября 1974 года в городе Калининграде Московской области (ныне Королев) в семье военного. В 1998 году окончил МГТУ им. Н.Э. Баумана. С 1998 по 2005 год преподавал в МГТУ им. Н.Э. Баумана и Московском Государственном открытом университете, кандидат наук. Литературной деятельностью занялся в 2003 году. С 2005 года работает в коммерческой фирме по строительству систем технологической связи.

Свободный столик был всего один, следующий за похлебинским. Я пошел к нему, боковым зрением пытаюсь разобрать, кто же там у него сидит. Куртку и рюкзак положил на один стул, тубус на второй, а сам сел на третий, лицом к Похлебину.

Похлебин говорил с девицей, со спины понятно, что толстой. Точнее, говорила она, он молчал. Лица я его не видел, из-за огромной, похожей на шапку британского гвардейца девичьей шевелюры мне была видна только его шляпа.

- ...сначала он звонил мне каждый день, по несколько раз, узнать, как я там, - доносилось до меня, - потом реже, где-то раз в два дня, а после вообще перестал звонить...

«Боже, как он это все слушает», - подумал я.

- ...я ждала его четыре месяца, потому что мы с ним познакомились четвертого апреля девяносто четвертого года, потом еще четыре, но он не вернулся. А через год, седьмого мая девяносто седьмого я встретила Виктора, и мы сразу поженились. Конечно, не в тот же день, прошло три месяца, но что такое три месяца! Ерунда, так что можно считать, что сразу. До сих пор живем...

- «Американо» и чизкейк! – послышалось со стойки.

Я встал, забрал поднос с заказом и медленно пошел обратно. Когда я приблизился к своему столику, девицы уже не было. Похлебин сидел один. Перед ним стояло несколько пустых чашек, рядом лежала книга, на ней кожаные перчатки.

Я поднял глаза на Похлебину.

- Вы ко мне? – спросил он, как мне показалось, устало.

- К вам, Андрей Васильевич, - выдавил я, - можно?

Он рукой пригласил меня к столу. Вышло это у него весьма изящно, будто мы не в кондитерской были, а на балу.

Я поставил поднос на свободный участок стола и осторожно приземлился на краешек теплого после толстушки стула.

- Вы курите? – спросил Похлебин.

Я кивнул.

- Не считайте за нахальство, угостите сигареткой... видите ли, я табак дома забыл. – Похлебин улыбнулся.

Я достал из кармана «Золотую Яву». Открыл. Внутри оказалось две сигареты.

- Покурим? – усмехнулся Похлебин и вынул одну.

Я достал вторую и скомкал пустую пачку. Похлебин дал мне прикурить от загнутой трубочной зажигалки и прикурил сам. Я затянулся. Выпустил дым вниз, в просвет между столом и собственным пузом.

- Знаете, Андрей Васильевич, - начал я, не глядя на него, - на самом деле...

- Не надо, - перебил он, - все и так понятно.

Похлебин выдохнул дымом и прикрыл глаза.

- Я очень устал от всех этих историй, - сказал он, - у всех одно и то же. Либо сопли, либо дешевая мистика. Пришельцы. Приведения. Духи умерших предков. Параллельные миры из кухонных окон. Я устал...

Дымок от его сигареты тянулся вверх, где расплылся почти что ядерным грибом. Мне показалось, что

Похлебин говорит и ведет себя совершенно естественно, как по-настоящему усталый человек, по крайней мере, у меня не возникло подозрений в его неискренности. Меньше всего это было похоже на наигрыш.

- Извините, тогда зачем все это? – немного осмелев, спросил я.

Похлебин слегка дернулся, будто я его разбудил.

- Извините, не понял. Что, все?

Я полез в карман куртки и достал оттуда мятый листок с объявлением. Протянул его через стол Похлебину.

- Ах, это..., - Похлебин виновато улыбнулся, - так, неудавшийся эксперимент. Хотел попробовать метод Трумэна Капоте, да все прахом... никогда бы не подумал, что в Питере столько неуравновешенных девиц с завышенной самооценкой.

Похлебин еще раз улыбнулся. Вышло это у него довольно мило и даже, я бы сказал, беззащитно. Я улыбнулся ему в ответ.

- Давайте лучше я расскажу вам свою историю. – Вдруг сказал он. - Хотите?

Я кивнул.

- Тогда для начала: Андрей, - Похлебин протянул мне бледную, цвета мороженой курицы, ладонь.

- Валентин, - я привстал и легонько сдавил холодную кисть.

Положение мое из стыдного вдруг превратилось в непонятное. Меня бы следовало изгнать с позором, ан нет, наоборот, оставили и предлагают выслушать. Меня – студента второго курса технологического института, и кто – Андрей Похлебин, известный на всю страну писатель. Это, конечно, лестно, но уж как-то подозрительно...

- Итак, Валентин, рассказать я хотел вот о чем, - начал Похлебин, – в детстве, когда я только начинал знакомиться с мировым литературным наследием, меня почему-то очень занимал вопрос о принципе повествования в книгах.

- В смысле, от чьего оно лица? – вставил я.

- Именно. Как известно, повествование может вестись либо, как говорил мой дед, от лица «божьего», то есть, третьего, либо от лица героя, то есть, первого. Со вторым случаем мне все понятно – человек якобы описывает то, что случилось с ним в прошлом – а вот с первым, не очень. «Откуда он знает, что сделал или подумал другой человек, когда рядом никого не было?» – этот вопрос изводил меня. Это даже стало своего рода манией. Помнится, я до истерики замучил им нашу «русичку». Ответ, как вы понимаете, оказался прост: он, писатель, все придумал, от начала и до конца. Другими словами, того, что написано в его книге, в реальности никогда не происходило.

Похлебин раздавил окурочек в блюдце.

- Прошло много лет, пока я не понял, что тут не все так прозрачно... Тогда я уже знал, что писатель не только придумывает, но и подсматривает, подслушивает, заимствует, одним словом, свои сюжеты, но то, что некоторым из писателей удается посмотреть на мир глазами других людей, мне рассказал один приятель, переводчик по образованию.

Разумеется, сначала я ему не поверил. Я же по образованию инженер – механик, верю в Дарвина, я – материалист, в конце концов. Кроме того, доводы моего приятеля были беспомощны: «на одном воображении и плагиате далеко не уедешь», – говорил он мне, – просто тем, кто несет печатное слово, бывает кое-что позволено, чего другим и не снилось. И нам с тобой тоже». Я знал, что мой приятель пытался писать, и поэтому можно было предположить, что он попросту завидует... Но прошло время и мне пришлось ему поверить. На собственном опыте убедился, так сказать...

Похлебин сухо закашлялся в кулак.

- Извините, Андрей Васильевич, – осторожно спросил я, когда его отпустило, – а что значит: «посмотреть на мир глазами других людей»?

- То и значит. – Покрасневший после кашля Похлебин развел руками. – Вы как будто в другого человека влезаете и его глазами смотрите.

Он посмотрел мне в глаза и снова беззащитно улыбнулся.

- Похоже, молодой человек, вы мне не верите.

- Вы знаете, не верю, – сказал я и испугался.

- Это нормально. Мне никто не верит. Но это – чистая правда. Кстати, вы никогда не чувствовали, что у вас внутри кто-то есть?

- Извините?

- Я в том смысле, не казалось ли вам, что вас кто-то подслушивает, когда вы думаете? Это как чувствовать, что вы не один, когда вокруг никого нет.

Я задумался. Если бы меня об этом спросил кто-то другой, я бы, наверное, послал его куда подальше, но тут... На самом деле, у меня был один случай, когда мне было очень стыдно за свои мысли, но не потому, что они были настолько низкими, или еще чего, просто мне вдруг показалось, что кто-то меня слышит, пока я думаю. Я тогда испытал очень необычное и весьма неприятное ощущение, но об этом случае добросовестно забыл. А вот теперь вспомнил.

- Что, было? – Похлебин оживился, – По глазам вижу, что было!

Я несколько напрягся, но тут же размяк.

- Было, – сказал я, – мы тогда с моей девушкой поссорились. Несколько дней не разговаривали, и в один из таких дней я подумал о ней, и мне показалось, вернее я почувствовал, что она меня слышит. Да, именно слышит.

Похлебин резко посерьезнел.

- Вы потом говорили со своей девушкой об этом? – спросил он.

- Не помню, кажется, нет.

- А теперь можете спросить?

- Нет, что вы! Тогда мы помирились, но потом снова расстались. Я ее уже год не видел.

- А телефон ее у вас есть? – не унимался Похлебин.

- Вы хотите, чтобы я ей позвонил? И что я у нее спрошу?

- Попросите ее рассказать о том случае, спросите, действительно ли она вас «подслушала».

На секунду я подумал, что это шутка, но, посмотрев Похлебину в глаза, понял: ни фиги это не шутка. Со всем наоборот, серьезнее некуда. Придется звонить.

Я достал из кармана телефон и стал листать записную книжку, соображая, на какую букву она может у меня быть записана.

- Вот, нашел: «Svetka Ru», это она и есть, Румянцева Света. – Сказал я, и добавил: – Моя бывшая.

- Ну, так чего ждешь, набирай скорее! – почти заорал Похлебин.

Я нажал на зеленую кнопку и приложил телефон к уху. На Похлебину не смотрел – было стыдно. Пока шли гудки, я чувствовал, как краснею.

- Ало, – сказала трубка, – ало, я слушаю.

- Свет, – сказал я, – здравствуй.

- Привет, а кто это?

- Свет, это я, Валя. Валентин.

В трубке повисло цифровое молчание. Я подумал, что она не хочет со мной говорить и сейчас отключится. Такой исход избавил бы меня от объяснений – что с нее возьмешь, не хочет разговаривать и все. Для верности я сказал пару раз: «Ало-ало», но тут трубка неожиданно ожила:

- Привет, Валя, я в лифте была – не слышно ничего – теперь вышла. Что случилось?

- Ничего не случилось. Я просто спросить хотел...

- Спрашивай.

Я глубоко вдохнул, закрыл глаза и представил Светкино лицо.

- Помнишь, тем летом мы с тобой поссорились и где-то неделю не разговаривали?

- Две недели.

- Что?

- Я говорю, мы не разговаривали тогда две недели, – сообщила Светка.

- Хорошо, пусть две недели, – согласился я, – ты случайно не помнишь, за эти две недели у тебя ничего такого не происходило?

- Я ни с кем не встречалась, я же тебе говорила...

- Свет, я не об этом... понимаешь, я тут вспоминал то время, и мне показалось... как-то раз вечером, когда я был совсем один, я почувствовал... что ты у меня в голове, в смысле, что ты слышишь, о чем я думаю...

Я глубоко вдохнул, выдохнул и посмотрел на Похлебину. Тот одобритительно кивнул и показал мне отогнутый большой палец.

- Было дело, – сказала Светка спокойно, – где-то числа двадцатого июня, или двадцать первого. Извини, не знаю, что на меня тогда нашло.

Честно сказать, я был несколько ошарашен ее признанием.

- Свет, а ты помнишь, что... ну...

- Что я у тебя подсмотрела? Помню, конечно. Ты думал о сексе, и, как мне показалось, со мной... уж не знаю, Валя, чем ты тогда занимался...

Мне стало так неприятно, что захотелось бросить трубку и уйти отсюда подальше. Похлебин, видимо, уловил мое настроение и показал жестом, что надо держаться.

- Свет, извини, а каким образом?

- А ты что, забыл? Я тебя как-то раз даже научить пыталась, а ты еще выпендриваться начал. Помнишь? «На хрена мне твои гляделки?» Помнишь?

И я вспомнил. Вспомнил, как Светка мне пыталась объяснить, как это надо делать. Что надо сесть напротив другого человека и смотреть ему в левый глаз, не отрываясь.

- Ну, и он тебе, соответственно, тоже в левый глаз смотрит, - говорила она, - пять минут смотрит, десять, у вас уже слезы текут, а потом – бац – и вы вдруг вместо того человека напротив видишь самого себя. В первый раз это очень страшно.

Мы сидели с ней голые на ковре, в квартире ее родителей и пили «Балтику». Из колонок дудел Светкин любимый «De Phazz». Разумеется, я тогда не поверил ни одному ее слову, но все же пару раз поддался на уговоры и поиграл с ней в эти самые «гляделки».

- Вот тогда я и протоптала к тебе дорожку, - сказала Светка в трубку, - извини, конечно...

- Понятно, - ответил я, хотя мне очень многое было непонятно.

Наступила пауза. Я слышал, как Светка дышит в трубку.

- Валь, ты что, хочешь со мной помириться? – вдруг спросила она.

Ее вопрос поставил меня в тупик. Мириться я с ней не хотел, даже не думал об этом. Но раз пошла такая пьянка...

- Я просто подумал... ты понимаешь..., - начал я.

- Я тоже о тебе думала, - не дала мне опомниться Светка, - вчера. Может, встретимся, поговорим? У тебя сегодня вечером что?

- В общем, ничего, я все задвинул.

- Тогда в пять, где всегда. Окай?

- Хорошо. В пять, где всегда.

- Ну все, пока, мне уже бежать надо.

- Пока, Свет...

И тут я понял, что уже давно смотрю Похлебину в глаза, точнее, в его левый глаз, а он, смотрит в мой. Я хотел, было, отвести взгляд, но у меня ничего не вышло, мои глаза что-то удерживало смотрящими в одну точку. И я смотрел, смотрел и смотрел в серый с зелеными прожилками похлебинский глаз, пока вместо него ни увидел свой, карий, за окуляром очков.

«Господи, какие же у меня заляпанные очки», - подумал я, и моя рука полезла в карман за платком. Тут вместо себя самого я увидел какую-то мрачную комнату со старой мебелью, огромную пыльную люстру под потолком, в которой горела только одна лампочка, перекошенную на один бок пальму в деревянной кадке, и, лежащую на низкой кровати седую женщину. Женщина спала. Она по самый подбородок была накрыта одеялом в несвежем на вид пододеяльнике, так что мне было видно только ее лицо. Одеяло периодически немного поднималось и опускалась. Я втянул носом воздух и остро почувствовал запах лежачего больного, но тут все исчезло.

- Хваткая девица, - громко сказал Похлебин, - времени даром не теряет. – Валентин, вы о чем-то задумались?

Я тряхнул головой, но только что увиденные образы не желали просто так убираться оттуда. Я тряхнул головой посильнее, так, что слетели очки. В этот миг все вернулось обратно: интерьер кондитерской, мой под-

нос с чашкой кофе и недоеденным чизкейком и запах табачного дыма, разве что где-то сверху еще болтался призрак пыльной люстры. Я еще раз тряхнул головой.

Когда с видениями было покончено, я нацепил очки обратно (по счастью, они упали в салфетки и не разбились) и сфокусировал взгляд на Похлебине. Он улыбался какой-то странной, нехорошей улыбкой.

- Что ж, мне пора домой. Вот вам книга на память, - Похлебин протянул мне томик «Мастерской Иакова».

Я взял несколько раз прочитанную мной книгу и с хрустом раскрыл ее на первой странице. Прочитал: «Валентину от автора с наилучшими пожеланиями», и размашистая подпись: «А. Похлебин».

Похлебин не спеша поднялся, застегнул пальто. Я тоже встал.

- Прощайте, Валентин, - сказал он, но руки не подал, - приятно было поговорить.

- Взаимно, Андрей Васильевич, - ответил я на автомате, - спасибо за книгу, теперь все лопнут от зависти.

- Не за что, - Похлебин приложил два пальца к шляпе, - адиос, амиго!

Он вышел из-за стола и направился к выходу. Около стойки раскланялся с официантками. Я проводил его взглядом до двери, затем быстрым шагом пошел за ним. Похлебин вышел на Малую Морскую и повернул в сторону Невского.

- Это была ваша мать? – крикнул я ему вслед, но он даже не обернулся.

***

С того времени прошло три месяца. Позавчера я закрыл сессию и теперь загораю на балконе топлесс. Пива у меня еще две бутылки в холодильнике и одна початая в руке.

Мои новые отношения со Светкой продержались всего неделю – видимо, верно то, что разбитую чашку нельзя склеить. В настоящее время я совершенно один, чему, если честно, я даже рад.

«Мастерскую Иакова» я с тех пор так ни разу и не открыл. Подарил ее на день рождения одной моей знакомой, фанатке Похлебина. Радости было полные штаны. Сам же я неожиданно не только потерял к его произведениям всякий интерес, но даже стал испытывать ко всему, что с ним связано, физическое отвращение. Все его книги, какие были в доме, раздал знакомым – выкинуть на помойку рука не поднялась.

Теперь о главном. Через неделю после той встречи в кондитерской я заметил, что меня «подслушивают». Это действительно было похоже с ощущением, когда находишься один в пустой квартире, а кажется, что рядом кто-то есть. Потом, еще через неделю, это повторилось и с тех пор стало происходить регулярно раза два – три в неделю. Оно влетает в мою голову внезапно, словно ветер, сидит там минут пятнадцать и также внезапно исчезает.

Сегодня оно уже у меня было. Утром, часов в десять.

***

Одного не понимаю, зачем ему это нужно.

Точка отсчёта

(рассказ – победитель конкурса короткого рассказа на фестивале «Аэлита-2009»)

Оказавшись на месте, я огляделась.
–Эй, встала тут, а ну дай пройти!–Бабища в необъятном клетчатом пальто с неприятно разглядывала меня. Я посторонилась. Плотный людской поток ринулся вниз. Мигнули и ярче разгорелись электрические лампочки, скрипнул эскалатор–всё зашумело и зашумело.
Снизу дуло прохладой и креозотом: вот-вот прибурдет состав. Толпа сузилась. Люди нервничали, боялись опоздать, неслись вперед, не разбирая дороги, не замечали, что в спешке проходят друг сквозь друга.
Сойдя с движущихся ступеней, я почувствовала лёгкое прикосновение к руке.
–Я потерялась,–девочка смотрела на меня снизу вверх.
Веснушчатая, курносая, маленькая и некрасивая. В пушистой, белой вязаной шапке и синем пальто с огромной брошкой в виде бабочки, ребёнок казался чуждой деталью в этом метрополитеновском паззле.
Она повторила:
–Я потерялась.
Беспомощно мазнув взглядом по сосредоточенно-отрешённым лицам, я присела перед девочкой на корточки.
–Давно ты?...–голос утонул в приближающемся гуле. Недовольные пассажиры, ругаясь сквозь зубы, спешили к составу.
–...засмотрелась на оленя, а она вошла в вагон. Наверное... отпустила руку,–её слова выныривали из метрополитеновского шума.
–Какого оленя?–вопрос выскочил прежде, чем я успела подумать, что «она» должно быть мать.
–Вон того,–девочка показала куда-то позади меня.
Не вставая, я обернулась. В конце платформы на мраморном постаменте стояла чаша из змеевика.
–Не видишь?–разочарованно протянула девочка.–Вон,–её пальчик указал на серый мрамор.–Там рисунок.

Я прищурилась. Прожилки камня сложились в хорошо обрисованный контур оленя. Ветвистые рога уходили вверх, достигая основания чаши.
С мягким шипением закрылись двери состава. Одинаковые лица смотрели на нас сквозь стекло с надписью «не прислоняться». В их глазах плескалось довольство–они успели, и превосходство–мы-то остались.
–Буду ждать,–девочка всхлинула и вытерла нос рукавом.
Чуть улыбнувшись–таким забавным был её жест, я достала из кармана платок.
–Знаешь что,–я повернула девочку к себе,–постой вон там,–кинула на чашу,–рядом с оленем и никуда не уходи, идёт?
Она посмотрела на чашу, перевела взгляд на меня. На всякий случай я повторила:
–И ни шагу оттуда, договорились? Если найду твою маму, вернись. Хорошо? Ну, беги.
Девочка отошла на несколько шагов, обернулась, затем быстро побежала. Умница. Надеюсь, она не обратила внимания на моё «если».
Обогнув колонну, я села на скамейку.
Таймер на запястье пикнул. Значит, я здесь уже семь минут.
Часы над тоннелем мигнули–одиннадцать ноль три. Взрыв произойдёт в одиннадцать двадцать. Нужно спешить.
На экран карманного ПК я вывела текст стандартного отчёта: «На месте», нажала «Отправить». Усмехнулась–забавно должно быть получать мейлы из прошлого.
Мир вокруг с каждой секундой становился всё более материальным. Цвета, запахи, звуки обретали яркость и насыщенность.
Партия вновь прибывших пассажиров рвалась к выходу, другая–от эскалатора к составу. На скамейку плюхнулся бомж и, не обращая на меня никакого внимания, принялся рыться в вонючей сумке.

Анна Вячеславовна Сырцова родилась в 1982 году, живёт в Екатеринбурге. Окончила Уральский Государственный Горный Университет. По специальности Экономист – управляющий предприятием (горной промышленности), работает по специальности.
С 2007 года активно участвует в литературных Интернет-конкурсах, где рассказы автора неоднократно выходили в финалы.
Пишет фантастику, сказки, фэнтези. Отдаёт предпочтение малой форме.

На всякий случай, я вывела фото объекта «обоями» на крошечную плазму КПК: серые глаза, густая русая чёлка, пухлые губы, чуть ниже левой брови родинка. Найду.

Вытащив из кобуры легкий лазер, я проверила мощность—на пятьдесят восемь килограммов объекта должно хватить с избытком. А там никто не будет разбираться отчего скончалась женщина, оказавшаяся в неудачное время, в неудачном месте. Либо вскрытия делать не будет в связи с отсутствием тела (если окажется в эпицентре), или заметят крошечную точку на горле, чуть сбоку от сонной артерии—подумаешь, комар укусил. И уж тем более не будет большой разницы: погибла она до взрыва, во время или после. Спасать будут выживших. СМИ же будет заботить кто именно из группировок возьмёт на себя ответственность за теракт.

Я поёжилась: рассуждаю, как хладнокровный киллер, а у самой трясутся руки, когда нажимаю на курок. А вся ирония заключается в том, что во время убийства—они давным-давно мертвы. В моей реальности, ушедшей от их мира на время, а может и пространство, вперёд.

Интересно, а смогла бы я...

—Саша?—незнакомый баритон застал меня врасплох.

За четыре года моей работы в ОВР—отделе вневременных решений—я ни разу не слышала об агентах встретивших в прошлом знакомых или родственников. Не то, чтобы это было в принципе невозможным, но практически невероятным. Угроза «срыва» агента возрастает в разы—кто не захочет исправить ошибки прошлого?

Сотрудники ОПВ—отдела просчёта всех возможных вероятностей—с точностью до долей секунд и вероятностью в девяносто девять процентов просчитывают все ходы вероятного будущего при изменении вероятного прошлого. Пуанкаре был прав считая, что «небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении», но он тут же добавлял—«любое предсказание становится невозможным». Мы же продвинулись гораздо дальше и вторая часть его утверждения в моём «сегодня» не актуальна.

Поэтому я несказанно удивилась уже тому факту, что здесь меня кто-то узнал—это могло означать одно: в ОПВ ошиблись, а это, в свою очередь, было на грани фантастики.

—Эй,—тёплая ладонь легла на моё плечо.—Ты как-то странно выглядишь...

Я подняла глаза и сразу узнала его: светлые глаза, растрепанные волосы, россыпь веснушек на носу—на парах всегда садился на третью-четвертую парту и, делая вид, что внимательно слушает, просто засыпал, прикрывшись плоским кейсом.

Странно выгляжу?! Ещё бы—старше на семь лет!

Серёжа или Слава, а может Саша? Нет, точно не Саша, я бы запомнила тёзку. Но имя было явно на «с».

—Что ты здесь делаешь? Прогуливаешь?—он весело кинул кейс на скамейку и плюхнулся рядом.

Таймер вновь пикнул, отсчитав очередные семь минут.

—Э-э... Серёжа, привет,—наконец выдавила я из себя.

Он странно посмотрел на меня, вытянул губы трубочкой и протянул характерным голосом из какой-то старой, но ужасно прилипчивой рекламы:

—Серё-ёжа... так меня еще никто не называл.

Стас! Ё-моё!

—Извини, голова просто болит,—я почти не соврала.

Одна часть моего сознания отчётливо понимала, что он мёртв уже много лет, другая же видела его сидящим рядом и оттого пребывала если и не в панике, то в состоянии очень к ней близком.

В толпе мелькнуло лицо с родинкой под бровью. Я вскочила. На объяснения нет времени—объект нужно найти и уничтожить до взрыва. Вернее за тридцать три секунды до него—оптимальное время определено ОПВ.

—Эй! Ты куда?—Стас бросился за мной.

Вот ведь... Прилипчивый субъект.

Я резко остановилась:

—Слушай, тебе, что делать нечего? Если так—дуй на лекции, а не путайся у меня под ногами.

Кажется, он смутился—веснушки из бледно-золотистых стали морковными.

—Просто подумал...

Вот те на! Я ж ему нравлюсь!—дошло вдруг до меня.

Вернее, нравилась—семь лет назад,—эхидно напомнил внутренний голос.

—... может, в кино сгоняем, раз уж всё равно вместе прогуливаем,—закончил Стас.

—Мы не вместе прогуливаем!—я в конце разозлилась.—Я занята, а ты мешаешь!

Стас схватил меня за локоть:

—Не ори!—и тут же слегка успокоившись, добавил:—Давай я тебе помогу, что ли... Что за дело?

Вот ведь привязался!

Объект мелькнул у «оленьей» чаши. Выдернув руку из пальцев Стаса, я нырнула в толпу.

—Просите, извините,—бормотала я, поминутно наступая на чьи-то ноги и запинаясь о чьи-то сумки, кульки, чемоданы.

Толпа текла к вновь прибывшему составу—им было не до моих извинений.

Включить бы парализатор да спокойно добраться до объекта... Я одёрнула себя. Нельзя. Любое незапротоколированное действие может привести к непредсказуемым последствиям.

Толпа поредела. Состав закрыл двери.

У постамента с чашей женщина с родинкой под бровью обнимала мою маленькую знакомую.

Я прикусила губу и отвернулась. До боли впилась ногтями в ладонь.

Наверное, не привыкла ещё,—успокоила себя.—Самостоятельных операций всего две—отель в Мумбаи да башни-близнецы. Там было легко. Там я всего лишь облегчала участь и так умирающих. Что лучше—ждать пока на тебя обрушится железобетонное перекрытие или... Или я.

Там было легко. И я была с напарником. А здесь...

—Эй,—рядом остановился Стас.

Я растерянно моргнула.

Таймер пикнул.

Время! Слишком мало времени! Скорее всего, девочка тоже погибнет... то есть уже погибла. А если нет?...

Я расстегнула кобуру, замерла на полдвижении. Глаза стоящего напротив Стаса расширились, он инстинктивно отшатнулся.

—Не могу!—сквозь зубы выдохнула я и опустила лазер.

ОПВ дают вероятность девяносто девять процентов, но один процент это чудовищно, безумно много!

Один процент, что я не дождусь зеленого сигнала светофора и побегу на красный. Один процент, что в этот момент меня собьет машина, и я не приду на важную встречу. Один процент, что в конечном итоге это приведет к катастрофе или даже взрыву сверхновой.

Мелочь, ерунда?! Какое отношение я имею к космическим процессам?!

Судьба не более чем пересечение линий снежинки под микроскопом. Начальная точка, от которой расходятся лучи. Многопространственность и многовариантность. Поворотный момент и... иные ответвления. Так может?...

Стас с ужасом смотрел на меня.

—Слушай, сделаем вот что,—я схватила его за плечи.—Отсюда нужно убираться! Быстро! Ясно?

Он кивнул. Вряд ли что-то понял, скорее по инерции. Я бросилась к девочке и её матери.

В этот момент таймер пискнул и отключился. Я почувствовала колебание воздуха, а потом меня сбило с ног что-то тяжелое.

Боль была такая, что на несколько мгновений я ослепла и оглохла. С трудом разлепила веки. Рядом, лицом вниз лежал Стас. Сердце оборвалось.

Он застонал. Слабо, еле слышно, но... Жив!

***

Плотно закрытые жалюзи не пропускали дневной свет. Здесь вообще не было никакого света—потолочные лампы выключены, подсветка развешанных по стенам карт потушена.

Глава ОПВ сидел, облокотившись о стол, и неотрывно смотрел на парящий всего в нескольких сантиметрах от лица ПК. Казалось, монитор подмигивал тающими цифрами.

—Алексей Семёнович,—ожил динамик. Ученый, не отрывая взгляда от монитора, нажал «отбой».

Поверхностно проанализировав свой поступок с точки зрения причинно-следственных связей, он усмехнулся. Вспомнил давнишний осенний разговор в полупустом плавучем ресторанчике.

—Нет, ты только представь,—кипятился Колька, промахиваясь мимо стакана, проливая водку на стол.—Ты только представь—вот ты, допустим, отправился в две тысячи пятнадцатый и пристрелил того гада, развязавшего третью мировую. Как там его... Маро! Что будет?

Алексей Семёнович, тогда ещё Лёшка, отобрал у друга бутылку и пожал плечами.

—Маро не будет.

Колька мотнул головой.

—И?—не дожидаясь ответа, продолжил.—А я тебе скажу! Ты спас миллионы жизней!

И он торжественно обвёл глазами зал. Немногочисленные посетители не обратили на него внимания.

Лёшка открыл рот.

—Но!—Колька ударил по столу. Гранёный стакан подпрыгнул.—Но не-ет! Жизни-то ты спас, но твой дедушка не пошел на войну, и не встретил там хорошенькую медсестру—твою, между прочим, бабушку! И у них не родилась твоя мама! А раз её нет, то и тебя нет!

—А значит, я не мог отправиться в прошлое и убить Маро, а раз я его не убил, значит, я всё-таки родился и отправился в прошлое, чтобы его убить! Это ж бред!

—А вот и нет!—Колька влил в себя водку и счастливо улыбнулся.—Это всего лишь человеческая логика.

—Ты предлагаешь пользоваться инопланетной?—усмехнулся Лёшка.

—Всё будет не так,—проигнорировал подкол друга Колька.—Ты отправился в прошлое и убил Маро, и этим ты изменил всё! Но не для всех, а лично для себя! То есть в том мире, откуда ты прибыл—ничего не изменилось, а вот из прошлого ты не вернулся. Зато в прошлом изменилось всё, но если ты вернешься обратно в твоё настоящее, то есть будущее с точки зрения прошлого—ты увидишь другой мир! Совершенно другой! Мир, где нет твоих родителей, близких, знакомых, мир, который не знал войны. Никакого нарушения причинно-следственных связей—альтернативный мир! Другой слой реальности!

—То есть я отправился в прошлое и там остался,—задумчиво произнес Лёшка,—началась новая история... Интересно...

А если, допустим, действовать не «в лоб»? Если я, имея цель убить Маро, попадаю не в две тысячи пятнадцатый, когда Маро уже было тридцать два, а в тысяча девятьсот восемьдесят третий? Или вообще за пару лет до его рождения? И...—Лёшка замялся, подбирая нужное слово,—делаю так, чтобы его родители не встретились? Результат тот же—я спас миллионы жизней и спокойно вернулся «домой».

—Но твои предки ведь тоже не встретились, ты не родился. С этой точки зрения тебе некуда возвращаться!—хохотнул друг.

—Сам же говорил про нечеловеческую логику?—мотнул головой Лёшка,—Смотри, до определенного момента, назовём его точкой отсчета, всё взаимосвязано, после него—линии реальностей расходятся как лучи снежинок, возникают разные вероятности происходящего. В одной вероятности они не встретились, в другой встретились. Эти линии не могут быть абсолютно, идеально параллельны, ведь они уже пересеклись однажды, а значит...

—Постой, ты хочешь сказать, что в каждой из реальностей можно вычислить точки, в которых миры пересекаются? И изменив нечто в одном слое, можно вернуться в свой мир, но слегка изменённый?!

Лёшка кивнул.

—Но существует же вероятность, что всё пойдёт в корне не так.

—Да-а,—протянул Лёшка,—вероятность всегда существует.

Через пятнадцать лет, он уже возглавлял прототип сегодняшнего ОПВ: экспериментальное оборудова-

ние, расчет первых точек пересечения, первые перемещения, первые результаты.

Предотвращена гибель министра обороны, спасён советник президента, хладнокровно застреленный в две тысячи семнадцатом. Его убийца ликвидирован за пять лет до этого: несчастный случай в горах.

Вероятности прочитывались тщательнейше: те линии, на которых советник вовсе не был советником или был застрелен другим убийцей, отмечались на этапе первичного анализа.

Вариантов могло быть несколько миллиардов—технологии позволяли просчитывать всё, меняя горизонты глубины исследования. Всё совершенно прозрачно, легально, гуманно... С официальной точки зрения, конечно.

На плазменной панели таяли секунды.

Точка отсчета—время до образования сверхновой. До взрыва Солнца.

Ноль—тупик, где всё заканчивается.

Глава ОПВ полистал файлы последнего отчета.

Всё верно. Ошибки быть не может.

Все эти игры со временем и пространством завели в никуда. Приблизили конец света.

Многомерные, разветвлённые пространственно-временные связи оказались куда сложнее, чем кто-либо мог представить. И те точки пересечения... лучи снежинок, в беспорядке нанизанных на спираль времени. В момент кризиса одного исторического цикла можно попытаться устранить катастрофу в предыдущем цикле.

Возможная встреча в метро агента со старым знакомым, до сего дня, полностью исключавшаяся, изменила бы историю наиболее благоприятным образом. Вернее, уже меняет, если всё прошло гладко.

Алексей Семёнович открыл еще один файл.

«Александра Варянцева. Вторая степень обучения». То есть «благородную» цель ей уже внушили, но сути процедуры еще не объяснили. Подходит по всем параметрам. Наивна и уверена в непогрешимости ОПВ. Считает, что делает благородное дело и не вдаётся в подробности. До этого задания лишь две тренировочных «вылазки», не преследующих грандиозных целей. Родственники погибших хорошо оплатили их лёгкую смерть. Алексей Семёнович горько усмехнулся.

Александра не сможет ликвидировать объект. И уж тем более ей не догадаться, что сама является объектом в замысле главы ОПВ. Она просто не должна погибнуть—временной коллапс, кардинально поменяющий пространство.

Идеальная точка отсчёта, идеальный переломный момент.

Влюбом случае—из двух зол выбирают меньшее. Угроза пространственно-временного кризиса велика, но...

—Его-то они по крайнее мере переживут,—Алексей Семёнович снял очки и, подойдя к окну, приподнял створку жалюзи.

Сквозь затемнённое стекло офисного окна солнце казалось тусклым, размытым оранжево-алым пятном. Совершенно безопасным.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОРБУНОВА Л.В., переводчица.

Уроженка Городищенского уезда Пензенской губ. В ее пер. выходило два тома произв. немецкого писателя Рихарда Лемеля, а также ром. австрийского поэта Райнера М. Рильке «Заметки Мальте Лауридса Бригге». Пер. с нем. ром. Якова Вассермана «Молох» («Мир Божий», 1903, № 1 и далее); «Финляндские новеллы» («Рус. Мысль». 1901, № 12); новеллы Якобсона «Г-жа Фонс» («Рус. Мысль», 1904, № 12); кн. Лео Берга «Сверхчеловек в современной литературе. Глава к истории умственного развития XIX века» (1905); расс. М.Прево «Куколка» (М., 1911); расс. Шторма «Павлуша-комедиант» (М., 1901); расс. Г.Эшельбаха «Два брата» («Вестн. воспит.» 1907, № 8). Была сост. илл. сб. «Песни борьбы». М., 1906. Нек. переводы подписывала — Л.Г. Пенза литературная; Розанов.

ГОРБУНОВА М.

Сост. «Руковод. к изучению кройки по методе Г.Клемма» (М., 1864). Венгеров. Источ.

ГОРБУНОВА М.

Пер. «Заметки Мальте Лауридса Бригге» Чч. 1-2. М., 1913-14. «Основн. произведения», с.32.

ГОРБУНОВА М.В.

Изд. журн. «Маяк» (нач. XX в.) ? М.Б. Горбунова-Посадова?

ГОРБУНОВА Минна Карловна

(См. Каблукова, М.К.)

ГОРБУНОВА Юлия Александровна, авт. воспоминаний.

Жена управляющего имением императрицы Марии Александровны. Авт. записок «1874-80 гг. в Ливадии» (журн. «Наша Старина», 1914, № 8) О них — «Ист. Вестн.» 1914, № 9, с. 1025.

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 2433.

ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА Елена Евгеньевна (урожд. Короткова; 1878 — 1955), дет. писательница; педагог.

Род. в Екатеринбурге, куда был сослан ее отец Е.Н.Коротков за участие в рев. движ. В Екатеринб. окончила гимназию, потом училась на Высш. жен. (Бестуж.) курсах. В 1897-м вышла замуж за писателя и издателя И.И.Горбунова-Посадова. Воспоминания и рассказы детям сост. первые ее книжки «Наши зеленые друзья-деревья» (1899) и «Наши зверьки» (1904). Была пост. сотр. просветит. изд.-ва «Посредник». как автор, сост. и редактор мн. его изданий. Была одним из иниц. новой свободной трудовой школы — «Дома свободного ребенка», ведущим сотрудником журн. «Свобод. воспитание»; редактр. детский журнал «Маяк». Авт. кн. «Подвижные игры в комнате и на открытом воздухе» (М., 1914). В соавт с В.Лукиянской напис. кн. «Для крошечных людей. С рассказами и стихами» М., 1912. Авт. кн. «Наша земля», «Простое руководство к переплетному мастерству»; «Человек и три испытания» — Сказание о Кармен Сильве. М., 1905. Опубл. воспоминания «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт» (М., 1929).

Русские писатели (портр); Масанов.

ГОРДЕЕВА В., поэтесса 1900-х гг.

Участв. в сб. «Стихотворения и переводы». М., 1902. Венгеров. Источ.; Розанов.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 75

Тринадцатая платформа

Обычно Сандр не брал левых пассажиров для своего большого путешествия. Рассчитывая участников очередного прорыва, он называл критической массой двенадцать человек. Но в это ясное парижское утро на берегу показался богатый кортеж известного вора и убийцы Клоо. Клоо родился на Париссе, знать не желал о других обитаемых мирах, а поселенцев, которые уже несколько столетий живут здесь, называл ласково «мои малые рабы». Правда, от щупальцеобразного и тыквоголового Клоо и ожидать другого не приходилось.

Сандр поднял голову и прикрылся рукой от синего солнца, глядя, как Клоо переваливается через круглые камни, а за ним идет худенький человеческий мальчик с непокрытой головой.

–Привет путешественнику!–Клоо говорил на смеси человеческого и парижского наречия. –Когда в путь?

–С чего такая честь?–Сандр вновь отвернулся и дал знать участникам прорыва продолжать подготовку платформы.

–Я к тебе с просьбой. Десять!–Клоо произнес цифру и замер в ожидании. Сандр не реагировал. Хотя прекрасно понимал, что десять – это год безбедной жизни и одно путешествие, полное опасности и неожиданностей.

–Послушай, Клоо,–наконец протянул Сандр,–участники уже определились и щедро заплатили. Больше одиннадцати я никогда не беру, да и дополнительная платформа, сам понимаешь, это лишняя нагрузка. Если случится буря...

–Буря в этом сезоне?–зажумкал в ответ недовольно нежданный гость. –Отговорочки

одни. Мальчишка на много не потянет. Али, скажи, сколько ты вешишь?

Спутник Клоо почесал нос, а затем стал поправлять мешковатые старые брюки.

–Тридцать пять,–ломающимся голосом сообщил он.

–Даю десять, чтобы ты взял его с собой на общих условиях. Последнее слово, Сандр. Я никогда не обращался к тебе с подобными просьбами. Но ты сам понимаешь, действия твои незаконны, и при желании я как представитель власти на этом острове должен сообщить о несанкционированных путешествиях.

–Заталдычил мне о законах,–усмехнулся Сандр, доставая из длинного рюкзака теплую непромокаемую шапку. –Видал я тебя и твои законы... Я просто срулю с Апогела на материк и там буду в три раза больше зарабатывать, а ты лишнего дохода лишишься... Как с перенаселением бороться будешь?

Клоо и Сандр замолчали. Конечно, чего не скажешь, если нужда заставляет угрожать. Клоо не собирался лишаться процентов от прорывов, а Сандр отлично понимал –на материке своих капитанов достаточно, и занимаются они полицейщиной, и должности задорого купили.

–Послушай,–опять зажумкал Клоо, щупальца его посинели и стали изнутри переливаться от беспокойства,–если ты из-за платформы беспокоишься, то я лишнюю как раз притаранил. И еще тебе припасов мгновенного приготовления –из килограмма можно выжать десять ужинов на всю группу. Вес платформы не перевалит за...

Галина Анатольевна Прокопенкова (псевдоним - Ескевич) родилась 8 мая 1974 года в городе Видное, Московская область. После школы училась в Московском государственном полиграфическом колледже, затем поступила в Московский государственный университет печати, который закончила в 2008 году. Последние 13 лет работает в области полиграфии. Является членом литературного подмосковного общества им.Ф. Шкулева, Интернет-объединений «Тьма» и «Радио луны». Все свободное время посвящает рисованию (акварель, графика, масло) и писательству. Публиковалась в газете «Видновские вести», в этой же газете вела «Литературную страницу». По ее сценарию вышел короткометражный фильм-сказка «Видно Есть она». Публиковалась в журнале «Порог» и газете «Просто фантастика».

–Все рассчитал?–закачал головой Сандр.–У меня двое месяц сидели на витаминных уколах, не жрали ничего, чтобы масса критическую не переваливала, а ты–килограмм...–нахмурился для порядку.–Пошли в штаб, посмотрю, что выйдет при весе тринадцатой платформы, тридцати пятикилограммовом Али и килограмме недельных запасов. Сложим, вычтем, поделим...

Капитан бодро зашагал по камням к темной палатке, возвышающейся среди кусков платформ и работающих людей в спецобмундировании.

–А пацан пусть здесь останется.–Сандр пропустил внутрь Клоо, предварительно оценив готовность группы. Три часа до прорыва. И уже новости.

Как ни хотелось брать навязанного попутчика, десять кредиток помогли бы сразу заплатить за операцию дочери, которая сейчас умирала на материке. Десять кредиток. Тринадцатый пассажир. Без опыта, без инструктажа, без двухнедельной подготовки. Черт! Черт! Черт! Рисковать... Рисковать ради двухнедельной карточки доступа к матерiku и спасения девочки, рисковать ради того, чтобы семья оставалась на привилегированной территории, когда другие дохнут на островах–от недостатка воздуха, пищи и мутаций. И все равно плодятся, плодятся, плодятся...

–Показывай платформу.–Сандр хмурнее самой хмурой Парнасской горы, стекающей в разломы и образующей круги на Зеркальном океане, стоял у палатки, пока рабы Клоо стаскивали тринадцатую платформу вниз. Совершенно плоская сверху, она образовывала неправильную, ребристую пирамиду в нижней части.

–Здесь положите,–Клоо одним движением сотни щупалец собрал подставку для сложной конструкции.–Боялся повредить, не включал...

–Виджу!–Сандр сунул руку во внутренности устройства, заставляя его содрогаться и наполняться красным светом.–Скажи мне только одно, Клоо, ты понимаешь, что мальчишка идет на верную смерть? Ты вообще зачем это делаешь?

–Али должен попасть на материк.–твердо повторил уже, наверное, за последние полчаса в сотый раз высказанную истину Клоо.–Больше тебе знать не положено.

–Хорошо. Но десять кредитов ты заплатишь вперед.–Сандр убедился, что платформа в отличном состоянии и теперь с самым решительным видом смотрел на позеленевшего Клоо. Злится? А зря! Не, приперся, правила тут свои устанавливает, и еще, оказывается, платить нужно... Ишь, удивился!

–Бери! Надеюсь, что... И вообще головой отвечаешь за доставку!!!

–Не сомневайся и убирайся. У нас пятьдесят минут осталось, а мне еще твоего щенка одевать и упаковывать...

***

Два часа прошло после отплытия. Берег Апогела скрылся за ползущими горами. Впереди–Зеркальная бесконечность. Впереди–лишь Сандр знает где–главное течение, которое ведет к матерiku. И спасение девочки. Милой, несчастной девочки, ожидающей чуда.

Капитан огляделся по сторонам, проверяя, насколько платформы каждого из участников скрепились между друг другом, образуя почти законченный овал, который возвышался над поверхностью великого чуда планеты–Зеркальным океаном.

Могло показаться, что это бесконечное, невообразимо бесконечное зеркало, которое простирается от горизонта до горизонта. С той лишь разницей, что в привычном представлении зеркало–твердый материал, а океан Парисса–это совершенно самостоятельная и опасная материя, касаться которой смертельно. Она поглощает живое, она меняет структуру живого, она уносит через провалы стекающих гор в другие миры, из которых выбраться вообще невозможно.

В спокойном состоянии субстанция находится около 50 дней, или около одного месяца по календарю планеты, остальное время–сумасшедшая буря, которая длится, как сами понимаете, почти год. В это время ни рывков, ни выбора–материк для избранных, островам–смертоносные нападки океана. И все привыкли...

Конечно, Сандр привык. Сандр пользовался талантом переплывать эту ужасную, отражающую все и всех пропасть по течению, в которое не решился бы зайти ни один из капитанов, и за десять дней достичь материка. Тогда у него оставалось ровно две недели на временное пребывание на материке рядом с семьей, которой он оставлял деньги на жизнь. Капитан не плакал, когда узнал, что его дочь попала в аварию на движущемся переходе и ее раскрошило на несколько частей. Сейчас можно восстановить... Сейчас нужны лишь детали. Мозг цел... Мозг девочки цел...

–Сосредоточились, всем встать и закрепить на своих платформах!–заорал Сандр, почувствовав порывы ветра с щипающим нос отравляющим веществом, которое выделялось из океана.–Надеть защитные маски.

Он видел, как мальчик Али тоже встает из задумчивой, согбенной позы. Как вставляет стопы в держатели платформы. Как принимает позу готовящегося к бегу спортсмена. Течение... течение ударило по частям платформ и всплеснулось вверх, желая поглотить наглых

беглецов от бедной и несчастной реальности, этих забытых счастьем неудачников, которые готовы штурмом взять материк и незаконно проникнуть в его рай. Там они будут жить на нижнем уровне, там будут думать, что, наконец, обрели истинную радость. И для рабов есть земля обетованная. Парисская богатая большая твердь, до которой так сложно добраться ядовитому и жестокому океану.

Волны со всех сторон пытались укунить беглецов. Но общее поле платформ защищало от скорой смерти. Сандр смотрел на мальчика, который держал равновесие наравне с другими, на его аристократический профиль, на его длинную шею, на его напряженные руки. И думал, что поступает неправильно. Что ребенку нельзя платить за жизнь другого ребенка... Жестокая реальность. Скоро наступит ночь. Длинная ночь в 24 часа. Десять таких ночей эти люди проведут здесь—вне земли, в самом сердце стихии, что несет их в неизвестность.

Они будут есть, но не будут насыщаться, они будут видеть миражи и медленно сходить с ума. Никто, абсолютно никто не может выдержать влияния зеркального течения. Они достигнуть чужого берега... Они, но не Сандр, которому известно, что из двенадцати лишь двое-трое пересекут берег. Ведь материк уже давно выставил заслоны. Он ненавидит незаконных переселенцев и с радостью расстреляет их на пороге мечты.

—Али, твой ужин,—капитан подал ребенку крошечное зерно, которое через мгновение превратилось в тарелку с супом, чашку с чаем и что-то, похожее на булочку.—Ты так внезапно появился, что я не смог рассказать тебе все о предстоящем путешествии. Сейчас я обязан проинструктировать тебя.

—Хорошо,—кивнул мальчик и принялся за еду.

Сандр сел между двумя платформами. Как раз там, где проходила линия напряжения и соединения.

—Конечная цель нашего путешествия—материк. Но десять дней пути еще в самом начале. Нас ожидают ядовитые пары, сводящие с ума миражи. Нас ожидает туманная зона, в которой платформы разъединяются и плывут самостоятельно почти два дня... Это страшно... И еще, Али, на берегу и вдоль бухт материка находятся зоны защиты. Не все попадут на землю живыми.

Мальчик поднял на Сандра глаза, в которых выразилось полное и кромешное равнодушие.

—Я знаю!—спокойно сказал он.

Капитан немного помолчал. Его мучил вопрос, почему Клоо дал такие деньги за обыкновенного мальчишку? И мучился от сознания

почти свершившегося неведомого несчастья. Словно его все время дергали за ниточки и повторяли—ты игрушка!

—Послушай, Али, возможно, ты всего лишь раб Клоо... Ты жил не как человек, а как игрушка (вот ведь, опять это слово!), но твой хозяин не освободил тебя... Он отправил тебя на верную смерть.

Мальчик согласно кивнул, а на сердце у Сандра стало совсем темно. Сказать капитану было больше нечего, и он направился к своей платформе—спать. Еще будут бессонные дни.

***

На третьи сутки видения и галлюцинации случились с пятью участниками прорыва, на шестые один отравился и блевал прямо над зеркальной поверхностью, а та поднимала вверх блевотину и превращала в уродливые желтые маски, которые говорили и хохотали. Все ничего: покраснение и зуд у путешественников, открывающиеся язвы, боли и изменения настроений. На берегу организм вылечивается, очищается. Но впереди—туман. Самое страшное в течении Зеркального океана именно этот мерзавец.

***

Когда его распученное чрево принимает платформу, та начинает гудеть и разделяться на части, и каждый остается со своими страхами наедине. А какие у вас страхи? Нет, ваши страхи ничто, если их не умножить в десять, в двадцать, в сто раз, исходя из вашей психики...

Сандр видел, что желтушный дымок уже окутывает его в тонкий, полупрозрачный кокон, слышал жесткий скрежет зубов тумана. И готовился с боем принять все самое неожиданное из недр подсознания. Насколько готовы участники, другой вопрос. Теперь капитан не может им помочь. Теперь каждый за себя. Последний трезвый или не совсем трезвый, но разумный взгляд—этакое прощание с прежними людьми, которые не сломлены и считают себя чистенькими. Сожалеющий—на мальчишку, который тихо сидит на своем месте и смотрит на рисунки, которые выводит по его телу желтая змея газов. Прощай и ты, Али! Капитан не виноват, что Клоо выкинул мальчишку... Или хотел тому лучшей жизни. Проверим, что же такое у нас внутри.

Потом Сандр не помнил. То есть он не хотел вспоминать, что видел жену с молодым любовником с материка. А проклятая зеленая гадость все равно долдонила и била по мозгам, рисуя сцены самого жаркого секса между любимой и этим паскудой в полосатых штанах. Почему же ты промолчал?—спрашивали отражения самого капитана.—Ты просто трус! Ты здесь болтаешься, плачешься себе, что девочка твоя умирает. А ведь девочка твоя—кусоч

плоти. Остатки от той милой, настоящей дочери. Ты восстановишь искусственную девочку. Твоя жена получит свою радость обратно, вычистит твой карман. Подарит несколько ночей, предварительно намазав тело дезинфицирующим кремом, чтобы не подхватить от тебя 'какой-нибудь' болезни, а потом, когда ты выйдешь за пределы материка и сядешь на свою дурацкую платформу, чтобы отчалить на грязный остров среди Зеркального океана, вновь позовет любимого жигало.

Ты взял десять кредиток за мальчика. Мальчика на берегу расстреляют. Мальчик не сможет добежать и спрятаться... Мальчик... Лучше вонзи себе в сердце нож. Да, ты ничтожество...

Что это? Рассвет... Сандр открыл глаза и понял, что лежит на животе. Голова его наклонилась над поверхностью, а внизу улыбалось собственной отражение. Вот с кем можно беседовать столько времени! Господи, какой бред! Чиста моя душа и невинна. Сандр с трудом пошевелился. Последние сгустки тумана разрывались, окрашивались голубым светом. Позади. Все осталось позади. И тут капитан закричал—он увидел на волнах всех тех, кого убили за все эти годы на берегу материка. Их лица не пугали... Их тела не были окровавлены. Просто они заполнили мир от края и до края.

***

—Капитан, проснитесь!

Кто это? Сандр сел на платформе и понял, что все части вновь соединились, что кругом лежат обессиленные путешественники и лишь мальчик Али стоит ровно и даже улыбается.

—Чему лыбишься, идиот?!—трясущимися руками Сандр зацепился за наглеца и поднялся. Ноги еще какое-то время не слушались, в горле пересохло.—Достань из моего кармана голубые капсулы. Всем потребуется немного влаги.

—Хорошо,—ловким движением мальчик извлек колбу с капсулами, вскрыл ее и через секунду начал выставлять на платформе бутылки с мутной жидкостью.—Столько хватит?

—Да,—жадно поглощая энергетическую влагу, Сандр косился на Али—ни следа усталости, ни намек на страх и безумие. Мальчик счастлив. Что делал этот мальчик все эти пять дней? Загадка, да и только.

—Клоо сказал мне, что вы обязательно возьмете меня,—проявил внезапную откровенность Али, раскрывая очередную бутылку для пробуждающихся, обезумевших, черных от ужаса пассажиров.—У вас ведь дочь умирает.

—Не твое дело!—рыкнул Сандр.

—Конечно, не мое... Жизнь без цели была бы бесполезной. Но цели наши так призрачны и не истинны. А жизнь так переменчива.

—Пошел к черту!—агрессия от проведенных в тумане дней заставила Сандра кинуть в мальчишку бутылкой, но тот ловко увернулся.

—Когда бы ваша дочь умерла, вы бы взяли эти кредитки? Вы бы поехали под сверкающий купол материка, защищенного от всех напастей?—мальчик развернулся и пошел прочь.

Сандр еще долго смотрел, как тот сидит на краю платформы и остро желал скинуть малявку за борт, а потом посмотреть, как его сжирает океан. Но он сдержался, потому что... туман всегда вызывает ярость и потому что Али сказал правду.

Почти всю. И не о себе.

***

Когда впереди показались два материка—один наверху, другой внизу—перевернутый, путешественники затаили дыхание. Они устали. Они горели близостью желанного берега. Когда-то Сандр жил здесь постоянно. Очень давно. Сегодня вечером он вновь войдет в родной дом, сегодня он побежит в клинику и оплатит операцию. А эти—ничтожные людишки—пусть катятся ко всем чертям. Половину расстреляют, половина еще долго будет корчиться от боли.

—Осталось полчаса до расставания. Попрошу внимания. Ровно в полдень нижняя часть и верхние поверхности платформ разъединятся. На оставшемся ускорении вы достигнете берега в полукруглой бухте, где в этот час происходит смена. У вас от силы тридцать секунд, чтобы добраться до зоны перехода на четвертый уровень. Там вас ждет человек. Его услуги вы оплачиваете отдельно. Полминуты! Запомните! Всего полминуты... Приготовились, закрепились на своих платформах! Поехали!

Сандр вздохнул:

—Желаю вам всем удачи и прощайте,—он нажал углубление в поверхности своей платформы, чтобы доски по принципу серфинга ринулись к самому берегу. Он видел, как и доска Али начинает медленно съезжать с движущей всю конструкцию пирамиды.

—Прощайте, капитан! Передавайте привет вашей дочери!—доска мальчика плыла слишком медленно... да она же тонула...

Сандр замер. Все остальные уже мчались к берегу. Али медленно оседал в пучину. Еще мгновение, и его ног коснулся Зеркальный океан. Обычно тогда же все тело покрывается коркой, словно неровными осколками, люди начинают дико кричать. Но мальчик улыбался.

—Спасибо, капитан! За то, что довели... не хотелось бы вас огорчать. Но я пойду другим путем—по дну. Знаете, капитан, вирус океана не всегда убивает человека. Иногда человек становится носителем. Проникнуть под купол—великая цель. Безопасных мест больше не будет... А у вас, капитан, еще есть время... для выбора. До того момента, пока мы затопим материк.

Американская афера

– Как вы полагаете, сколько картин Рембрандта сохранилось до наших дней?

Я так и не сумел привыкнуть к манере Олега Павловича вдруг задавать самые неожиданные вопросы. И ответил в том смысле, что точно не знаю, но, наверное, много.

– До наших дней сохранилось никак не более двухсот различных работ Рембрандта – больших и малых картин, портретов известных и неизвестных лиц, эскизов и т.п. Тем не менее в музеях и частных коллекциях всего мира хранится около двух тысяч полотен, создателем которых считается все тот же великий фламандский живописец. Другими словами, на одну подлинную картину Рембрандта приходится в среднем десяток подделок. Нечто подобное наблюдается и в филателии.

Фальсификация почтовых марок ведет свое начало чуть ли не с 1840 года. Период с 1840 до 1875 года филателисты называют классическим или просто «классикой». В те времена, по примеру Великобритании, все государственные знаки почтовой оплаты выпускались с единственной целью – усовершенствовать организацию почтового дела. Марок классического периода насчитывается около трех тысяч, из них более двух тысяч были фальсифицированы уже к 1875 году. Иными словами, подделывались каждые две из трех выходявших в обращение марок.

Первоначально марки подделывались преимущественно в ущерб почте. Ведь почтовая марка – это своеобразный денежный знак. Более того, бывали вре-

мена, когда почтовые марки в тех или иных странах ходили наравне с деньгами. Например, в царской России с 1915 года – шла Первая мировая война – марки курсировали наряду с медной и серебряной разменной монетой или, вернее, вместо исчезнувшей из оборота серебряной монеты. В этом случае, вероятно, правительство Николая II позаимствовало опыт Соединенных Штатов Америки, где во время гражданской войны 1861-1865 гг. был принят закон о «марочной валюте». По этому закону почтовые марки использовались в качестве денег до 1876 года.

Вот и в России прибегли к выпуску марок-денег при сходных обстоятельствах – во время Первой мировой войны бумажные деньги обесценивались, и население припрятывало серебряную монету. Катастрофическая нехватка разменного серебра и меди – медь шла в больших количествах на военные нужды – заставила искать срочную замену монетам из упомянутых металлов. Выход был найден быстро. На оборотной стороне отпечатанных на специальной плотной бумаге марок с портретами русских царей из серии 1913 года в честь трехсотлетнего правления дома Романовых напечатали соответствующие тексты и пустили в обращение. Большинство сохранившихся экземпляров марок-денег изрядно помяты и потерты. На письмах эти марки встречаются очень редко.

Разумеется, марки-деньги тоже подделывались. Об одной из таких подделок стоит упомянуть особо. Подлинные марки-деньги имели на обороте изображение двуглавого орла и надпись: «Имеет хождение

наравне с разменной серебряной (медной) монетой». Надписи на фальшивках утверждали, что данная марка «имеет хождение наравне с грабежом и обманом правителей».

Конечно, подделки со столь откровенно враждебными надписями изготавливались в одном из воюющих с Россией государств. Судя по высокому качеству исполнения, вероятнее всего – в Германии. Косвенным подтверждением этой версии могут служить воспоминания современников, утверждавших, что возвращавшиеся из Германии русские пленные привозили с собой большое количество подобных «марок».

Сейчас полные фальсификаты – то есть подделки, изготовленные целиком, встречаются редко. Зато частичные фальсификаты множатся с каждым годом. Используя последние достижения химии, современные «копиисты» меняют цвет рисунка марки или цвет бумаги, на которой марка отпечатана. Находятся «умельцы», которые практически незаметно меняют детали рисунка подлинной марки и, если нужно, виртуозно «сочиняют» цельные вещи – якобы прошедшие почту конверты, маркированные поддельными марками, которые гасились поддельными или даже настоящими штемпелями.

– Уж если речь зашла о подделках, – Олег Павлович отложил в сторону пинцет, – то я готов поведать вам одну историю, которая произошла в Лондоне в 1913 году.

В одном из самых солидных отелей английской столицы остановился богатый американец, без счета раздававший чаевые. Он стал наносить визиты всем более или менее крупным лондонским торговцам марками. Обычно о цели своего посещения американец сообщал следующее:

Он – сын бывшего почтдиректора Соединенных Штатов. В 1908 году от своего отца – ныне покойного – ему стало известно об одном недоразумении, вернее – оплошности, которая произошла при печатании очередного выпуска стандартных марок. По недосмотру печатников несколько листов четырехцентовых марок с портретом первого президента США Д.Вашингтона были отпечатаны синим цветом вместо коричневого.

Здесь следует сделать необходимое отступление. Дело в том, что по рекомендации UPU в Соединенных Штатах, как, впрочем, и в Великобритании, и в некоторых других странах стандартные марки различных выпусков, но одинаковой стоимости из года в год печатают одним цветом или на бумаге одного цвета. Так, например, в США одноцентовые марки обычно зеленые, двухцентовые – красные, трехцентовые – фиолетовые, четырехцентовые – коричневые, пятицентовые – синие, шестицентовые – оранжевые и т.д. Делается это с той целью, чтобы почтовые служащие могли быстро определять номиналы марок по цвету. Если синяя – значит, пятицентовая.

Но вернемся к нашим баранам. Ошибку печатника обнаружили лишь после того, как марки поступили в обращение. Сам почтдиректор узнал об этом при скорбном случае только из рапорта своего подчинен-

ного – начальника одного из почтовых отделений Нью-Йорка. Поскольку из других мест подобных сообщений не поступало, оставалось предполагать, что все бракованные марки попали именно сюда.

Расследование установило, что в обращение поступило не более полутора сотен марок. Один из почтовых служащих хорошо запомнил, как он сам наклеил около двух десятков таких марок на заказные письма и бандероли, отправленные в Лондон. Остатки неиспользованных знаков почтовой оплаты с ошибкой в цвете были изъяты и уничтожены, а сам эпизод из-за ничтожных размеров в то время огласки не получил.

Но филателисты вездесущи! В последние годы в Штатах обнаружили два или три экземпляра из числа этих марок, и цена на них подскочила с четырех центов до нескольких тысяч долларов. Сын почтдиректора обещал за каждый неповрежденный экземпляр синего четырехцентовика тысячу фунтов стерлингов.

Названной суммы было вполне достаточно для того, чтобы уже через неделю адрес отеля, где остановился американец, стал известен всем торговцам марками всего Соединенного Королевства. Но их усиленные поиски ни к чему не привели. Время шло, а тысяча фунтов так и оставалась невостребованной. Приезжий надбавил цену, но безрезультатно. Дела, по которым американец прибыл в Англию, приближались, по его словам, к завершению и до его отъезда на родину оставались считанные дни.

И как раз тогда к одному из крупных лондонских торговцев марками пришла какая-то старушка и принесла альбом с неплохой коллекцией знаков почтовой оплаты. По ее словам, альбом принадлежал ее недавно почившему супругу, и только трудные времена вынуждают ее расстаться с этой памятью о покойном муже. Что ж, случай довольно обычный. Рассматривая альбом, владелец магазина насчитал уже несколько весьма ценных экземпляров, как вдруг увидел среди прочих вещей конверт с наклеенными на него сразу двумя синими четырехцентовиками! Невероятная удача! Стараясь не выдать охватившего его волнения, он не стал долго торговаться и отсчитал старой леди три тысячи фунтов – без желанного конверта коллекция не стоила и половины этих денег.

В восторге от своей удачи и заранее предвкушая немалую прибыль, ибо твердо решил не уступать конверт менее чем за две с половиной тысячи, наш торговец уже на следующее утро был в отеле, где жил американец. И к своему величайшему огорчению узнал, что потомок почтдиректора еще вчера вечером выехал в неизвестном направлении. Зато в холле отеля он встретил несколько своих коллег, которым накануне тоже «посчастливилось» приобрести по сходной цене столь желанные редкости.

Увы! Новоявленные раритеты все до единого оказались фальшивками, а предприимчивый мошенник и его сообщница скрылись без следа, положив в карман несколько тысяч фунтов стерлингов.

Случай этот вошел в историю филателии под названием «американская афера».

ФРАГМЕНТЫ БИОГРАФИИ

Дом Блесси

Но вот случилось как-то так, что я была за что-то наказана, за что, не помню... Мне было сказано, что я должна наконец узнать «пищу святого Антония»¹ и пожить у Авроры Ивановны, которую успела почти забыть, так как она почти не бывала в доме Харитонов, а в нем жизнь текла порой привольной, особенно с Настенькой.

Но вот меня с куклами и книжкой повезли к Авроре Ивановне мимо дома Золотова² — тоже фальшивомонетчика, мимо монетного двора царицы Екатерины, на котором «лили золотые монты»³, на другой берег Верх-Исетского пруда мимо Горного управления⁴ и мужской гимназии⁵... После поворота на берег пруда виден был белокаменный небольшой губернаторский дом⁶, но на углу, не доезжая дома, коляска повернула в переулок, очень небольшой, и остановилась около деревянного одноэтажного дома, на котором красовалась вывеска: «Переплетная мастерская Ив.Ив. Блесси⁷».

От новых впечатлений мое самочувствие было мирное и даже отчужденности к Авроре Ивановне у меня не было. Погода была солнечно-осенняя. Навстречу выбежали две девочки — внучки Авроры Ивановны: маленькая Сонечка и мне ровесница Катя. Сонечка стала еще красивее, Катя просто беленькая и резвая с серо-голубыми глазами. Вышел Ив. Ив. Блесси, немец высокого роста, блондин с проседью, с небольшой окладистой бородой; Мария Ивановна, милая-премилая русская синеглазая женщина, мама Сонечки и Кати, и неожиданно показалась ватага мальчуганов — учеников из переплетной. Меня встречали спокойно и приветливо. Куклы, учебники и игрушки в дом были внесены первыми, а за ними должна была войти я «на пищу святого Антония».

***

Дом деревянный, сложенный из срубов, на каменном фундаменте, показался мне избушкой на курьих ножках, к нему было как бы приставлено крылечко со ступеньками, поднявшись к открытой двери, сначала вступали в обычные сени с кладовой и утварью, во вторую дверь вошла я и остановилась от удивления: прежде всего я увидела большую-пребольшую русскую печь, за ней стояло помойное ведро и умывальник. В глубине этого жилища перед моими глазами запестрели картонные коробки и коробочки голубого и розового цвета для хранения пыжей; рядом находилась полка с погруженными кистями для краски и всевозможные инструменты, ножницы, линейки... Вдоль трех окон от стены до стены на столе лежали инструменты. Окна выходили на пустынную почти деревенскую, заросшую травой, покинутую пешеходами площадь.

Перед столом стояли разной длины и высоты табуреты для мальчиков-учеников по переплетному ремеслу. Под потолком висела керосиновая лампа, «лампа-молния», не так, как в Харитоновском доме Кыштымского завода, где мой отец по всей территории провел электричество, и [осветил] все здания, где печаталась первая ежедневная газета «Урал», которую издавал и редактировал⁸. Дом Харитонova сверкал огнями электричества.

В сенях мы оставили наши одежды, и я с любопытством спешила осмотреть соседние комнаты, вернее одну, за перегородкой, за которой оказалась спальня родителей и детей Ивана Ивановича. Это была угловая комната окнами на улицу и во двор. Обстановка была очень простая: два небольших стола, за одним учила уроки Катя, первоклассница, моя сверстница, другой был малень-

Окончание. Начало в № 8,9

Примечания:

¹То есть голодать, как монах-подвижник Антоний Великий (ок.250-356), основатель монашества в Египте.

²Мемуаристка видимо имеет в виду дом фабриканта А.А.Злоказова на Вознесенском проспекте, где в 1902г. открылась художественно-промышленная школа и учился будущий скульптор И.Д.Шадр.

³Екатеринбургский монетный двор в 1726-1727 гг. выпускал медные деньги, платы квадратной формы, а затем с 1735г. — общероссийскую круглую медную монету. В конце XIX в. здесь располагались железнодорожные мастерские.

⁴Здание Уральского горного правления — первое в Екатеринбурге каменное здание непромышленного назначения.

⁵ Ныне гимназия № 9.

⁶ Имеется в виду дом Главных начальников Уральских заводов на нынешней наб. Рабочей Молодежи.

⁷По описанию похоже, что «Переплетная мастерская Ив. Ив. Блесси» до ее перемещения на Вознесенский пр., 28, находилась на ул. Малой Съезжей (ныне ул. Химиков).

⁸Газету «Урал», которую издавал В.Г.Чекан, редактировали П.И.Певин и С.К.Эфрон (Литвин).

В. Чекан в спектакле «Взятие Бастилии»

Ротонда Харитоновского сада

кий и приготовлен для меня, на него разложили игрушки и тетради с учебниками, и третий стол был больше, покрытый клеенкой, для еды и бесед. Вдоль стен и вокруг стояли несколько венских стульев. Висячий буфет с посудой, на окнах кисейные занавески... Вот и все, что осталось в памяти.

Аврора Ивановна спала на печке. Дело было к вечеру, меня, Соню и Катю поили сладким чаем с молоком, булкой и ломтями черного хлеба. Ив. Ив. был одет в сюртуке, застегнутом на пуговицы, ворот рубашки сверкающей белизны, ботинки начищены до блеска «Ганц-аккурат». Таким я его видела всегда — и в мастерской с учениками, и среди семьи. Иногда надевал Ив.Ив. очки. По-немецки он разговаривал только с Авророй Ивановной. Мария Ивановна мне нравилась за мягкий голос, мягкие движения. Когда пришел час идти ко сну, Аврора Ивановна, Ив. Ив. и Катенька стали составлять свободные стулья, укладывать доски и на них положили тюфяки и уложили меня, дав подушку, и укрыли одеялами. Я подумала о «пище святого Антония» и от усталости крепко заснула.

Наступило новое утро по другую сторону Верх-Исетского пруда. Осень вступала в силу. В комнате, где я спала на стульях, все преобразалось мгновенно по минутам и секундам. Тюфяк, подушка, одеяло были мгновенно убраны, стулья были придвинуты мной и Катей к столу большему. На столе дымилась чашка с кофе с молоком, в сахарнице — ломти белой булки и черного хлеба. После завтрака мы занялись приготовлениями к будущему дню. Мы с Катей, когда сборы закончились, идем в гимназию; в середине дня Мария Ивановна по-

садила нас за главный стол, накрытый белой клеенкой, и принесла миску щей кислых с гречневой кашей, на «сладкое» нарезала ножом клюквенный кисель, залитый молоком.

За ужином опять чай с молоком. И эта пища была названа «пищей святого Антония». Давала Мария Ивановна и другую пищу — отварной картофель, макароны. Но щи, каша, кисель, молоко, сладкий чай, черный хлеб остались в памяти на всю жизнь. Да и требований у нас, детей, других не оказывалось. Потому, вероятно, что пища была размерена строго по часам. Точно по висевшим на стене часам садились кушать и точно по часам кончали. Разговоры за едой были категорически запрещены и также лишние движения руками, корпусом и болтание ногами. Аврора Ивановна требовала настоящие правила выполнять беспрекословно. Точность времени в семье Блесси соблюдалась неукоснительно.

***

Приготовительные классы остались позади, и на утро мы с Катей были отправлены на учебу без провожатых. Демка остался в Харитоновском посаде, Настенька домовничала у Тетечки, и Тетечка забыла о моем существовании на всю зиму, а зима была лютой, и дни проходили однообразно: гимназия, учение уроков по первому классу, по вечерам Аврора наставляла, вернее, обучала поведению, а за окном мела, мела метелица — и так охватывая до простуды, до болезни. Наконец, Аврора Ивановна положила меня с собой на русскую печку, чтобы я отогревалась, но когда температура поднялась до сорока градусов, за мной

папа прислал санки с вороным конем. Меня укутали в мех, и я вернулась в Харитоновский дом, где меня встретила Настенька в той же комнате с окнами, выходящими на площадь с церковью имени Вознесения. Домик Ивана Ивановича ушел из памяти надолго. Но почему-то кисель, который нарезала Мария Ивановна, запах щей, ломти черного хлеба, подаваемого за обедом, оказались незабываемы.

Харитоновский сад

После перенесенной болезни папа решил меня лечить по теории д[октора] Кнейпа. Он поселил меня на берегу реки Исети в очень оригинально выстроенную деревянную дачную постройку с небольшим круглым балкончиком на крыше, который венчался шпильем с флюгером и был обтянут парусином. Поднявшись по лестнице изнутри, я оказалась на балкончике и увидела лежащую постель с матрацем, подушками, теплым одеялом, двумя простынями. «Лечение» заключалось в укреплении организма воздухом и водой. Обувь все лето я не носила и во всякую погоду по лесу и болоту бегала босиком, мокла под дождем и сохла на солнце. Под балкончиком находилась комната для взрослых и кухня. Лес вокруг был сосновый, под хвоей росли семьями беленькие грузди. Я собирала грибы, землянику, бегала на реку Исеть, на берегу которой собиралась заводская молодежь и детвора. «Завивали» березку и пели в хороводах «Во поле березонька стояла», парнишки из Верх-Исетского завода вторили: «Эй, дубинушка, ухнем».

Конец лета я проводила с Настенькой, и мы с ней развлекались жизнью, текущей с площади в раскрытые окна; еще навевали свежие ветерки прохлады, покой, посылали теплый воздух. Белая церковь с колокольней, как нам казалось, упиралась золотыми крестами прямо в голубое небо.

В воскресные дни шел народ всех рангов и сословий, на паперти стояли нищие, ютились убогие старики и старушки, сгибали перед идущими спины и просили подаяния: «Подайте Христа ради милостыню». Тут и начиналось мое просвещение в познании божественных религиозных начал, тем более, что рядом с нашей комнатой находилась домашняя церковь Харитонова, в преддверии которой и жил черт, именно тот, которым меня пугали не только Тетечка, но и домочадцы, кухарка, горничная и пригреваемые Тетечкой старушки, приживалки. Но ведь никто не знал, что я черта давно не боюсь, что я с ним в дружбе, а особенно с чугунной статуэткой, что на письменном столе в кабинете моего папы. Я даже брала его в руки, гладила по спине и трогала длинный хвост с кисточкой, и уже не испытывала никакого страха перед иконами с чертями. Я же решила, что некоторые черти схожи с людьми знакомыми. Ведь этого никто не знал, не знала и Настенька...

Но когда она решила заговорить о Боге-отце, о Иисусе, сыне человеческого, я вспомнила изображение жизни Христа над моей кроватью в «доме под липками», вспомнила, как я жалела Христа за перенесенные муки в терновом венке, и я стала слушать с жадностью рассказы моей Настеньки. При напоминании о Христе, сыне не Божеском, а о сыне человеческого, у меня почему-то встал образ каторжника в кандалах, снова работающего в саду «дома под липками». Ведь Аврора Ивановна никогда не молилась, да и в переплетной Ив. Ив. Блесси ни о Боге, ни о Христе не говорили с нами. Еще мне главное запало в душу, что Бог не заступился за сына и не проявил силу всемогущества и провел через страдания на земле, и чтобы попасть на небо к Богу-отцу, надо все же перестрадать. Одним словом, Настенька закончила и со вздохом проговорила: «Старшие поясняют: просто верь в Бога, повинуйся, молись утром и вечером, заучи молитвы, и Бог сможет взять к себе в рай, чтобы жить в блаженстве. Я смотрела на церковь, а Настенька, закончив рассказ, объявила, что в одно из воскресений мы пойдем в церковь, и чтобы я повторяла внутри себя то, что я буду слышать, а потом буду учить с Настенькой молитвы».

После рассказа о Боге мы сели на окно и увидели издали идущих по площади к Харитоновскому саду⁹ вереницу очень красивых нарядных молодых женщин. Я спросила Настеньку: «Кто эти женщины?» Она таинственным шепотом сказала: «Эти идут арфистки», потом улыбнулась и добавила: «Это певички, они поют веселые песенки в нашем саду вечером, а сейчас идут завтракать и будут петь вечером то, что надлежит им». Я замерла от желания узнать, что будут петь идущие красавицы в саду. Все лето я их видела из окон нашей с Настенькой комнаты, выходящей на площадь, на которой высилась с папертью двухэтажная белокаменная церковь с золотыми куполами и колокольней.

Далее почти одновременно мне открывалась жизнь таинственного сада и церкви. Прошло дня два, и я упросила Настеньку повести меня в сад или на время завтрака, или вечером — именно увидеть и услышать «арфисток». И вот случилось так, что Тетечка уехала за Верх-Исетский завод закупить продукты на зиму и увезла на пару дней домочадцев с собой, а оставила сторожить хозяйство кухарку. Кухня была в нижнем этаже, а мы с Настенькой по ходу помещались в парадной, она знала, где ключ от дверей, и мы легко юркнули в сад.

До этого дня я не видела сада. И вот повернул ключ в замке. Сад густой чащей окутал колоннады в даль дома, пышные деревья вились до второго этажа и выше крыши, у входа с площади сад, ворота охранялись сторожем и были высокими, и замки висели большие, а у небольшой будки с окошечком продавались на вечернее представление билеты, также и на

⁹Харитоновский сад был заложен на месте бывшего болота и с 30-х гг. XIX в. стал любимым местом отдыха горожан; в праздничные дни собирал публику всех рангов и сословий. Ныне — парк Дворца детского творчества.

вход в сад. Настенька заявила, что такой сад бывает только в сказках и стала меня знакомить с достопримечательностями. Колоннада вокруг садового фасада оказалась нежилой. Там жили даже летучие мыши! Мы увидели около ворот с калиткой — в тени аллеи мелькнула деревянная серая просторная постройка с плоскими крышами. «Летний театр», — пояснила Настенька. — С переднего входа ты увидишь сцену с занавесью, а сзади раздеваются — там кулисы арфисток и хористок, пойдем, они ушли, прогуливаются по аллеям, пойдем, не бойся, увидишь, на чем они играют: на арфах, видишь, арфы золотые; они надевают белые прозрачные одежды и перебирают пальцами, а сами сидят на табуретах, потом поют хористки и становятся в ряды, разодетые в пух и прах, у иных горят бриллианты, но ты их не бойся, потому что не у всех одинаковая планида. Видишь, одни идут веселые, смеются, иные так себе; вон, посмотри, приехали городские богатеи, будут с ними завтракать и забавляться, бежим от них, а пока я тебе покажу и кухню».

И мы побежали в противоположную сторону вокруг здания, а из-за забора, защищавшего от глаз человеческих сад, действительно понесли запах жареного мяса и ароматы соусов. Мы с Настенькой остановились под прикрытием стволов берез и наблюдали издали, как выбегали провертеться от чада повара и поварята... Но когда мы повернули в противоположную сторону, за углом мы увидели приделанную деревянную лесенку, по которой поднимались богатеи в закрытые ложи отдельных кабинетов. «Это отдельные кабинеты, — сказала Настенька, — в них богатеи пьют, едят вкусно и веселятся. Они видят, а их не видно! А в креслах сидят не богатеи, а просто так. Мы тоже во время завтраков будем ходить гулять в сад. я твою тетечку уговорю. Скажу, что будем играть у пруда. Вон видишь, он мелькнул за аллеей. Аллея, на которой мы сейчас стоим, самая скрытная, сторож гоняет с нее, а ребята любопытничать начинают, по дорожным дырам прокрадемся, чтобы сторож не видел и кухарка не слышала, а ты учись молчать и не видеть, а то и тебе, и мне будет плохо». И я начала стараться научиться молчать, чтобы не было плохо, особенно Настеньке.

***

Все лето Настенька то рассказывала о святых людях, то шила, то вязала, вышивала, то стучала на швейной машинке по домашнему обиходу и я с ней, а то смотрели с ней в окна, и наконец — событие: приехал именитый писатель Мамин-Сибиряк, друг моего отца, и вскоре в красивых переплетах появились им написанные книги и о Харитонове — «Приваловские миллионы». Название книги и миллионеры мне не нравились. Мне больше говорило в понимании по сути слово «богатеи».

Богатеев я встречала в раннем детстве, например, Рязановы, Шаравьевы... Купил человек кусок земли, пошла жила золота, и стал человек богатым. Захочет богатеи — выстроит завод, захочет — деньги проплет и в Париж уедет. Строят заводы, и выстроен был завод позади Харитоновского сада за прилегающей церковью — водочный завод по улице Водочной¹⁰. Водка с белой головкой — царская водка. Иные богатеи умеют терпеть и выносить свои богатства, а другие как только богатеют, так и «свихиваются», вплоть до канав, и на канавах умирают. Это самый соблазнительный дьявол в трех лицах, он может загубить, кого хочешь! Однажды глядя на меня, моя спутница сверкнула глазами на большую заколоченную беседку: «Вино, женщины и карты».

Настенька у Тетечки постепенно завоевала доверие, и к осени меня отпускали с Настенькой гулять по всему огромному саду. Мы стали почти за все гдателями сада, а он был действительно замечательный. Сад располагал «верхней горкой», а низом, у пруда, — «медвежьей берлогой», а при Харитонове за прудом помещался даже зверинец. На пустыре разведен был огород. Весь огромный сад огораживала березовая аллея, с горки шли три аллеи к пруду. Стройные ели, почти зелено-черные, спускались прямо к пруду, на котором желтели два заросших островка, покрытые опавшими листьями. Вторая лиственная аллея пряталась в зарослях. Плотина пополняла пруд водой. Лодка покоилась в тихой задумчивости листьев кувшинок.

***

Доверие Тетечки распространилось и на меня. К осени сад опустел. Красавицы, наделав бед, либо схватив кусочки богатейного счастья, уезжали. Богатеи уезжали по делам по всему свету, держа пути и на Китай, а больше всего грозились, помахивая указательным пальцем, с улыбочкой произнося: «Едем в Париж, это умопомрачительный город, там и с ума можно сойти, понимаешь? Лишит ума-разума этот Париж, так он хорош, этот Париж. Париж — угоришь».

Все это мы слышали от проходящих, бегая вокруг летнего театра и в Харитоновском саду. Нас била дрожь от хвастовства богатейщиков, и мы бежали от них домой опрометью. Нам казалось, что за нами в темноте кто-то гонится. Страшный, похожий на богатея, с тросточкой, в котелке и непременно во фраке. Я его не боялась давно уже, похожего на черта, которым меня пугали. К тому же он не в воображении был, а живым человеком, при часах и жилетке, а висели часы на толстой золотой цепочке, как у некоторых богатеев я видела в театре и театральных представлениях в клубах. Были похожи на чертей с икон, но были и очень полезны для устрашения... Кого? Посмотришь Страшный суд, ад — и голова затуманится.

¹⁰С 80-х гг. XIX в. на ул. Водочной (ныне — Мамина-Сибиряка) действовал медо-пивоваренный завод купца 2-й гильдии Э.Ф.Филипта. Водку он не производил. На месте усадьбы Филипта ныне — Екатеринбургский зоопарк.

Андрей ПИЧУГИН

Фото предоставлено автором

Ушковская канава

От поселка Черноисточинска, что под Нижним Тагилом, до Ушковской канавы всего три километра. 15 минут небыстрой езды на велосипеде. По асфальтированной дороге еду вдоль канала, который протянулся с севера на юг на 4, 8 километра. Дорога проложена по гребню дамбы, с обеих сторон которой выросла нескончаемая аллея из мелколиственного леса.

Остановился на плотине Верхнего прудка. Кругом Уральские горы, вековой лес, водная гладь. Через Главные затворы часть воды из Верхнего прудка поступает в Ушковский канал. Другая часть воды через Еланские затворы стекает далее в реку Черную. 160 лет прошло с тех пор, как сооружен канал от реки Черной до Черноисточинского пруда – по проекту гидростроителя Клементия Константиновича Ушкова (1782 – 1859).

В 1729 году было закончено строительство Черноисточинского железоделательного завода. Движущей силой на заводе была «энергия» падающей воды, она вращала механизмы заводских устройств. Производство железа возрастало, и для вращения колес, воды стало не хватать. Летом из-за этого работа на заводе останавливалась. Не хватало воды и для Нижнетагильского завода.

Выходом из положения посчитали создание запасного водоема на реке Черной, которая протянулась на 36 км. Она берет начало между гор Ольховой и Елевой вблизи села Елизаветинского и впадает в реку Тагил с левой стороны. В Черную же впадают многочисленные притоки: Басманка, Уральский Ключ, Сатка, Лапшанка, Бобровка, Путик, Лебедь, Каменка, Маркеловка, Сухоречка, Еланная, Саканка (Красная), Горевая, Известка и Ломовка.

В 1799 году Николай Демидов выделил 10 тысяч рублей на строительство канала и наделил управляющего заводами А.Е. Грубера полномочиями по реализации проекта. В 1805 году французский инженер Клод Ферри обследовал местность и заявил: «Сие дело невозможно».

Управляющий Нижнетагильскими заводами Данилов писал Демидову: «Проводить реку, значит то же, что из пустого в порожнее переливать».

Однако в 1841 году крепостной демидовских заводов Ушков подал прошение в Нижнетагильское заводоуправление. Он предложил сделать прокоп из реки Черной в Черноисточинский пруд в течение трех лет за свой счет.

Кто такой Клементий Константинович Ушков? Его дед Иван Ушенков был государственным крестьянином в Московской губернии. В 1744 году семья Ушенковых перебралась на Урал. В 1752-м у Ивана Федоровича появился сын Константин, это отец будущего гидротехника. А в 1782 году родился Клементий Константинович. При записи фамилия изменилась. Клементий Ушков жил с семьей в Нижнетагильском заводе под Лисьей горой. Был самоучкой и очень предприимчивым человеком. В 1833 имел мукомольные мельницы: на Шайтанке между деревнями Воскресенкой и Павлушиной, на реке Вязовке и в устье реки Черной, занимался поставкой крупной муки и хлебной торговлей. Ушков постоянно «знался с запрудами», проводил воду канавами, помимо этого имел способность за счет отвесов и ловкости изыскивать мест, где лучше провести канаву для воды».

В 1847 году Ушков обратился с письменным ходатайством о проведении прокопа к главполномоченному по заводам А.Н. Кожуховскому. Обещал посторить канал за два-три года за свой счет. А в награду просил себе и своей семье освобождение от крепостной зависимости. Обещал также наблюдать за исправностью канала в течении двух лет после завершения строительства.

На строительство канала Ушков нанимал мастеровых людей с Черноисточинского завода. Работали также дети Ушкова и его брат Савва. Клементий сделал точный промер трассы канавы и нашел место для плотины. Глину для дамбы брали чуть выше строящегося пруда.

Сооружение плотины и канала было завершено летом 1849 года, что совпало с приездом заводладельцев: Авроры Карловны Карамзиной, её девятилетнего

сына Павла Демидова и мужа Андрея Николаевича Карамзина.

А.Г. Бармин в книге «Тагильские мастера», так писал о приемке Ушковского канала заводладельцами: «Ушковы решили во всем угодить хозяевам и превратить приемку /канала/ в народный праздник. Разукрашенные коврами и зеленью большие лодки плыли по новому пруду. Аврора Карловна Демидова с девятилетним сыном Павлом и главуправляющим Антоном Ивановичем Кожуховским сидели в одной из лодок, гребцами которой были великаны-сыновья Ушкова. В других ехали гости, музыканты и служащие демидовских заводов. Лодки сделали круг по пруду и направились к плотине. После того, как хозяева и гости поднялись на усыпанную желтым песком и уставленную молодыми березками плотину, Кожуховский потребовал ордер о приемке, Аврора сделала знак Кожуховскому, и тот во всеуслышание объявил, что хозяевам угодно милостиво принять дар от преданного заводского крестьянина Ушкова. Плотинному Василию Бондину приказано принять плотину и иметь постоянное наблюдение за ее целостью. А о благодарности господ хозяев Аврора Карловна сказала, что Клементию Ушкову даруется воля. Ушковы пали на колени, стали целовать руки Авроры и маленького Демидова, музыка играла, а гости рукоплескали».

Черноисточинский пруд пополнился водой и принял современные очертания. Вода из реки Черной стала расходоваться равномерно. Вскоре на реках Черной и Черный Исток были построены два подливных завода: Антоновский и Авроринский.

После сооружения канала Ушков планировал строить мельницы и каналы на реках Баранче, Салде, а

Пичугин Андрей Леонидович родился в поселке Черноисточинск.

Активный участник Нижнетагильский клуба краеведов. Краеведческие исследования по теме: История Черноисточинского завода, природа окрестностей Нижнего Тагила.

В 2004 году вышла первая книга «Веселые горы». В 2005 году - книга «Ушедший в неизвестность» о Великой Отечественной войне. В 2006 году - «Очерки поселка Черноисточинск», в 2009 - «Черноисточинский пруд». Краеведческие работы периодически публикуются в газетах: Тагильский рабочий, Горный край, Пригородная газета. И в журналах: Уральский следопыт, Пульсар. В настоящее время работает над книгами: «Веселые горы», «Завод на Черном Истоке».

Главный водоспуск на Ушковской канаве

реку Сулём перенаправить в реку Межевую Утку для пополнения водой Висимо-Шайтанского и Висимо-Уткинского заводских прудов. В 1857 году Ушков пишет письмо императору Александру II, чтобы осуществить проект, который предполагал провести воды реки Туры в Кушвинский пруд. Но пока шла переписка, в 1859 году Ушков умер. Могила его не сохранилась, но живы родственники. Они разъехались по всей стране.

В начале XX века вдоль Ушковского канала велись разработки платины – выработки сохранились до сих пор.

В 1924 году рабочей артелью Черноисточинского завода на Верхнем прудке начался ремонт плотины. Требовалось заменить полы бортов, запоров, провести просмолку всех деревянных частей плотины. В апреле следующего года основные работы закончились. Завалку земли и камней должны были сделать с наступлением тепла. Комиссия в составе заведующего Черноисточинским заводом А.П. Образцова составила акт о приемке плотины.

В середине прошлого века плотинным смотрителем Ушковского канала работал черноисточинец Наркис Евграфович Сидоров. В его хозяйстве находились Верхний прудок, Яланские затворы, перемычки, боковые ставни. Он один умело регулировал весенние и ливневые потоки, направляя воду то в речку Черную, то в Черноисточинский пруд.

После Наркиса Сидорова на Ушковской канаве жил и работал со своей семьей Лазарь Васильевич Красноперов.

В Нижнем Тагиле, в музее Черепановых, размещена экспозиция, посвященная гидростроителю Клементию

Ушкову, где представлены документы той поры. В 1966 году создан макет Ушковского канала. Его автор архитектор В.И. Боровик, макетчики Ю.Ф. и Ю.Н. Вериги.

Скульптор Ю.П. Клеващиков создал бронзовый бюст гидростроителя, который также находится в музее Черепановых.

Известный тагильский скульптор Иван Боголюбов предложил макет памятника Ушкову, который планировалось установить на берегу Черноисточинского пруда вблизи «Ушковской канавы».

На пересечении с каналом в 1895 году построили узкоколейную железную дорогу. Станцию назвали «Канавка». Слово «канавка» «прикипело» и к самому каналу, и к некогда располагавшемуся в устье канала мехлеспункту.

В настоящее время Верхний прудок и Ушковский канал используются для переброски части стока реки Черной – для пополнения запасов воды в Черноисточинском пруду. А также для рыборазведения, культурно-оздоровительных и рекреационных целей.

В верховье канала построена загородная база ОАО «НТМК» «Верхний прудок». В 2001 году сооружен спортивный «Демидовский». На базе отдыха есть гостиница, сауна, бассейн, спортивные снаряды и площадки.

Созданный крепостным умельцем Ушковым совместно с мастеровыми людьми канал действует до сих пор, пополняя водой Черноисточинский пруд. Ушковский канал объявлен гидрологическим памятником Свердловской области, где создано культурно-рыбное хозяйство «Верхний прудок». А прилегающая к нему лесная зона стала охотничьим заказником.

Фото В.Струганова

Ольга КАРЯКИНА

«Секретный» подряд Геннадия Мосина

В мире прекрасного

РЕКА ВРЕМЕНИ

Один из десяти закрытых атомных городов России – Лесной – несколько десятилетий являлся большой тайной даже для самих его жителей. Секретный Атомный проект породил секретные предприятия и целые города. Государство не жалело денег на создание таких объектов, и известные ограничения, что испытывали жители этих городов, компенсировались хорошим снабжением различными товарами, бурным развитием здесь учреждений культуры, спорта, образования, неплохим медицинским обслуживанием.

В более выгодном положении оказались те ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), которые находились рядом с областными центрами. Лесной расположен довольно далеко от Екатеринбурга, и эта удаленность, а бы даже сказала изолированность, наличие всего одного градообразующего предприятия на фоне закрытости создавали особую внутреннюю атмосферу жизни в городе со многими плюсами и минусами. Но важное для страны

предприятие работает, и город, уже во многом открытый, известный и понятный, живет и отмечает один за другим юбилеи своих учреждений и организаций.

Отметил свой полувек юбилей и Центр детского творчества (бывший Дворец пионеров и школьников). В конце 50-х для него построили трехэтажное здание, соответствующее тому времени и достойное названия «Дворец». И хотя выполнено оно в стиле сталинского классицизма с характерными фронтоном, колоннами, высоким крыльцом, при этом всегда было и остается уютным и доступным. И несколько поколений лесничан разделили свое детство с этим добрым дворцом.

Как у каждого почтенного по возрасту заведения, у Центрального дома творчества тоже имеются свои легенды и загадки. Вот одна из них. Есть там комната, все стены которой расписаны почти от пола до потолка. Зайдете, и предстанут перед вашими глазами герои сказов Бажова – камнерез Данила, Огневушка-Поскакушка, Медной горы Хозяйка, ящерка. Полюбу-

Фото В. Струганова

ешься, поразглядываешь, и возникает вопрос, кто же создал эти «картины»? Ответ несколько неожиданен, если учесть специфику города. Еще в 1958 году комнату украсил известный художник Геннадий Сидорович Мосин, что подтверждается автографом автора тут же, на стене. В ЦДТ этот небольшой зал называют «Комнатой сказок», и на протяжении пяти десятилетий бережно и с уважением относятся к работе мастера.

Сегодня Г. Мосина (1930-1982), уральского художника, знают далеко за пределами родного края. В 1991 году в Екатеринбурге была учреждена одна из самых престижных наград в области профессионального искусства – премия имени Г.С. Мосина. (Среди ее лауреатов такие выдающиеся художники как В. Волович, М. Брусилковский, А. Калашников). А тогда, в 1958 году, молодой Геннадий Мосин только что окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде. Биографы Геннадия Сидоровича, подчеркивая его любовь и преданность Уралу, рассказывают, что и дипломная работа, написанная в 1957 году, выполнена им на сюжет сказа П.П. Бажова «Каменный цветок». Она попала в музей а автор получил приглашение в аспирантуру. Но Геннадий Мосин вернулся на Урал, где очень скоро занял ведущее положение среди свердловских художников.

Значит, вскоре после окончания престижного вуза, Мосин делает роспись для только что построенного Дворца пионеров в закрытом маленьком городке, который именовался в то время Свердловск-45. Тема работы – любимые бажовские сказы. Если присмотреться к старой черно-белой фотографии, где Мосин изображен с друзьями на фоне своей дипломной работы, то можно заметить, что камнерез Данила на ней изображен в той же характерной позе, что и на стене в ЦДТ. Роспись выполнена масляными красками не на штукатурке, а на холсте, который хорошо натянут и рейками прибит к стенам по периметру комнаты. Видимо,

поэтому работа хорошо сохранилась, и даже не подумаешь, что ей уже полвека. Мало кто из посетителей обращает внимание на ткань, принимая эту роспись за настенную. Отсюда, скорее всего, и сложилось мнение, что Геннадий Мосин работал в нашем городе.

Тем не менее, директор ЦДТ И.А. Власова поведала, что семья Геннадия Сидоровича, по словам его сына Алексея, известного историка, не знала об этом холсте. Вот и возникают вопросы. Почему художник не рассказывал родным о своей поездке? Может быть, дал подписку о неразглашении? Или он и не был здесь, в закрытом городе, а выполнял работу в своей свердловской мастерской, сверяясь с чертежом комнаты? А кто и почему принял решение обратиться с таким заказом именно к Мосину? Пока никто из лесничан не откликнулся на просьбу что-либо вспомнить и рассказать об этой по-своему удивительной истории.

В городском архиве сохранилось решение исполкома городского совета депутатов трудящихся от 24 декабря 1957 года «О рассмотрении договора на производство работ по оформлению Дворца пионеров». Этим документом исполком утвердил договор, заключенный тов. Авдюковым А.И. (первый председатель исполкома) с Производственно-художественными мастерскими Свердловского отделения Художественного фонда СССР, и для финансирования работ по договору выделил средства в сумме 319755 руб.

Роспись размером около 40 кв.м была сделана к открытию Дворца пионеров и школьников в 1958 году.

***

На протяжении десятилетий росли мастерство художника и его слава. Параллельно возрастала и ценность этого стареющего холста. Хочется узнать подробности истории сотрудничества города-заказчика и выдающегося мастера, но главное, пожалуй, - сохранить работу Г.С. Мосина для следующих поколений лесничан.

Алекс КОНДОР

СОКРОВИЩЕ ТАМУРИИ

Исторический роман

От автора

Когда в Европе появились книги – более двух с половиной тысяч лет назад – обширные территории на восточной границе этой части света, вокруг Уральских гор, населяли народы, о которых первые писатели рассказывали немало легенд. Эти племена, жившие в суровом климате, отличались закалкой и мужеством. Кочуя по континенту, они принесли в страны Евразии верховую езду, а вместе с нею и новый, специфичный для всадников, вид одежды – штаны.

Особенно будоражило воображение древних авторов то, что у многих из этих народов женщины были равноправны с мужчинами, а иногда вообще властвовали над сильным полом. Так родились мифы Эллады об амазонках.

Современные раскопки отчасти подтвердили эти сказания. А объединенные изыскания археологов, историков и лингвистов позволяют представить, где и как жили те племена, что извест-

ны под греческими наименованиями «скифы» и «сарматы», «саки» и «даи», «исседоны, или исседы» и многие другие. Возможно, некоторые из них увековечены в названиях рек: например, река Исеть (системы великой сибирской реки Обь).

А река Урал на тюркских языках называется Яик, или Жайик (у византийцев – Гегих), древнегреческое Даик. Все это – производное от древнеиранского Дахик, «река дахов (даев)».

Может, с равноправием полов как-то связано и то, что эти народы славились у древних (начиная с Гомера) столь редким и оттого еще более ценным качеством – справедливостью.

Наполненная к тому же прекрасными ювелирными изделиями так называемого «скифо-сибирского звериного стиля», эта эпоха могла бы считаться своеобразным «золотым веком».

Если бы все эти племена не воевали постоянно между собой...

Восьмой день до жертвы солнцу

На берегах верхнего течения реки Дахик в середине лета степь обычно выгорает. Тем более яркой и прелестной смотрелась на ее фоне девушка в брючном костюме из красной кожи, отделанной золотыми деталями. Сидя на блеклой траве, она склонила голову, как цветок при нехватке воды, и оттого выглядела еще более нежной и беспомощной.

Красота ее была неброской и спокойной, что так нравится мужчинам, когда они выбирают себе не любовницу, а жену. И понятно, что вид ее вызывал вполне определенное желание не только у Кардата, но и у каждого из двух десятков голодных молодых, обступивших девушку со всех сторон.

Наверное, кроме этого естественного мужского желания, у них всех должно было быть еще одно. Защитить ее, такую хрупкую и одинокую, от бед и опасностей жестокого мира. Однако Кардат понимал, что считать так было бы большим заблуждением.

Вряд ли кто из толпы его грубых товарищей испытывал к ней жалость.

Да и она сама вовсе не была такой слабой, какой казалась...

– В последний раз тебя спрашиваю, что вы, дахи, ищете в этих краях? – вожак чувствовал, что не добьется от пленницы никакого толка, и продолжал допрос лишь для вида.

Девушка слизнула капельку крови с распухшей губы. Связанными в запястьях руками она все время прикрывала лоно, словно была полностью раздета перед чужаками.

– Ничего вы от меня не узнаете. Все равно убьете. Зачем же мне говорить?

Один из воинов наклонился и дал ей пощечину.

– Что с ней возиться? Попользуемся ею, а потом кончим и уберемся отсюда.

– Сначала надо вытянуть из нее хоть что-нибудь, – предложил другой.

– Пытать ее надо потом, чтобы не испачкаться, – поправил его первый. – А сейчас она такая свежая...

Кардат отодвинул его в сторону, подошел к пленнице и присел рядом с ней на корточки.

– Мы не звери, – сказал он, проведя рукой по ее обтянутому замшей колену. – Но ты сама не оставляешь нам выбора. Твои ответы делают честь твоему мужеству, а не уму. Мы ведь знаем, что о нужно вашему племени в этой стране. И ты знаешь, что мы это знаем. Почему тогда упорствуешь?

– А зачем же вы спрашиваете, если знаете? – усмехнулась девушка.

– Затем, что ждем от тебя ответа, где вы ищете это, – опять подключился вожак. – И где еще собираетесь искать.

– Выжить-то все равно не удастся, – повторила свою мысль пленница. – Если я не скажу вам ничего, то попаду в рай. А если предам своих – в ад.

– Мы тебе сейчас устроим ад здесь, на земле, – ухмыльнулся тот, кто упоминал о пытке.

– Это нам ничего даст, – сказал Кардат, вставая. – Может, ей известна только жалкая крупица тайны.

Вожак внимательно посмотрел на Кардата. Молодому воину он доверял больше, чем другим. Хотя, наверное, тот и не подозревает, что сам знает лишь небольшую часть того, что скрывает эта страна.

– По крупицам и копится великое сокровище, – возразил Кардату главарь. – Что ты предлагаешь?

– Надо оставить ее как заложницу. На всякий случай.

– А если она убежит? – покачал головой вожак.

– Я буду сторожить ее. И ручаюсь, что это ей не удастся.

Главарь широкими плечами оттеснил от пленницы тех воинов, что жаждали насилия.

– Зря ты нам попалась. Что же теперь делать с тобой? – спросил он девушку безо всякой злобы или насмешки. На этот раз вожак вовсе не нуждался в ее ответе...

Сам он – командир отряда племени и с е д о в – тоже знал не так уж много. Не знали, судя по их поискам наугад, и сородичи пленницы – дахи. Видимо, древние секреты этой земли толком вообще не знает никто. А значит, долго еще придется проливать кровь, чужую и свою, чтобы из добытых сведений, как из кусочков руды, выплавить то, что поможет это заполнить.

Но оно стоит того.

Главарь снова поглядел на Кардата, которого ценил за сообразительность и чутье. Не зря он взял с собой этого молодого бойца. Всю долгую дорогу в тыл дахского войска тот давал ценные советы. Может, с его помощью и удастся выполнить задание. Выжить-то все равно не удастся, как сказала пленница.

Увлечись, вожак и не заметил, что последние слова он произнес вслух. А это было уже ни к чему. И без того слишком многие чувствуют, что их отряд обречен. Особенно после того, как эта самая девушка и ее подруги по дозору, уходя от погони, перестреляли из своих маленьких луков столько лошадей под воинами и ранили столько бойцов...

Александр Владимирович Кондратьев (псевдоним Алекс Кондор) – специалист по вопросам управления и оздоровительным системам, преподаватель Челябинской медицинской академии. Его alter ego – история древних культур. Собрал по этой теме большую библиотеку книг и статей. Будучи давним поклонником «Уральского следопыта», специально для любимого издания подготовил журнальный вариант своего остросюжетного исторического романа. Рисунки (некоторые в скифском стиле) выполнены автором.

– Ты доблестно билась и сейчас не дрожишь, – похвалил главарь пленницу. – Не бойся, никто не тронет твою чистоту, – он положил свою тяжелую ладонь на ее непокрытую голову. – Ты заслужила достойного мужчину, а не этих буянов. У тебя когда-нибудь будет прекрасный муж.

– И она родит ему ребенка – еще одного воина их проклятого племени? – возмутился тот исед, что предлагал пытку. Он успокоился лишь тогда, когда увидел: командир берется второй рукой за эфес кинжала.

Пленница тоже заметила этот страшный жест. Она подняла голову. Девушка действительно не дрожала, хотя ей было холодно в этот жаркий день.

– Ты имеешь в виду того мужа, которого я найду в райском саду?

Кардат, не мигая, посмотрел прямо в глаза командир.

– Многие из нас потеряли близких на этой войне, и мы ненавидим дахов за это, – проговорил молодой исед. – Но вспомните: Богиня-Мать запрещает нам приносить в жертву самок животных и есть их мясо. Животворная цепь не должна прерываться, дабы земля не обратилась в пустыню. Только случайно, во время охоты, или защищаясь в бою, можно убивать существа женского пола. Нарушитель этого обычая навлечет на себя гнев Матери-Природы: она поразит его детородные органы и лишит удачи на всю жизнь. А теперь скажите: кто из вас осмелится нарушить веление великой богини?

Вожак не отвел взора.

– Это уже не имеет значения, Кардат, – устало сказал он. – Оставлять пленницу с нами опасно. Особенно теперь, когда дахи начнут облаву на нас. И отпускать нельзя: с ее помощью враги могут догадаться, для чего мы сюда пришли. Ради блага нашего племени придется отправить ее душу на суд Митры.

– Тогда пусть это сделают не наши руки, – заявил Кардат. – Я предлагаю...

«Когда Траитауна, великий герой древних ариев¹, поразил трехпастого дракона Аджи Дахаку, в награду ему досталась не только царская власть, но и две юные девы, наложницы побежденного чудовища.

Они принесли прославленному змееборцу трех сыновей.

Младший – возглавил тех ариев, что покинули землю предков и ушли вперед, к полдню, против нити солнца. Средний из братьев повел соратников в необъятные степи востока. Первенец Траитауны взял путь на вечернюю звезду. Так арии расселились по беспредельной равнине, получившей название Арийский Простор.

Но в царской семье была еще и дочь, которая появилась на свет раньше других детей этого знаменитого рода. Прелестью лица и тонкостью стана она походила на богиню любви Анахиту. Стрелы свои

царевна метала без промаха, словно их направлял тысячеглазый бог света Митра. Ее колесница всегда приходила первой на скачках и, по древнему обычаю, как самая искусная возница, она могла выбирать себе любого мужчину, когда захочет.

Силою духа царская дочь не уступала своим братьям; правом старшинства по рождению даже превосходила их, и всем была хороша, вот только...

Вместо ног у нее извивались чешуйчатые хвосты, а из лопаток вырастали две змеи, точь-в-точь, как у дракона Аджи.

Ей покорились дахи – арийский народ, вождем которого был когда-то ее настоящий отец, трехпасть Дахака. Народ, кочующий в тех краях, что до сих пор хранят память о грандиозной битве Добра и Зла...»

– И ты, Утана, такой мудрый и много знающий, веришь этой басне и другим подобным же сказкам про драконов и заколдованных царевен? – с усмешкой спросил молодой всадник другого. – А меня служба в разгульном Вавилоне приучила верить только в моего собственного дракончика, который, наоборот, освободил немало красоток от колдовских чар их мужей!

Утана оставался серьезен.

– Иногда легенда лучше передает смысл событий прошлого, чем сухая хроника, – невозмутимо продолжал он. – Ибо поэт, когда творит сказание, рождает некий мир, и говорит подчас не своими словами, но словами Бога, словами Истины. Кстати, по этому преданию, мы, персы – потомки младшего из сыновей Траитауны и, стало быть, родственники тех самых дахов, к которым и направляется наше посольство.

– Ну, уж нет, упаси нас, всемогущий Ахура-Мазда! Только такой родни мне еще не хватало! – захохотал молодой воин так внезапно и так громко, что вздрогнула даже его лошадь. – Не могу представить себе, Утана, что моим шурином был бы не ты, а какой-нибудь дикарь-кочевник, украшающий сбрую скальпами убитых врагов!

– Ты ошибаешься в оценке этих людей, Арианда, и скоро сам убедишься в этом. Особенно, когда увидишь среди дахов и других обитателей здешних мест самых свободных и смелых женщин во всем мире. Недаром по сей день воспевают прекрасных и гордых воительниц этих племен, которых наши предки называли амаза – великие, амазонки.

– Так что же мы плетемся, словно выхолощенная скотина, которую не тянет ни к чему, кроме сытной еды и покоя? – встrepенулся Арианда. – Пусть меня пронзит стрела Митры, если я не покорю сердце какой-нибудь степной недотроги!.. Быстрее, быстрее! – закричал он, поворачивая к каравану.

Утана не смог удержаться от улыбки, так искренне обрадовался его молодой друг и свойственник последнему сообщению. Любитель (и любимец) «дочерей Анахиты», Арианда был незаменим в

¹ Арии – древние племена, индоиранские по языку. Вошли в состав многих народов Европы и Азии.

бою, но тяготы долгого путешествия переносил с заметным трудом. Проследив за ним почти отеческим взглядом (хотя был всего на десять лет старше), Утана подозвал проводника.

– Итак, Рипейские горы¹ уже близко? – спросил его глава отряда.

Служивший послам могущественной державы купец один лишь раз когда-то побывал здесь, но память – цепкая память торговца – пока не подводила его.

– Если свернуть на заход солнца, всего только два дня пути, – махнул он рукой.

– Наверное, в этой стране и устремляется в небо В ы с о к а я Х а р а? – как бы между прочим задал вопрос Утана. Главный посол никому бы не признался, что для него это был вопрос жизни.

– На моей родине, в Хорезме², никто этого точно не знает, – сказал проводник. – И дахи умалчивают об этом. Зато я слышал, что где-то в этих краях скрыты величайшие ценности мира. «Сокровище сокровищ», как их называют...

– Я предлагаю, – сказал Кардат, – отвезти пленницу в дремучий лес и привязать ее к дереву. Пусть она станет добычей диких зверей. С них и спросит богиня-Мать за гибель человеческой самки.

Тот воин, что настаивал на пытке, скривил губы.

– Надо сорвать с нее одежду, – процедил он. – На ее куртке столько золота, что хватит на всех.

– В какой лес ты ее повезешь? – спросил Кардата вожак. Спросил быстро, давая своим понять, что решение уже принято. – У подножия Рипеев?

– Те места ближе к расположению вражеского отряда. Дахи, наверное, уже прочесывают окрестности в ее поисках, и мы можем на них наткнуться.

– Тогда остаются леса возле того мертвого города³, – командир иседов кивнул на восток. – Ты знаешь туда дорогу, Кардат?

Кардат отрицательно покачал головой.

Воин, требовавший мучений пленницы, злое еще усмехнулся.

– Я помогу ему, – коротко бросил он.

– У нас слишком мало лошадей, и почти все – загнанные. На своем же коне и ее собственном я отвезу дахиянку подальше в чащу, сорву с нее золотые украшения и скоро вернусь. Провожатые мне не нужны.

Сердитый воин, которому не давала покоя полученная в бою с амазонками рана, не унимался.

– Кардат еще толком не вырос, – намекнул он то ли на незрелость молодого иседа, то ли на его невысокий рост. – Но уже хитер, как старый лис. И хочет в одиночку сорвать не столько золото, сколько плод ее юности.

– Что я хочу, знают только боги, – Кардат уже начинал раздражаться. – А делаю я только то, что велит командир.

Вожак поторопился пресечь назревавшую ссору.

– Нам некогда возиться с ней и тратить на нее свои силы, – жестко сказал он тем, кто желал поглотиться над пленницей. – Пора позаботиться о пище и спрятаться от дахов... Встречаемся там, где договорились, Кардат.

– Я поеду с ними, – упрямо заявил озлобленный воин и взобрался на того золотисто-рыжего коня, которого иседа поймали, когда девушка упала во время погони. Однако боевой дахский жеребец резко мотнул головой и вырвал уздечку из раненой руки чужака. Затем скакун вздыбился с пронзительным ржанием, и незадачливый всадник съехал с крупа вниз, как с горки.

– Знать, не судьба тебе мешать Кардату, что бы он ни задумал, – сказал ему вожак под хохот воинов. – Уймись, Вирак: парень еще холост, а ты женат уже по третьему разу.

Он помог горе-наезднику встать и своей железной рукой удержал от избиения коня.

– Кардат и пленница поедут вдвоем: таков мой приказ.

– Это будет роковой ошибкой, – буркнул главищу Вирак. – Мы еще пожалеем об этом. А что касается обеда – давайте зажарим дахиянку.

Командир отмахнулся от него и что-то прошептал на ухо Кардату.

– Скрути ее по рукам и ногам, – уже громче предложил он молодому иседе, который поднял пленницу за связанные запястья и повел ее к лошадям. – И перебрось через конскую спину.

– Это замедлит движение, – возразил Кардат. – А лес не близок.

Он посадил девушку на ее коня, перекинул поводья через голову скакуна и, зажав их в кулаке, запрыгнул на своего жеребца.

– А если она нарочно начнет валиться наземь? – спросил кто-то из воинов. – Будь осторожен, Кардат: дахиянки кусаются, как змеи.

Глядя на пленницу, Кардат похлопал по своему колчану со стрелами.

– Держись крепче, – сказал он ей. – Если упадешь – не поднимешься...

– Сокровище сокровищ?

Утана посмотрел вокруг. Пустынные выцветшие степи не производили впечатления страны сокровищ. Но кто скажет, как должна выглядеть такая страна?

Речная долина, лежавшая между тремя холмами и отдельно стоящей сопкой, показалась ему полем битвы одного великана с трехглавым змеем. Вдали за рекой виднелись какие-то странные светловатые бугры, избороздившие широкий луг между прудами и старицами.

– Это что, какое-то заброшенное селение? – спросил проводника посол. – Не тут ли спрятано твое «сокровище сокровищ»?

¹ Уральский хребет

² Хорезм – древняя страна в северном Туркменистане.

³ Аркаим.

Хорезмиец ответил не раньше, чем справился со своею досадой.

– Здесь покоятся руины крепости какого-то племени древних ариев, – нехотя возвестил он. – Степное городище⁴, одно из многих в этом краю. Больше тысячи лет прошло с тех пор, как люди покинули его.

– Это случилось при Траитауне или его сыновьях?

– Даже самые седые из дахских жрецов не скажут вам этого, как не помнят они и самого имени древнего города.

Окружная, с разрывом, насыпь укрепления и расходящиеся от внутреннего вала, словно от втулки, стены-спицы делали его похожим на огромное колесо, упавшее с небес. При этом оно сплющилось и раскололось.

«Должно быть, светозарный Митра зацепил свою летучую колесницу за Рипейский хребет», – усмехнулся про себя Утана.

– Кочевники остерегаются таких мест, – тихо продолжал хорезмиец, боязливо озираясь по сторонам, будто его мог подслушать кто-то чужой. Но никого не было рядом с ними, кроме подъезжавшего Арианды. А его старший посол никогда не назвал бы чужим, и от него не имел никаких тайн. За исключением одной...

– Мертвые города находятся под запретом хозяев этой страны. Дахские жрецы не разрешают даже подходить к подобным сооружениям, дабы не потревожить спящих там духов.

Утана попытался разглядеть заросшее дерном городище неведомого народа с неизвестной судьбой. Как оно оказалось в этом диком краю?

– А все-таки неплохо было бы осмотреть его вблизи.

– О господин, молю тебя, не стоит нарушать священную тишину пристанища предков, – проговорил проводник, украдкой дотрагиваясь до золотого оберега в виде барана на борту куртки. – Мы можем разгневать всемогущих богов!

– Что нам до заклятий, наложенных колдунами дикарей! – вмешался Арианда. – Тем более что здесь никого нет, – добавил он колебавшемуся

Утане. – Если, конечно, дахи слушаются своих жрецов.

Они подъехали поближе и остановились на возвышении.

С вершины холма хорошо просматривалась все укрепление.

Земляная, с примесью глины, стена, под которой угадывались остатки деревянных конструкций. Схожие по строению стены вытянутых ячеек-домов. Жилища примыкали торцами одни – к наружному ограждению, другие – таким же образом к полуразрушенному валу внутренней цитадели. Третья группа домов была разбросана по всему участку в

беспорядке, оставляя свободной только маленькую площадку почти посредине.

Небольшой – стрела перелетит – городок действительно был пуст. Безжизненной выглядела и вся округа; только величавые журавли – почитаемые ариями птицы – чуть слышно курлыча, парили над долиной.

«Может, – подумал Утана, – мы найдем тут то, что подскажет дорогу к Высокой Харе?»

– Заедем, – решил, наконец, главный посол...

Вцепившись в пламенно-золотую гриву своего коня мертвой хваткой, дахиянка мчалась за со своим конвоиром, который должен был стать ее палачом. До лесов у мертвого города было еще далеко. Но исед вдруг свернул с прямой дороги и направился в рощу на склоне сопки.

Перелесок заканчивался возле скалистой верхушки. В основании гранитного обрыва зияла большая – всадник въедет – пещера. Нет, пожалуй, не въедет: глубина грота всего лишь с полкорпуса коня. Но что все-таки собирается делать исед?

Остановившись, он привязал скакуна дахиянки к одному деревцу, а своего – к другому. И при этом не спускал с нее глаз.

Зайдя в грот, Кардат принялся разгребать кучу крупных камней внутри него, время от времени оборачиваясь на свою пленницу. Когда он разобрал завал, взору девушки открылся какой-то лаз высотой до паха.

– Слезай и иди сюда! – приказал исед. – Быстрее! – угрожающе добавил он, видя, что дахиянка замешкалась.

– Ты хочешь замуровать меня здесь? – спросила она, входя в пещеру.

Не ответив, исед отступил от нее на несколько шагов.

– Лезь! – потребовал он, оглаживая рукоять кинжала. – Иначе...

– Я не хочу умирать в тесном склепе! – гордо проговорила дахиянка. – Лучше убей меня на просторе. Чтобы я видела голубое небо.

– Голубое? – Кардат усмехнулся. Он хотел что-то сказать, но передумал.

– Здесь команду я! – процедил он. – А ты должна слушаться, если тебе дорога если не жизнь, то хотя бы девичья честь.

Какие еще издевательства ожидают ее? Пленнице ничего не оставалось, как подчиниться. Встав на колени, она попыталась протиснуться внутрь длинного узкого хода. И вдруг отпрянула, будто увидев змею.

– Голубая Ветвь! – воскликнула она.

– Вернее то, что от нее осталось, – Кардат был доволен: он сделал все, как велел командир. – Так значит и вы, дахи, тоже знаете о ней?

Упрекая себя за то, что невольно проговорились, амазонка снова заглянула внутрь лаза. На стенке го-

⁴ Кизильское, в 45 км от Аркаима.

лубой краской была нанесена полоска с отростками и двумя кружочками, красным и черным, расположенными на ней один под другим. Вокруг, насколько можно было рассмотреть в тени пещеры, гранитный свод был разбит, так что сохранилась только эта небольшая часть рисунка.

– Нам почти ничего не известно об этом, – проговорила дахиянка, осторожно вылезая назад. На четвереньках, со связанными в запястьях руками это было очень неудобно. Тем более что она изловчилась этими руками прихватить в глубине лаза увесистый камень...

Продолжая пятиться, амазонка кокетливо покачала бедрами. Какому мужчине не захочется подойти поближе? Боковым зрением она заметила, что исед действительно сделал пару шагов к ней. Сейчас ты получишь...

Резко развернувшись, она попыталась ударить его камнем в низ живота. Но враг оказался хитрее. Отбив голенью ее руки, он схватил девушку за волосы, дернул на себя и приставил к виску острие кинжала.

– Хочешь остаться без скальпа?

Намотав на ладонь ее темно-бурый локон, Кардат грубо поднял пленницу и отвел ее к коню, по-прежнему держа кинжал у виска. Вскоре они въехали в рощу и поскакали вниз по склону. Но при этом конь девушки оказался почти вровень с жеребцом иседа. Натянутый конвоиром повод ослаб, и рука его стала теперь досягаема... Пленница тотчас отпустила гриву, наклонилась вперед и схватила кисть Кардата своими связанными руками. В тот же миг она ударила носком ноги иседского скакуна так, что тот рванул в сторону.

Если бы Кардат не разжал пальцы, его рука могла быть вывернута из плечевого сустава. В лучшем случае он просто вылетел бы из седла.

Перехватив у иседа узду, амазонка ловко перебросила ее через голову своего коня и дала резкий посыл вправо.

– Стой, куда ты? – Кардат взялся было за боевой нож для метания.

Началась дикая погоня вокруг деревьев и кустов, когда оба рисковали сломать себе шею при прыжках через поваленные стволы или разбить голову о низкие ветви.

Убрав нож, Кардат бросил аркан, но промахнулся. Тогда он достал лук...

Заметив его приготовления, дахиянка снова свернула в чащу, чтобы сбить врага с прицела. Ветки царапали ее по лицу и грозили выхлестать глаза, но она проламывала дорогу, каким-то чудом удерживаясь на своем седле.

Наконец, беглянка выбралась из рощи. За спиной не было никого. Проскакав еще немного, она завела коня в родник, чтобы тот утолил жажду, и сама ловко, не слезая с седла, зачерпнула пригошню воды.

Впереди простиралась привольная равнина, в которую сзади справа вклинивался невысокий холм.

На нем, словно степная стража, стояла шеренга серых гранитных плит, размером в рост человека. Некоторые из них были повалены, от других остались только врытые в землю обломки, так что все это напоминало раскрошившиеся зубы гигантского дракона. Но драконы никогда не пугали дахиянку. Ведь от драконьего семени она вела свой род.

Амазонка, наконец, поверила в успех.

– Я свободна! – воскликнула она и похлопала коня по рыжей шее. – Спасибо тебе, Арвант. Не зря тебя назвали так – «Резвый»! Ты спас меня от верной смерти. Теперь нам открыт путь к великому сокровищу!

Сквозь слезы она не могла заметить скорчившуюся за одной из плит фигуру Кардата. Тем более она не видела, как исед снова наложил стрелу на лук и натянул тетиву. Расстояние было немалым, но достижимым...

Конный отряд персов и три дюжины навьюченных верблюдов переправились через реку Дахик, когда в ней уже угасал закатный пурпур, нисходивший с далекого венца Рипейских гор.

Взяв с собою проводника и несколько копьеносцев, послы отделились от каравана и поскакали к оплывшим валам крепости, обходя озерца и протоки. Подхлестывая лошадей, они резвой рысью обогнули весь городок вдоль обводного рва в поисках удобного въезда.

Мутная лужа на дне канавы едва не забрызгала войлочный плащ Утаны, почти целиком закрывавший всадника, пока посол не выбрался на узенькую полуразрушенную перемышку, которая вела к воротам. Этот перешеек почему-то напомнил ему Мост-Разлучитель в загробном мире.

Вблизи окружного вала стало ясно, что преодолеть проход в крепость верхом не удастся из-за осыпей. Всем пришлось спешиться и отдать поводья одному из воинов. Остальные приостановились на против разрыва в стене.

– Во имя Ахура-Мазды, Митры и Анахиты! – главный посол не без некоей торжественности готовился вступить в этот иссякший родник арийской культуры, где, может быть, жили в давние времена его предки.

Для Арианды же это было просто редкое развлечение на утомительном пути. Он насмешливо кивнул шурина на хорезмийца, бормотавшего себе под нос молитвы. Видя, что Утана медлит в задумчивости, молодой перс пожал плечами, оттеснил проводника и первым вступил в объятый тысячелетним сном город.

В степи гудел суховей, здесь же путников сразу охватило и отгородило от остального мира вязкое, загадочное безмолвие. Темнеющий проулок затягивал их вглубь холмистого лабиринта. Выступы грунта повторяли очертания прижавшихся друг к другу строений, но только размыто и сглаженно: так ребенок, играя, строит из песка замок – зыбкий слепок реального.

Утана развязал свой башлык и ослабил на шее шнуры плаща: кажется, самый воздух здесь, душный и прелый, сдавлен тяжестью минувших веков.

– Забытый город, забытые герои, – прошептал посланец. – А нас вспомнит кто-нибудь через одну или две тысячи лет?

Он обернулся к спутникам. Настороженно озираясь, пробиралась вереница персов по развалам, где им мерещились тени древних ариев. Даже Арианда, обычно беспечный и веселый, не проронил еще ни слова.

«Рассказать ли Арианде о сокровище? То, что поведал хорезмиец?»

Обогнув внутренний вал, к которому примыкали жилища второго круга, персы вышли на незастроенную площадку. Обойдя и этот свободный участок, воины завершили свой спиральный путь к центру городища, которое затягивало их, словно воронка. Они остановились около чернеющей кучки земли, будто бы выброшенной кротом из прорытого хода. Пнув ее, Арианда задел носком что-то твердое. Нагнувшись, он поднял какую-то плоскую белесую вещь.

– Говоришь, больше тысячи лет прошло? – молодой перс поцарапал пальцем кость сложной формы. – А это что? – остатки связок и сухожилий на чьей-то лопатке выглядели совсем свежими. – Кого тут съели: животного или человека? Судя по размеру, это мог быть подросток. Или девушка...

Ответ ему дал не хорезмиец. По звуку голоса Арианды, словно по команде, сразу во многих местах вдруг разверзлась земля, которая обволакивала фасады домов. Как скорлупа, разбиваемая изнутри, откинулись пласты дерна, и за ними проступили темные, зловещие фигуры.

В первый момент посланец показалось, что со шкур этих существ ключьями свисает вылезающая шерсть. Но нет – это прилипшие корни разнотравья подобно бахромке «обшивали» мешковатые кожаные одежды и колпаки восставших из могил. Застывшие, как изваяния в храмовых нишах, эти нелюди стояли черной цепью. Стояли, натянув луки прямо на замерших в таком же оцепенении персов.

– Души умерших! – в ужасе прошептал проводник. – Нам конец!

И, словно подтверждая это, с легким свистом воткнулась в его грудь, рядом с амулетом, оперенная стрела...

Амазонка погоняла коня, хотя за спиной ничего не было. Только русло Дахика на пути смогло ее слегка притормозить. Именно слегка: на скаку, не слезая с мягкого седла, она ловко стянула куртку и штаны, свернула их и подняла повыше, прежде чем ринуться в волны.

Темные волосы и смугловатая кожа отличали ее от большинства соплеменниц, и загадка происхождения этой дахиянки волновала не только ее саму. Наверное, все это было известно только всеведущему

Митре, взиравшему с небес на плывущее тело девушки – самое прекрасное зрелище из всех, доступных бессмертным и смертным.

Впрочем, богу света она, должно быть, казалась с небес маленькой веточкой, уносимой течением. Веткой в голубой воде.

– Зачем, – вдруг сказала дахиянка, – иссед показал мне Голубую Ветвь?

На ее голос конь, плывший рядом, повернул голову.

– Только ты, Арвант, знаешь, что я пообещала отдать свою руку тому, кто разгадает тайну Голубой Ветви.

Но сколько еще придется вытерпеть, прежде чем она обретет великое сокровище? Неужели ее ждет новое испытание? Там, на встречном берегу, где уже клубится пыль из-под копыт и слышен топот то ли дикого табуна, то ли конного отряда?..

Ожил мертвый город; тихие улицы его наполнились звоном оружия и криками воинов. Ожил мертвый город, и тотчас принес смерть живым. Проводник, не зря чуявший недоброе, погиб сразу. Остальных, видимо, ждала та же участь: персы оказались окружены неведомыми, будто рожденными самой землей, врагами.

– Стоять! – услышал Утана чей-то грозный возглас. Но, повинувшись боевому инстинкту, он с кувырьком бросился вперед, на ходу выхватывая меч из ножен. Арианда повторял все его движения; трое персидских воинов успели прикрыть посланца спины прежде, чем сами были истыканы стрелами.

Друзья в два удара расправились с двумя врагами. Сраженные ими противники, брызгая струями крови, столкнулись с подбегавшими на выручку. Эта заминка и спасла обоих посланцев. Воспользовавшись замешательством врагов, Утана прижался спиной к валу и подставил плечи, по которым более подвижный и свободный от доспехов Арианда одним махом взобрался наверх и протянул руку шурина, на которого уже наседали убийцы, вооруженные кинжалами.

– Держись, друг! – мощным рывком молодой перс буквально выдернул Утану из вражеских клещей. В этот момент снова прозвучал чей-то приказ, и дюжина стрел с разных концов устремилась в посланцев.

Брошенный плащ Утаны прикрыл друзей, как полог. Съехав с вала, послы понеслись наугад к выходу из города. В сумрачной суматохе они успели вскарабкаться на стенку дома, примыкавшего к внешнему ограждению. Согнувшись в три погибели, персы пробежали по гребню до наружной стены. Услышав снова свист стрел за спиной, они дружно спрыгнули в глубокий ров.

Более тяжелый Утана при падении подвернул ногу и захромал. Его задержка дорого обошлась беглецам, когда следом посыпались разозленные полученным отпором головорезы.

Один из нападавших бросился к воину, сторожившему коней, и метнул нож прямо в грудь персу. Однако лошадей ему поймать не удалось, и он, услышав окрик вожака – «Кардат!», поспешил к тем, кто дрался с посланцами.

Но и без его участия там, на дне рва, персам приходилось туго. Они сражались спина к спине, отбиваясь при случае и ногами, и кулаками. Но врагов иседов было слишком много, и кинжалами им было легче биться в тесноте рва, чем персам – мечами. Несмотря на воинскую выучку и мужество послов, минуты их, видимо, были уже сочтены. Впрочем, Утана еще мог рассчитывать на снисхождение, если правильно разобрал чей-то возглас:

– Главного – живым!

Арианда, обмотав свой плащ вокруг левой руки, отмахивался им от жалящих лезвий. Но на какой-то миг дрогнуло неустранимое сердце молодого перса, когда вперед, отстранив своих, чтобы не мешали, вышел воин огромного роста и свирепого вида. Это был сам вожак иседов.

Одно движение его секиры – и меч посла выбит из рук, а сам Арианда отмашкой обуха-молотка по голове опрокинут в стылую лужу. Очнувшись, он увидел занесенное над ним тусклое медное лезвие и лицо врага, искаженное как гримасой, так и боевой раскраской. Оглушенный Арианда не в силах был ни защищаться, ни позвать друга на помощь.

«Так вот он какой – Дух смерти, – только и успел подумать молодой посол. – Как говорит Утана, если есть ад, то он среди грязи и холода...»

Вожак иседов вдруг выпустил топор и рухнул на Арианду, раскинув руки, словно решил не убивать его, а по-дружески обнять. Что-то липкое и соленое брызнуло прямо в рот молодому послу, и это привело его в чувство. Но не от злости, которая почему-то исчезла, а лишь из отвращения он оттолкнул врага. Арианда услышал откуда-то с небес радостный возглас, на удивление тонкий, но глаза его еще были прикованы к сраженному кем-то противнику.

Орлиные перья стрелы, пригвоздившей к шее гиганта его шапку, торчали нелепым хохолком из затылка; пучки длинных волос тонули в кровавой жиже. Зрачок сверкнул и погас. Невидящим взором уставился на молодого перса тот, кто еще недавно казался воплощением варварской мощи.

Но – бог с ним! Пусть его душу судит Митра на Мосту-Разлучителе.

Край обрыва и сумеречное небо озаряла девушка в ало-золотом наряде, на вздыбленном рыжем скакуне – неожиданная, прекрасная и грозная, как молния. Уже не беглянка – воительница с двугорбым луком в руке и колчаном, полным смертоносных стрел.

Увидев ее, Кардат занес было руку с метательным ножом, но тут же опустил, сам еще не понимая, почему. А ведь она только что убила того, кто заметил ему отца...

Амазонка во всем ее блеске и удали возвышалась над воинами, живыми и мертвыми. А за нею уже с воинственным кличем «м а р г а, м а р г а (убивай)!» разворачивалась неуправляемая дахская конница, и теперь иседам оставалось только бросить оружие и молить о пощаде...

(Продолжение следует)

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОНЧАРОВА Ольга Львовна (урожд. Чебышева), авт. популярных книжек.

Сестра изв. математика. Авт. кн. «Тысяча восемьсот двенадцатый год» М., 1867 – Рец. в Руководстве для сельских пастырей. 1868. № 44.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ГОПНЕР Серафима Ильинична (1880 – 1966), авт. воспоминаний.

Член РСДРП, большевичка. Оставила воспоминания о В.И. Ленине в кн. «Воспоминания о В.И. Ленине» в 5 тт. Т.2. – изд. М., 1979. Напис. также «Человек будущего» в кн. «Товарищ Артем: Воспоминания о Федоре Андреевиче Сергееве (Артеме)». Харьков, 1975, с. 22-24. Авт. ст. «Большевики Екатеринослава в 1905 г.: (Из воспоминаний)». – «Вопросы истории», 1955, № 3, с. 24-31. Ее выступление есть в кн. «%» лет первой русской революции» М., 1956. В журн. «Молодой коммунист» (1955. № 9) напеч. ее «Воспоминания: К 50-летию первой русской революции». В журн. «Летопись революции» (1923. № 2, с. 136-245) – «1916 г. в Екатеринославе».

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ имен.

ГОРАЙСКАЯ С.Ф. (псевд. Северская), драматург, переводчица (1890).

Масанов; Венгеров, Источ.

ГОРБАТОВА-ДОБРОВОЛЬСКАЯ (Первухина) Наталья Яковлевна.

Сотр. журн. «Театр в карикатурах» (1913) – Е.Д.И. Масанов.

ГОРБАТОВСКАЯ Любовь Аркадьевна (псевд. Невская, Л.), член Московского об-ва драматических писателей.

Масанов.

ГОРБАЧЕВА Варвара Николаевна (псевд. Арбачева, В.), писательница.

Масанов.

ГОРБОВА Н.

Авт. кн. «Священная история ветхого завета» (М., 1904); «О внешних приемах воспитания в народной школе». М., 1915 (1-е изд., М., 1904).

ГОРБОВА София Николаевна (1891 – 1982), сост. учебных пособий.

Сестра милосердия, церковный деятель. Сост. учебник Ветхого завета (М., 1904). Попечительница Мариинского приюта в Москве. В 1914 вступила в Российский Красный Крест. В качестве сестры милосердия участвовала во Второй мировой войне в Сербии. В 1920 эмигрировала в Германию, затем во Францию. Более 30 лет руководила секретариатом Епархиального управления.

РЗФ; Венгеров, Источ.

ГОРБОВА Софья Николаевна, драматич. писательница.

Венгеров, Источ.

Продолжение в следующем номере

Ученый без противогаза

Услышал я эту историю в то время, когда газеты пестрели сообщениями о так называемой красной ртути. Печатались простарные статьи, доказывающие подлинность ее существования, создавались художественные телефильмы, в основе которых лежала красная ртуть. Однако вскоре именитые ученые опровергли факт существования этого вещества и разговоры поутихли.

Если быть точным, то мои строки не столько история изобретения, сколько штрихи биографии человека, который изобрел в начале 30-х годов прошлого столетия новую, для того времени, технологию производства красного фосфора, использующегося в военной технике в качестве компонента некоторых сплавов с высокой температурой их плавления. В силу жизненных обстоятельств изобретатель имел прямое отношение к Кировграду, небольшому уральскому городу металлургов в Свердловской области.

Из диплома, который лежит передо мной, видно, что Максим Дмитриевич Сенилов в 1965 году окончил с отличием Петроградский технологический институт Императора Николая I «Техноложку» и, был удостоен звания инженера-технолога по химическому отделению.

Самородки на Руси всегда были и поэтому не приходится удивляться, что человек крестьянского происхождения получил высшее образование в императорской «Техноложке» - очень престижном учебном заведении Царской России, куда многим путь был заказан. Стремление молодых людей низкого сословия учиться не особенно поощрялось, да и счастливым, порой, не всегда хватало для учебы упорства, ума и, конечно, денег. Так или иначе, но двадцативосьмилетний Сенилов стал инженером и по всему видно, что неплохим.

Дальнейшая судьба его неизвестна, а жизненный путь начался лишь с конца 20-х годов, когда он работал в городе Чернореченске (сейчас Дзержинск на Оке) в качестве начальника цеха на химическом комбинате имени Калинина. Там Сенилов проявил себя крупным специалистом по фосфорному производству.

После многих опытов, проведенных вместе с товарищем, он изобретает новый способ получения красного фосфора, в результате чего Советский Союз избавился от

надобности ввозить это вещество, столь необходимое в металлургии, из-за рубежа.

Информация об этом попадает в один из зарубежных академических журналов, и учеными начинают (со слов Сенилова) интересоваться иностранные разведки. Промышленный шпионаж был всегда, а здесь еще и военная ориентация новинки. Это обстоятельство вызывает интерес и у органов НКВД, а время было известно какое. Но что-то мешает упрятать изобретателя в ГУЛАГ. После многочисленных обысков в квартире (искали патент и записи опытов – неизвестно для чего) ученого переводят в Калату (Кировград) на химзавод, который уже тогда считался секретным.

Пропуска требовались не только при входе на завод, но и в каждый отдельно взятый цех. Конечно, по тому времени о здоровье людей никто не заботился, вентиляционные системы были слабыми и все поголовно, носили противогазы. Снять защитное средство было смерти подобно.

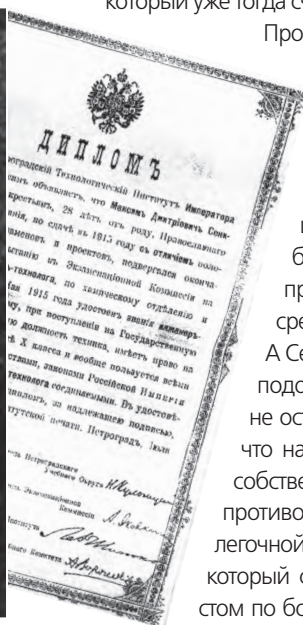
А Сенилов уже настолько устал от подозрений НКВД (это ведомство не оставляло его в покое и здесь), что на все махнул рукой, даже на собственную жизнь. Стал ходить без противогаза, вследствие чего заболел легочной болезнью. Поехал к тестю, который считался крупным специалистом по болезням легких, но тот спасти зятя уже не смог – он умер в 1938 году в

Бийском туберкулезном диспансере, где и похоронен.

Жена его, Елена Яковлевна, долгие годы жила в Кировграде, учительствовала в школе рабочей молодежи, в техникуме дочь Ирина вышла замуж за инженера-металлурга, работавшего на медеплавильном комбинате. А внучка известного во всем мире инженера трудилась в энергоцехе медькомбината уборщицей.

И все же не у всех людей короткая память. В газете «Совершенно секретно» написали о Максиме Дмитриевиче Сенилове и о его открытии, а не так давно Ирине Максимовне, пришло письмо из города Дзержинска. Там помнят Сенилова, портрет его висит на почетном месте. Пишут, чтобы родственники гордились им. А вот судьба патента и бумаг так и осталась неизвестной.

(Автор заранее приносит извинения за возможные неточности технического и хронологического характера и выражает благодарность Артуру Николаевичу Оглоблину, родственнику И.Д. Сенилова, сыну одного из известных «красных директоров», за воспоминания и предоставленные документы).

Рубрику представляет Уральский геологический музей
Владимир АВДОНИН, г. Екатеринбург

Гранаты - ветераны минерального царства

«Урал,—писал Д.И. Мамин-Сибиряк,—является одаренным природой с безумной щедростью — нигде в целом свете не встречалось такого разнообразия минералов на таком сравнительно ограниченном пространстве и в таких мощных формах».

Можно действительно сказать, что нет места на Урале, которое не было бы интересным в минералогическом отношении. Везде встречаются минералы, заслуживающие интереса, как любителя, так и профессионала. Длительность и сложность геологического развития Уральской горной системы, и исключительное разнообразие протекавших здесь минералообразующих процессов привели к формированию уникального скопления минералов, заслуживающих особого внимания.

Не составит большого труда в районе оз. Шарташ найти кристаллы пирита, горного хрусталя, а в шарташских каменоломнях — галенит, блеклую руду, цинковую обманку или кристаллы шеелита. Посмотрите каменоломни Уктусских гор, карьеры поселка Рудный — и вы найдете там десятки различных минералов. Подобные примеры можно приводить и приводить... Мы отметим еще один — это вблизи пос.

Верхняя Сысерть. Здесь, на так называемой гранатовой горке можно познакомиться с кристаллами граната, найти и образцы и образования, которые неоспоримо являются самыми привлекательными и удивительными действиями природы. Природа щедрой рукой разбросала по горам Урала различные минералы, в том числе поделочные, драгоценные, просто коллекционные... камни.

Древнейшими самоцветами являются гранаты, шпинели, рубин и сапфир. Красивоокрашенные кристаллы этих минералов сопровождают человека на всем пути его исторического развития.

Теофраст (372–287 г.г. до н.э.) — любимый ученик Аристотеля в трактате «о камнях» приводит под названием «антракс» «обозначения прозрачного драгоценного камня красного цвета. Впервые в качестве названия самоцвета оно было употреблено Аристотелем, который говорил: «камень—печатей, называемый антракс, есть наименьший из всех камней, притворяющийся огнем». Однако Теофраст первым дал описание деталей, благодаря которым, камень может быть диагностирован. Хотя «антракс», видимо был групповым

названием, равно приложим к рубину, к красной шпинели и красному гранату, его использование ясно доказывает, что во времена Теофраста, камень, обозначаемый этим именем, был всегда красным гранатом.

И на Руси, в лечебнике 1672 г. может быть, впервые на русском языке появилось слово «гранат». Оно тут же объяснено: «гранат, а по—русски виниса камень, веселит сердце человеческое и кручину отдаляет». Слово «вениса» (виниса) от персидского «бенефсе»—фиолетовый, т.к. красный цвет граната не лишен фиолетового оттенка.

С далеких времен известны необычайные способности красного граната электризоваться при трении, известные у янтаря с глубокой древности (литературой засвидетельствовано у Фалеса в VI в. до н.э.). Так, Плиний Старший, описывая свойства граната, отмечает: «Говорят, что он, будучи разгорячен солнцем или потерт пальцами, притягивает мелкую солому и листочки бумаги». В античные и более поздние времена это свойство находило применение при оценке качества камня. «Самые твердые, крупные камни, которые с небольшой силой притягивают пушок, сощипанный с перьев

Владимир Авдонин — старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

птиц, являются самыми ценными». Ныне, этот практическое и легко выполнимое испытание и признак качества, высказанный великим минералогом и геммологом Беруни, по-видимому, забыли.

Вернемся на родной Урал..., где красный гранат (альмандин) известен с 1773 г., с тех пор как, Паллас П.С. во время своего путешествия по разным местам государства Российского нашел этот минерал на горе Шишка – вблизи деревни Кундрава Чебаркульского района Челябинской области.

Немного минералогии:

Группа граната насчитывает восемь главных, наиболее известных представителей. Это: альмандин, спессартин, пироп, гроссуляр, андрадит, уваровит. Все они являются кубическими минералами и представляют собой, – как это отмечают ученые – кристаллографы, – великолепный пример различных типов координации атомов (Fe, Al, Mn, Cu, Cr, Mg) в одной и той же структуре.

Природа придала им собственные облики, которые заменяют им наши характеры, с тем, что бы их можно было различать. Один и тот же минерал, но из разных месторождений может иметь свои индивидуальные особенности, это в какой-то степени затрудняет их узнавание, но с другой стороны, опытному минералогу эти дополнительные индивидуальные особенности помогут установить месторождение, из которого данный минерал происходит.

В целом, гранатам принадлежит важное место в минералогическом царстве, но каждый из них в нем, как правило, играет собственную роль. Альмандин – железо-глиноземистый по составу гранат – на Урале самый распространенный. Мы уже отмечали, что это его кристаллы – крупные и хорошо образованные в форме ромбододекаэдров, можно найти вблизи Верхней Сысерти и ряде других мест Урала. Наиболее ценными

и наиболее редкими – не только на Урале, но и в мире будут уваровит и демантоид – благородная разновидность андрадита. И не надо забывать: они впервые для всего мира были найдены на Урале!

Вот мы и добрались до наиболее ценных гранатов. И как тут не вспомнить «*Omnia praeclara rara*» («Все прекрасное – редко», Цицерон 106–43 г.г. до н.э.).

Уваровит – красивый и редкий представитель гранатов. В 1832 г. академик Санкт-Петербургской Академии наук Г.И. Гесс испытывает минерал, находящийся в собрании Минералогического общества. Он нашел, что испытываемый минерал отличается от всех известных, и предложил его назвать уваровитом, в честь управляющего министерством народного просвещения, президента Академии наук и почетного члена минералогического общества Сергея Семеновича Уварова (1788–1855).

История открытия уваровита весьма романтична, т.к. первоначально он был принят за диоптаз – водный силикат меди. Вот как это описывает А.Д. Тонков – один из минералогов того времени. «... с давнего времени хранящийся образец минерала в кабинете минералогического общества весьма любопытным был. Кристаллы его имеют чистый изумрудный цвет и окристаллизованы додекаэдрами и ромбоидальными плоскостями, подобно Венесе. Сими признаками он сходствует с диоптазом или ашаритом, который заключается в известняке и привозится из Киргизской степи. Кристаллы минерала из кабинета минералогического общества, при сходстве их по цвету и виду с диоптазом заключаются на хромовокислом железе» (хромите).

На одной из минералогических лекций, читаемой И.Г. Гессом в июле 1831 г. слушателям демонстрировались алмазы, найденные в Бисерском заводе графини Полье. На этой лекции учитель минералогии при гор-

ном кадетском корпусе В.В. Нефедьев представил слушателям образец минерала зеленого цвета на хромовокислом железе. И некоторые из них назвали его диоптазом. Но члены минералогического общества предложили испытать мнимый диоптаз, находящийся в кабинете общества Г.И. Гессу. Гесс, испытывая минерал, не нашел в нем ни меди, ни воды (как у диоптаза). О своем примечательном исследовании Гесс незадолго до новых находок уваровита на Урале сообщал: «Судя по реакции, перед паяльной трубкой, уваровит представляет те же отношения, что гранат; с этим же последним он имеет большую твердость и труднее плавиться». Тоненький осколок минерала... при самом сильном нагревании нисколько не плавится и не изменяет ни своего цвета, ни степени своей прозрачности. Оказалось: «... уваровит, есть нечто иное, как весьма интересное видоизменение граната, а именно известково-хромистый гранат».

Вновь обратимся к высказываниям А. Тонкова: «Сей минерал имеет первообразную форму – ромбический додекаэдр, как и Венисы, но отличается от одной своим красивым цветом и зависящим от хромия, и неплавкостью. Если сие ископаемое и относится к венесе, то, по крайней мере, вероятно, что оно составляет особую породу. Красивый цвет, прозрачность, твердость и огнепостоянство обещают место оному между драгоценными камнями, и, кажется, если отыщутся образцы большой величины, то сей минерал войдет в сообщество с самым красивым изумрудом». А.Е. Ферсман не был равнодушен к уваровиту: «... было бы все же неправильным не обратить внимание на этот минерал, в огранке представляющий первоклассный камень, способный конкурировать с лучшими изумрудами, однако, – как отмечает А.Е. Ферсман, – «...до настоящего времени мне известно лишь

несколько отдельных попыток гранить маленькие додекаэдры этого красивого камня». К сожалению, крупные кристаллы уваровита не отыскались.

По данным О.К. Иванова уваровит на Урале встречается в Верхневинском, Алапаевском, Тагильском массивах. Но классическим месторождением уваровита на Урале является Сарановское – в Пермской области; отсюда штуфы, отличающиеся изяществом и красотой. Образцы уваровита из этого месторождения вместе с кальцитом, кеммереритом, титанитом, шуйскитом и др. минералами украшают собрания всех крупнейших минералогических музеев не только России, но и мира.

Демантоид – самый ценный камень из группы граната. По своей природе – это благородная разновидность довольно широко распространенного андрадита – железо–кальциевого граната. Окраска демантоида – изумрудно–зеленая, обуслов-

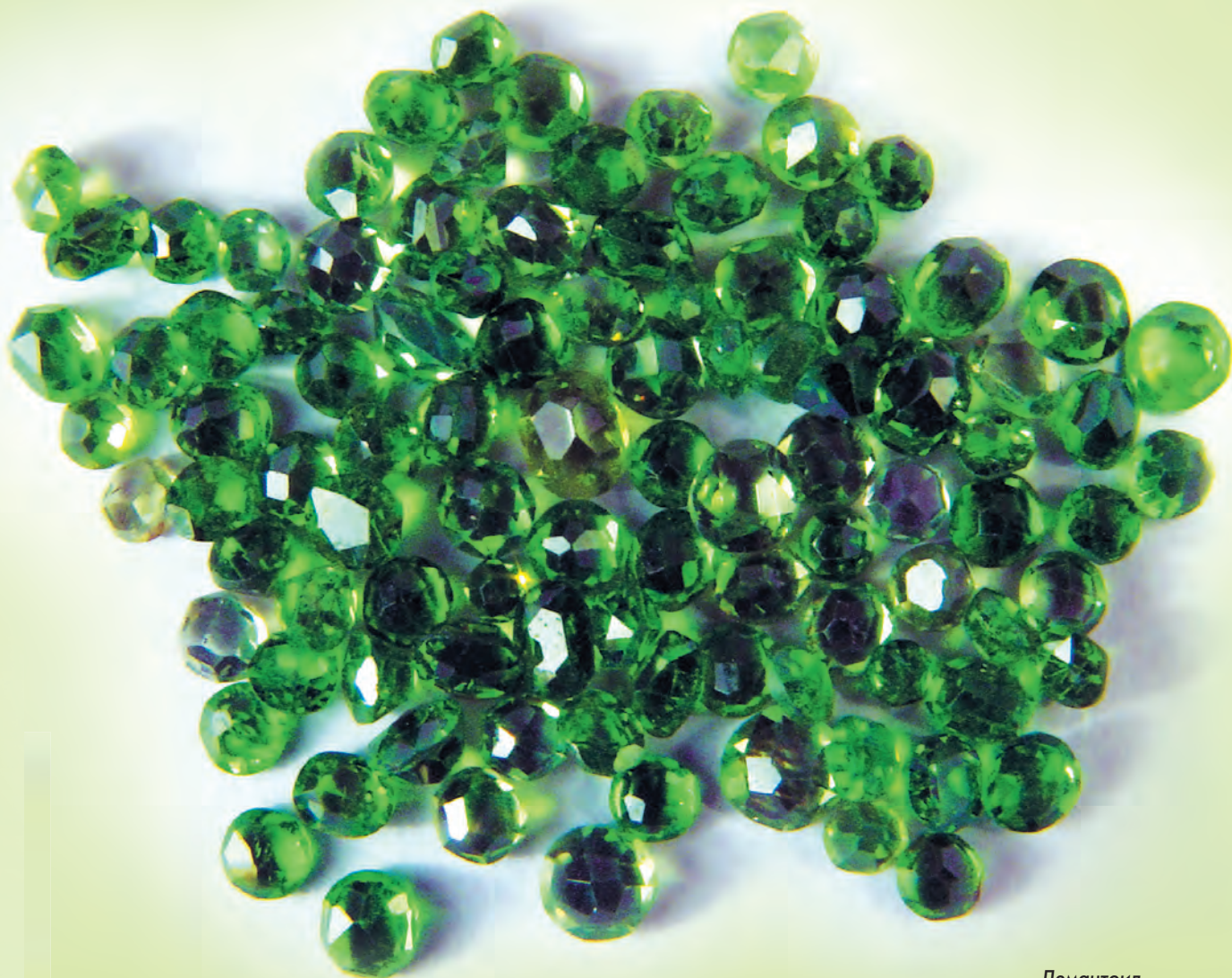
лена незначительной примесью трехвалентного хрома. В некоторых индивидах обнаруживается присутствие титана – это придает минералу желтоватый оттенок.

Демантоид – необычайно редкий минерал; в природе он встречается гораздо реже, чем, например, изумруд или алмаз. Это исконно уральский минерал и впервые стал известен с середины 50–ых годов XIX столетия. Летом 1853 г. Нильс Густав Норденшельд – минералогическое исследование, которого принесли ему всемирную известность, и его сын Адольф Эрик, только что успешно окончивший Гельсингфорский университет, отправились в путешествие по России. Летом они уже были на Урале, где основное внимание уделили изучению железных и медных Нижне–Тагильских рудников, принадлежащих Демидову. В эти годы жители села Елизаветинского мыли золото на речке Бобровке. Мелкие зеленые камешки с сильным блеском из

россыпи оказались в руках Нильса Густава Норденшельда, он по достоинству оценил находку, и минерал получил название демантоид – «алмазоподобный» за сильный блеск и изумрудно–зеленую окраску.

Нильс Густав передал зерна демантоида в музей Петербургского горного института. Спустя несколько лет было открыто впервые на Урале месторождение демантоида и тоже в россыпях р. Бобровки к юго–западу от села Полдневского Сысертского горного округа. Честь открытия принадлежит большому знатоку и любителю уральского камня А.В. Калугину. По–видимому, он не знал об открытии в Елизаветинской Бобровке и назвал его по–своему – «хризолит». Под этим именем он был известен среди горщиков и старателей Урала. На рубеже XIX–XX в.в. из золотоносной россыпи в 25 км и юго–западнее Нижнего Тагила велась добыча демантоида до 100 кг в год. Долгое время де-

Демантоид

мантоид был камнем экспорта Екатеринбургской гранильной фабрики. Отсюда были получены уникальные кристаллы массой 149 и 2525 карата. Судьба их не известна. Средний вес зерна демантоида всего лишь 1,75 карата (350 миллиграммов). В последующие годы находки демантоида были сделаны и в других метлах России и мира, но уральские месторождения, расположенные в Свердловской области, по-прежнему остаются наилучшими из всех известных.

Заканчивая коротенький рассказ о двух наиболее ценных и интересных гранатах, Родиной которых являются уральские горы, и с судьбой одного из них соприкасается нелегкий и удивительно интересный жизненный путь Анатолия Ивановича Александрова (1911–

2000) – действительного члена Всероссийского минералогического общества, известного специалиста по геологии, прогнозированию и поискам месторождений золота, платины и алмазов. Примечательным шагом в путеводной звезде этого геолога является его безвозмездный дар в 1995 г. кафедре Минералогии, петрографии и геохимии УГГУ крупного кристалла демантоида массой 63,45 карата (12,25 г.). Этот кристалл был найден им лично в одном из логов нижнетагильского массива. Образец является уникальным. Он внесен в главный регистр драгоценных камней Урала. Необходимо отметить, что подобных индивидов демантоида, когда-либо найденных в районе одного из первых месторождений это-

го минерала нет в экспозиции Алмазного Фонда, ни в музее им. А.Е. Ферсмана в Москве, ни в Уральском геологическом музее.

В настоящее время этот кристалл – уникал одного из красивейших и эффектных минералов Урала, которым может гордиться Уральская природа, находится на хранении в музее Истории ювелирного и камнерезного искусства Урала. Этому ярко-зеленому кристаллу было присвоено имя «демантоид Александрова».

Дорогой читатель, мы вместе провели небольшой экскурс среди чудных камней Урала. И когда находимся среди них, то удается удовлетворить не только свою любознательность, но и получить большое эстетическое наслаждение.

Михаил ФОНОТОВ
Фото Владимира САДЫРИНА

Обитатель мелководий

Среди трав рогоз — рекордсмен по длине листьев. Их ленточки едва шире карандаша (у узколистного) — могут вытянуться и кверху раскучерявиться на все два метра. А еще зеленая тесьма рогоза имеет обыкновение слегка по спирали скрутиться — чтобы ветер меньше трепал.

А стебель? У кого еще такой стебель — тонкий, прямой, стремительный, очень гибкий? И без единого узла, в отличие, например, от злаков. Ближе к вершине на стебель нанизан бархатистый цилиндр, цветом коричневый, но подчеркнутый, будто малость обгорел над костром. Этот цилиндр — соцветие.

Чем он набит так плотно? Цветками! Правда, каждый цветок — всего лишь пестик, окруженный тонкими щетинками. Не сосчитать, сколько их, цветочков, и все — женские. А мужские — выше, они облепили островец над початком. Как видим, мужские и женские цветки рогоза живут рядом, но не вместе — в одном доме, но на разных этажах. Если при сухой погоде, в затишье, распотрошить зрелый початок, вокруг вас густо закружатся пушинки рогоза. Сколько их? Не сосчитать. Тысячи или, может быть, миллионы. Ничего необычного — не один рогоз среди растений парашютист-десантник.

Там, где урез, где берег сходится с водой, где тихие мелководья, а под слоем воды вязкий ил и липкая грязь, там — рогоз. Так ему хорошо стоять по колено в воде. Его путают то с камышом, то с тростником, но они ему и не родня. Соседи. Правда, живут они сходно. «Держат» берег, чистят воду, укрывают птичьи гнезда, потчуют кабанов корневищами. Кому-то надо жить и так — на границе, между землей и водой.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В краю пяти целебных озер в окружении стройных берёз на берегу озера Подборного стоит молодая красавица — здравница «Урал». Несмотря на свою молодость, известность санатория перешагнула границы родной Челябинской области. Отдыхать здесь любят и уральцы, и жители нашей огромной России.

Лучший отдых на Урале — в санатории «Урал!» — считает киноактриса и режиссер Н. Бондарчук.

На Новый год и каникулы — в «Урал»!

Лучший отдых на Урале — в санатории «Урал!» — считает киноактриса и режиссер Н.Бондарчук, которая ежегодно прилетает из столицы в Челябинскую область на Урал, чтобы поправить свое здоровье. Особенно любит бывать здесь зимой, любит лыжи, кристально чистый воздух и белый снег, и, конечно, полноценное оздоровление и комфортный отдых в условиях лучшей уральской здравницы.

Совместите и вы, уважаемые земляки, приятное с полезным!

Только в «Урале» новогодние праздники удачно и успешно совмещаются с активным отдыхом и лечением.

Не отрываясь от лечебных процедур, можно весело и вкусно встретить Новый год, отметить Рождество, прикоснуться к чудесам Старого Нового года! Это прекрасная возможность провести каникулы всей семьей: порадоваться тесному общению с детьми, посмотреть вместе интересный фильм, спектакль, концерт, натанцеваться досыта, подурачиться вместе с детьми в спортзале, покачать мышцы в тренажерном зале, накататься на

лыжах, коньках, погулять по зимнему лесу! В санатории вы можете очистить организм от шлаков, порадовать свое лицо и тело косметическими процедурами.

Здесь все создано для комфортного отдыха. В едином 7-этажном комплексе находятся гостиница, лечебница, центр питания, спортивный, досугово-информационный центр, бытовые, торговые помещения, бассейн, центр красоты и здоровья, хирургическая клиника. И вам не придется после массажа, ванны или другой процедуры выходить на улицу, чтобы попасть в свой номер, и, если погода вам сегодня не нравится, ее можно просто понаблюдать из окна, а подышать свежим воздухом можно на просторной лоджии.

Сегодня «Урал» уже объявил цены на новогодние праздники и зимние каникулы, составлена развлекательная программа для взрослых и детей. Принимаются заявки и бронируются путевки на индивидуальный и семейный отдых.

Вы еще не решили, где будете встречать Новый год, куда поедете с детьми в каникулы? Отбросьте сомнения.

Лицензия № 0030527, регистрационный номер 74-01-000842 от 29 декабря 2007 г.

Действуют скидки для пенсионеров, бюджетников и студентов.

Звоните нам и заказывайте путевки в любое время:
8 (922) 700-66-09, 8(922) 723-56-96, 8 (922) 708-39-43, 8 (922) 700-66-22, 8 (922) 700-66-28,
8 (908) 080-74-12, (35166) 200-22; 200-23; 200-20, (351) 278-80-94, 278-80-95.

Форма оплаты разная, обо всем договоримся. Мы рядом. Можно на автомобиле. Стоянка есть. Также подробная информация на нашем сайте: www.uralsan.ru

УРАЛЬСКИЙ слесарь

uralstalker.com

ФОТОДУЭЛЬ

ГРАНАТЫ - ВЕТЕРАНЫ

МИНЕРАЛЬНОГО ЦАРСТВА

ГЕОКЭШЕРЫ

УШКОВСКАЯ КАНАВА

**октябрь
2009**

Осенний Екатеринбург

1—4 ноября

«Каменный цветок — 2009» — V Всероссийский фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества, посвященный Дню народного единства
Театр балета «Щелкунчик», Центр культуры «УРАЛ», Камерный театр, ТЮЗ

1 ноября

11:30 ПРЕМЬЕРА: А. Пантыкин. «МЁРТВЫЕ ДУШИ» — «гоголь-моголь в 2-х актах»
Театр музыкальной комедии, пр. Ленина, 47

14:00 «Альтернатива» — II открытый районный фестиваль-конкурс молодежных направлений культуры ЦК «Экран», ул. Грибоедова, 3

18:00 П. Бюльбюль-оглы, балет «Любовь и смерть»
Театр оперы и балета, пр. Ленина, 46а

2—6 ноября

11:00 и 15:30 «Игры на Покров день» — праздничные мероприятия
Музейный центр народного творчества «Гамаюн» ул. Гоголя, 20

3 ноября

12:00 Митинг-встреча творческой интеллигенции, посвященный Дню народного единства
Плотина городского пруда, памятник Д. Н. Мамину-Сибиряку

15:00 Эксклюзивные проекты Театра балета «Щелкунчик» «Карнавал» — балетная сюита
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

4 ноября

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

4 ноября

19:00 Концерт групп «Gothika» (Япония) и «Crazy Juliet» (Украина)
Центр культуры «УРАЛ», ул. Студенческая, 3

5 ноября

15:00 «Разведчики в Афганистане» — выставка из редкого фонда музея
Музей памяти воинов-интернационалистов «Шурави» пр. Космонавтов, 26

5—8, 13, 14, 20 и 21 ноября

«Этапы большого пути» — концертный тур Ансамбля песни и пляски Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа, посвященный 70-летию коллектива
КДЦ «Исток», КЗЦ «Стрела», КДЦ «Дружба», ДК п. Совхозный, ДК «Елизаветинский», ЦК ИИ «Верх-Исетский», ЦКИД «Садовый», ОДО

6 ноября

15:00 «Танцую вместе» — межрегиональный хореографический фестиваль ЦК «Горный щит», с. Горный Щит, ул. Ленина, 12а

17:00 «Яков Свердлов. Иконография» — выставка исторических и художественных ценностей
Музей истории Екатеринбурга, ул. К. Либкнехта, 26

17:00 «Япония в Калифорнии» — персональная выставка художницы М. Семенкиной
Екатеринбургский музей изобразительных искусств ул. Воеводина, 5

18:30 Юбилейный концерт заслуженной артистки РФ Эллы Приймико
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

6—8 ноября

«Дмитриев день»
«Вечерка» — IV Российский фольклорный фестиваль ЦК «Молодежный», ул. Высоцкого, 22

7 ноября

10:30, 13:30 ПРЕМЬЕРА 2009 года:
«Веселая сказка про сладкую жизнь»
Театр кукол, ул. Мамина-Сибиряка, 143

8 ноября

13:00 «День домашнего питомца» — детская праздничная программа
Екатеринбургский зоопарк, ул. Мамина-Сибиряка, 189

14:00 «Шедевры русской классики» на сцене Камерного театра: «Метель» А. С. Пушкина
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

9 ноября

18:30 Эксклюзивные проекты Театра балета «Щелкунчик» «Волчонок» — балет-причта
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

11 ноября

17:00 Концерт, посвященный 50-летию детской музыкальной школы № 7 им. С. В. Рахманинова
ДМШ № 7 им. С. В. Рахманинова, ул. Техническая, 54

18:30 Пол Уинтер (США) и мировая премьера проекта «Flayways» с участием ансамбля «ИЗУМРУД»
Театр музыкальной комедии, пр. Ленина, 47

11, 12, 24 ноября

10:30 ПРЕМЬЕРА: причта для детей и родителей
«У КОВЧЕГА В ВОСЕМЬ»
ТЮЗ, ул. К. Либкнехта, 48

11, 12, 25, 26 ноября

19:00 «Екатеринбургский театр танца» представляет:
«Взрыв» — танс-спектакль
ТЮЗ, ул. К. Либкнехта, 48

13 ноября

16:00 Открытие выставки Студии «Лоскутный стиль»
«Храним традиции Руси» (лоскутное шитье)
Музейный центр народного творчества «Гамаюн» ул. Гоголя, 20

19:00 Концерт Александра Розенбаума
ККТ «Космос», ул. Дзержинского, 2

14 и 15 ноября

18:00 ПРЕМЬЕРА: совместный российско-французский проект Жан-Люк Лагарс «Мы, герои»
ТЮЗ, ул. К. Либкнехта, 48

17 ноября

16:00 «Соната, танго и романс...» — концертная программа ТРЦ «Карнавал»

18:30 «Волшебная сила искусства» — абонемент образовательных учреждений культуры Екатеринбурга
Театр балета «Щелкунчик», ЕМИИ, концертные залы ДШИ и КДЦ Екатеринбург

19:00 «По дороге любви» — новая концертная программа Валерии ККТ «Космос», ул. Дзержинского, 2

18 ноября

286 лет со дня основания ЕКАТЕРИНБУРГА

19 ноября

15:00 «Увлекательное путешествие в мир музыки» — музыкально-хореографический абонемент
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

19—21 ноября

Городской конкурс исполнительского мастерства преподавателей детских школ искусств
Концертные залы детских школ искусств Екатеринбург

20 ноября

18:30 Городской дом музыки представляет...
«Окно в Европу». Румынское путешествие — концерт камерного оркестра «В-А-С-Н», абонемент «Феерия звука и воды»
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

22 ноября (11:00), 26 ноября (18:30)

Эксклюзивные проекты Театра балета «Щелкунчик»
«Приключения Братца Кролика» — балет-сказка в стиле кантри
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

22 ноября

16:00 «Музыкальные звездочки» — VI детско-юношеский конкурс на лучшее исполнение музыки екатеринбургских композиторов. Торжественная церемония закрытия и концерт победителей
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

17:00 «Сказка приглашает...» — вечер балета
Центр культуры «УРАЛ», ул. Студенческая, 3

23 ноября

17:00 «Шедевры русской классики» на сцене Камерного театра: «Дядя Ваня» А. П. Чехова
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

25 ноября

15:00 Премия имени В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина — церемония награждения лауреатов 2009 года
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

26 ноября

15:00 «Признание» — торжественное чествование деятелей культуры, науки и образования — юбиляров года
Главой Екатеринбурга и общественностью
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

15:00 «Самый родной на земле человек» — литературно-музыкальная композиция. «Заглянем в мамини глаза» — книжная выставка. «Мы рисуем маму» — выставка детского рисунка к Всероссийскому Дню Матери
Чкаловский филиал БГЕ, ул. Косарева, 7

26, 27 (18:30) и 28 ноября (18:00)

ПРЕМЬЕРА: Н. Римский-Корсаков, опера «Царская невеста»
Театр оперы и балета, пр. Ленина, 46а

27 ноября

17:00 «Серебряные напевы Елизавета» — концерт хора русской песни, посвященный 25-летию коллектива ДК «Елизаветинский», ул. Бисерская, 14

18:30 Городской дом музыки представляет...
Концерт оркестра «В-А-С-Н» и хора «Доместик»
Театр балета «Щелкунчик», ул. 8 Марта, 104

28 ноября

10:00 «Самая прекрасная из женщин» — книжно-иллюстративная выставка к Всероссийскому Дню Матери
Орджоникидзевский филиал БГЕ, пер. Симбирский, 7

15:00 «Мама - это...» — концертная программа, посвященная Дню Матери и конкурс-выставка детского рисунка
ЦК ИИ «Верх-Исетский», пл. Субботников, 1

15:00 «Дочки-матери» — музыкальная открытка к Всероссийскому Дню Матери
Ленинский филиал БГЕ, ул. Хохлаева, 104

16:00 Праздничная программа, посвященная Всероссийскому Дню Матери
КДЦ «Буревестник», ул. Рабочих, 15

28 и 29 ноября

12:00 «Ночь перед Рождеством» — шоу авторской куклы, в год 200-летия Н. В. Гоголя
Музей «Литературная жизнь Урала XIX века» ул. Тоимачева, 41

15:00 и 19:00 Гастроли Пермского театра «У Моста»: М. Мак-Донах. «Череп из Коннемары» и «Красавица из Линэна»
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

29 ноября

19:00 Новая творческая программа Эдварда Радзинского
ККТ «Космос», ул. Дзержинского, 2

19:00 Концерт мастера тувинского горлового пения
Николая Ооржака
Центр культуры «УРАЛ», ул. Студенческая, 3

30 ноября

ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕНЬ МАТЕРИ

30 ноября

15:00 «Я выбираю жизнь» — дискуссионная трибуна с участием учащихся средних специальных учебных заведений Чкаловского района
БИЦ «Чкаловский», пер. Ремесленный, 7

16:00 Открытие выставки к 125-летию первой публикации романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо»
Музей Д. Н. Мамина-Сибиряка, ул. Пушкина, 27

17:00 «Шедевры русской классики» на сцене Камерного театра: «Волки и овцы» А. Н. Островского
Камерный театр, ул. Пролетарская, 18

Подробности
читайте в журналах:

ЕКАБЕРИ

ДАШУТ